

Н. КИСЕЛЕВ

НОЧНОЙ ВИЗИТ

ДЕТГИЗ · 1963

Ночной визит

Николай Алексеевич Киселев

Аннотация
Н. Киселев. НОЧНОЙ ВИЗИТ
Глава первая. НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ
Глава вторая. БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ
Глава третья. ПЕРВЫЕ ШАГИ
Глава четвертая. ВАСИЛЬЕВ И КРОТОВ ДЕЙСТВУЮТ
Глава пятая. СЛЕДЫ
Глава шестая. В ГОРОД
Глава седьмая. ПО ПЯТАМ
Глава восьмая. ЛИЦОМ К ЛИЦУ
Глава девятая. МОЛОДОСТЬ ДОВЕРЧИВА
Глава десятая. ПЕРВЫЙ
Глава одиннадцатая. РОДНАЯ СТОРОНА
Глава двенадцатая. ДЕЛО №93
Глава тринадцатая. ВРАГ ТОРОПИТСЯ
Глава четырнадцатая. ПОВЕЗЛО
Глава пятнадцатая. ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
Глава шестнадцатая. ВТОРОЙ
Глава семнадцатая. СОЗНАТЬСЯ ИЛИ МОЛЧАТЬ?
Глава

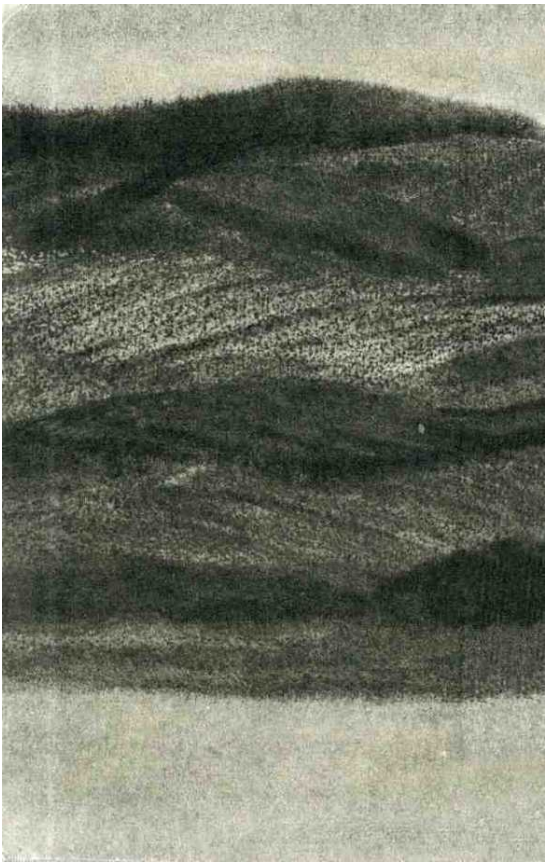
восемнадцатая. В ПОИСКАХ СООБЩНИКОВ
Глава девятнадцатая. ЖИЗНЬ ЗА РОДИНУ
Глава двадцатая. НЕ УСПЕЛИ
Глава двадцать первая. ТРЕТИЙ
Глава двадцать вторая. ЗА ПЛОТНЫМИ ШТОРАМИ
Глава двадцать третья. ОТВЕТНЫЙ УДАР
Глава двадцать четвертая. В НАСТУПЛЕНИЕ
Глава двадцать пятая. СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ
Глава двадцать шестая. ПРИМАНКА
Глава двадцать седьмая. ЛОВУШКА
Эпилог
Н. А. Киселев

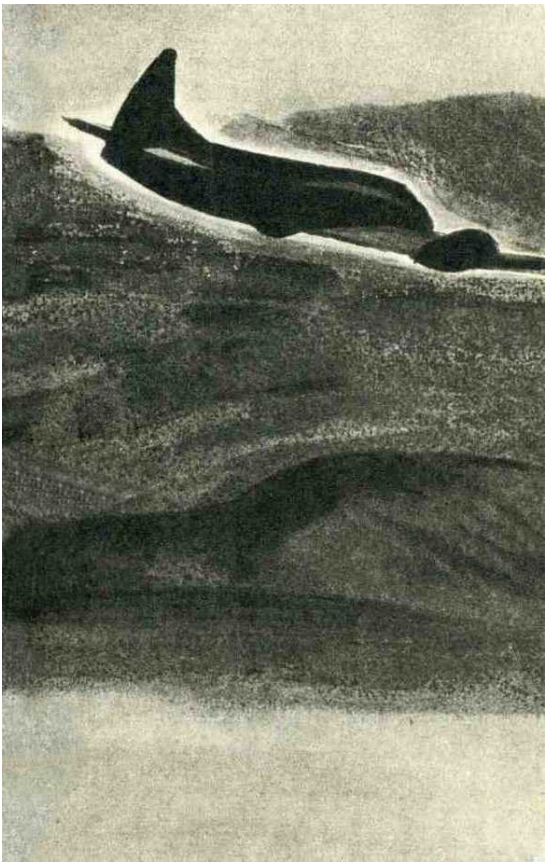
Аннотация

Трое пробирались по тихому ночному лесу. Они шли, далеко обходя деревни и поселки. Их пугал каждый шорох, звук человеческого голоса. К рассвету они вышли на лесную опушку. Вдали мерцали огни большого просыпающегося города. И три вражеских лазутчика вздохнули с облегчением: ведь в лабиринте улиц можно затеряться, бесследно исчезнуть, чтобы потом начать действовать. Кажется, все опасности миновали…

Но советским чекистам уже было известно, что границу родной страны нарушил неизвестный чужеземный самолет. И поиск начался…

Рисунки *В. Высоцкого*.





БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1963

Н. КИСЕЛЕВ

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Повесть

РИСУНКИ
В. Высоцкого

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

Н. Киселев
НОЧНОЙ ВИЗИТ

Крепче держись-ка!
Не съесть врагу.
Солдаты
Дзержинского
Союз
берегут.
Вл. Маяковский

Глава первая
НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

Самолет шел на большой высоте. За окнами бесконечной пропастью темнела земля. Трое пассажиров в кабине напряженно вглядывались в черную глубину. Изредка они перекидывались взглядами, и глаза у всех были встревоженные.

Четвертый пассажир казался спокойным. Он безучастно дремал, откинувшись на спинку брезентового сиденья — шезлонга. Но, если бы те трое пригляделись повнимательнее, они увидели, каким настороженным взглядом сквозь вздрагивающие ресницы окидывал их этот человек.

Трое молчали и смотрели в окна. Сейчас одна судьба соединила их. Но какими разными дорогами пришли они все к той одной, которая вела их в неизвестность — может быть, на верную гибель!..

Они не знали настоящих имен друг друга, но догадывались, что те имена, с которыми они привыкли обращаться один к другому, — вымышленные. Каждый помнил свое имя, данное ему от рождения. Но этих имен не произносили ни они сами, ни их начальники и инструкторы,

давшие им новые имена и тренировавшие их для предстоящего дела.

Сергей, Николай и Владимир — так привыкли они звать друг друга, когда судьба свела их вместе на небольшой уютной даче в горной Баварии. Этот маленький коттедж за глухим забором, выстроенный в глухом, уединенном местечке, был одним из тех пунктов, где тренировались разведчики. Он был одной из многих «учебных подготовительных точек», организованных в Западной Германии американским разведывательным центром.

Тренировки, тренировки, тренировки… Казалось, им не будет конца. Радиодело и тщательная отработка приемов джиу-джитсу, учебная стрельба и занятия по составлению и расшифровке тайнописи, топографии и специальные беседы — инструктажи по тактике и стратегии тайной борьбы против той страны, которая для каждого из троих когда-то звалась священным словом: родина.

Но среди тренировок и занятий были минуты отдыха. И вот в эти-то минуты каждый из троих, словно замыкаясь в себе, был порой молчалив, задумчив или угрюмо сосредоточен, будто бы каждого тяготили какие-то мрачные мысли, вос-

поминания или невеселые думы о будущем.

— Хелло, друзья! — весело восклицал при виде их угрюмых физиономий Генрих Беттер — вербовщик новых агентов, частенько наведывающийся на дачу. — Хелло! Подсчитываете будущие барыши? Вполне понимаю вас. Еще бы! Кругленькая сумма на счете в банке никому не помешает. Тем более вам — молодым сильным парням, начинающим жизнь!..

Сергей, самый рослый из всех троих, плечистый и белокурый, при упоминании о «счете в банке» сразу же заметно оживлялся. Деньги! Да, деньги — ради них стоило жить, идти на риск. Ради денег он когда-то и поддался на уговоры Беттера. Деньги… Деньги!.. Преклонение перед деньгами, уважение к тем, кто богат, с детства прививалось Сергею в семье. В дни войны его отец был бургомистром в одном из городов Крыма. Деньги делали свое дело. И отец Сергея во имя богатства так рьяно служил гитлеровцам, что те милостиво вывезли его с семьей в Германию, когда советские войска пядь за пядью освобождали крымскую землю от оккупантов.

По-другому сложилась судьба Николая, сутулого, низкорослого парня с уродливо вытянутой, головой и небольшим шрамом под глазом.

Шефы считали его самым надежным из всей тройки. Во-первых, потому, что во время войны Николай служил в так называемом «русском национальном» полку «Десна», сформированном гитлеровцами из уголовного сброда; во-вторых, потому, что он крепко обосновался в Германии после войны, женился на немке, у него было двое детей. Этому нечего рассчитывать на прощение, полагали нынешние хозяева Николая. К тому же семья останется в «залоге», и с его стороны можно не опасаться предательства.

Тяжелая жизнь, нужда, привела в школу разведки и Владимира. Еще мальчиком он был вывезен гитлеровцами в Германию. Оккупанты заманили его, пообещав хвастливо, что в технически первенствующем над всем миром райхе они помогут мальчику выучиться и получить специальность механика. А механиком Владимиру очень хотелось стать. Однако ни в какие мастерские, ни в какую школу Владимиру устроиться не удалось. Не удалось вообще найти работу. Чужой беспощадный мир окружил его плотной стеной равнодушия. Он стал бродяжничать. Несколько раз удалось получить мизерные пособия в эмигрантском «Союзе». Он пристрастился к скачкам в надежде выиграть несколько

марок… Когда в Берлин пришла Советская Армия, Владимира, как советского гражданина, мобилизовали в оккупационные войска. Однако тайком ото всех он продолжал посещать скачки — это стало уже его страстью. Для игры в тотализатор нужны были деньги. Владимир начал брать их в долг, продавал свои и казенные вещи… И в конце концов он так запутался, что дезертировал и бежал в Западный сектор, где незамедлительно попал в паутину американской разведки.

…Тренировки, тренировки, тренировки… Неделя за неделей, день за днем. И каждый день неотвратимо, безжалостно приближал неизбежную минуту предстоящего прыжка в неведомое.

И вот эта минута близка… Совсем близка… Потому так встревоженно переглядываются «пассажиры». Потому так судорожно их пальцы сжимают треугольничек парашютного «кольца». Впрочем, дергать за это кольцо не понадобится. Парашют раскроется сам, автоматически.

В начале августа всех троих специальным самолетом перебросили из Баварии в Грецию. Беттер полетел с ними. В маленьком городке близ границы, в небольшом скромном отеле разведчики встретились с полковником Шиллом, американцем, одетым в штатское, похожим на бульдога.

Встреча была короткой, и они понимали, что такое высокое начальство, как полковник, не будет долго канителиться. Скорее всего, оно произнесет на прощание какую-нибудь речь. Так и случилось.

— В наши дни, — сказал полковник Шилл, — когда все волей-неволей должны приспосабливаться к той форме существования, которую прогресс техники навязал миру, ни одно государство не может жить изолированно от других, герметически закупориваться в рамки своих границ. Свободный мир надеется на нас, и мы должны оправдать его надежды. Мы обязаны знать, что происходит в мире, ибо мы — это уши и глаза подлинной свободы и демократии.

Полковник помолчал, очевидно собираясь с мыслями, и беззвучно пожевал губами, что еще больше придало ему сходства с бульдогом.

— Вам дано оружие, — продолжал он затем, — и оно должно вам помочь добиться цели. — Тут Шилл простер вперед руку и громко воскликнул: — История запишет ваши имена в число храбрейших солдат — борцов за свободный мир!

Имена… Какие имена запишет история в число «храбрейших солдат» — настоящие или вот эти, вымышленные?.. На этот вопрос ни один из троих не мог бы ответить. Но каких целей они должны добиться с помощью американского оружия, все трое знали по инструкциям, заученным наизусть, — их задачей было собирать информацию о дислокации советских войск, о местах расположения ракетных баз и военных аэродромов, добывать подлинные советские документы граждан: паспорта, удостоверения, пропуска на заводы… Им каждый день втолковывали, что в борьбе хороши все средства: обман, подкуп, угроза, лесть, шантаж, диверсия, поджог, убийство. Все допустимо. Но их предупреждали, что надо быть очень осторожными, потому что советская контрразведка обладает большими опытом борьбы со шпионажем.

— Не обольщайте себя надеждой на глупость противника, — сказал им как-то во время занятий инструктор Джон, обучавший их на даче тактике конспирации.

Да, все трое — они не обольщали себя такой надеждой. Впереди их ждало что-то неизвестное и страшное. Ведь туда, на восток, они летели сейчас с такими заданиями, против которых борется вся страна — их бывшая родина. Против них, незваных гостей, там будет решительно все: советские законы, органы государственной безопасности, весь народ — главное, весь народ, каждый советский человек, и малый и старый. И сама земля вместо опоры может стать их могилой…

Чем ближе была невидимая граница, которую должен пересечь самолет без опознавательных знаков и сигнальных огней, тем все тревожнее становилось на душе у «пассажиров».

Стараясь себя подбодрить, Сергей считал, сколько заклепок в потолке и в бортах кабины самолета. Он загадал — если число будет четным, значит, ему повезет. Он верил в свое счастье — его «звезда» всегда горела ярким негаснущим светом. Иногда — это бывало — она чуть меркла, но никогда не гасла. Правда, сегодня тринадцатое число. Несчастливая цифра. А впрочем… Сергей

взглянул на часы. Стрелки показывали половину второго ночи. Значит, уже не тринадцатое, а четырнадцатое — четырнадцатое сентября 1953 года…

Николай хмуро смотрел в окно. Самолет снижался.

Это было заметно по тому, как закладывало уши. Кроме того, кое-где внизу замерцали далекие огоньки. Неужели это — конец пути и сейчас надо будет прыгать? Быть может, там, внизу, пеленгаторы уже поймали «цель», и в небо уставились зияющие жерла зениток?.. Быть может, прыгнув, они все втроем сразу же попадут в руки пограничников или советской контрразведки?..

Постоянно — то инструкторы, то сам Беттер — внушали им, что попасть в руки «службы безопасности» — это значит наверняка погибнуть мучительной смертью. Кто-то однажды принес в коттедж листок эмигрантской газетки «Посев», издающейся в Западной Германии. Вся газетка от первой до последней строчки была посвящена расстрелянным в Советском Союзе шпионам — Лахно, Макову, Горбунову и Ремиге. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла им 27 мая 1953 года смертный приговор. «Мучительная смерть», «нечеловеческие пытки», «жестокость

озверелых большевиков»... — то и дело мелькали строчки. Преступников, пойманных советскими чекистами, называли в газетке «героями, отдавшими жизнь во имя «свободного мира». Этот номер эмигрантского листка произвел на Сергея, Владимира и Николая гнетущее впечатление. Беттеру с трудом удалось убедить их, что Лахно, Маков, Горбунов и Ремига провалились только потому, что не придерживались в точности инструкций и вели себя неосторожно.

— Главное, старайтесь не попадаться, — сказал он. — Добудьте себе настоящие советские документы.

— А если все-таки?.. — проговорил угрюмо Николай.

— Тогда лучше покончить с собой, чем подвергнуться мучениям.

Беттер говорил по-русски довольно хорошо, но «ученикам» иногда казалось, что речь немца звучит слишком уж вычурно.

Об этом номере «Посева» вспоминал сейчас и Владимир. Смерть, смерть... О ней не хотелось думать. Ведь он еще молод. И он не уголовный преступник, как Николай. Он не служил в полку «Десна», не участвовал в облавах на советских патриотов, не ходил в карательные экспедиции

против партизан… Родина может еще простить… И его родители не сотрудничали с гитлеровцами, как отец Сергея. Может быть, на далекой Смоленщине, в деревеньке, что спряталась за палисадниками с буйно разросшейся сиренью, жива его мать… Но он дал согласие работать на иностранную разведку! И разве пощадит его советский закон, даже если он явится с повинной, если расскажет о своих сообщниках, о тех заданиях, которые дала им американская разведка?..

Владимир украдкой покосился на Сергея и Николая. Явиться с повинной? Выдать их?.. Убить?.. Нет, он этого сделать не в силах! А если уговорить?.. Но пойдут ли они сами на такие уговоры? С Николаем шутки плохи: назовет предателем — и пулю в затылок…

Под потолком замигала синяя лампочка. Сопровождающий — долговязый американец — привстал, оглядывая «пассажиров» зоркими, без тени дремоты, глазами. Пора. Он распахнул дверь. Гул моторов ворвался снаружи, оглушая нестерпимым грохотом. Шпионы поднялись со своих мест. Владимир и Николай взглянули на Сергея. Он всегда во всем старался быть первым. Еще там, на даче в Баварии, его будущие сообщники заметили это. Он первым выходил, чтобы

продемонстрировать инструктору перенятые приемы джиу-джитсу, первым отвечал на вопросы Джона и первым надевал наушники на занятиях по радиоделу. Но сейчас Сергей топтался возле раскрытой двери в нерешительности. Ему не хотелось сейчас быть первым. Он высунулся из двери и в тот же миг почувствовал толчок сзади. Американец носком башмака толкнул его в парашютную сумку. Мгновение, и он ощутил рывок — раскрылся парашют. Окинув взглядом небо, он увидел неподалеку три купола. «Почему — три? — с удивлением подумал он и вспомнил: — Еще парашют с грузом»…

Двое сообщников Сергея тоже видели его парашют. Владимир время от времени поглядывал вниз, надеясь увидеть землю. Но внизу была только черная пустота. Он ощупал висевшие на поясе финский нож, гранаты, пистолет. И вдруг затрещали ветки, ломавшиеся под парашютными стропами. Еще мгновение, и наступила тишина. Странная тишина.

Владимир прислушался, надеясь уловить хотя бы гул моторов самолета. Но все было тихо. И снова его охватил страх. Кошмарный страх перед неизвестным.

Глава вторая
БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Старший пограничного наряда ефрейтор Ковалев и его напарник — молодой солдат, совсем недавно прибывший на заставу, долго всматривались в ночную темноту. Тьма была густой, казалось, даже — ощутимой. Только слабое волнение моря угадывалось по фосфорическим бликам, которые непрерывно возникали и пропадали вместе с волнами.

«Тихо крутом, — подумал Ковалев, вспомнив рассказы старых пограничников. — А когда-то это был беспокойный участок...»

Наряд спустился к морю. Запахло прелыми водорослями. Почти у самых ног слышался плеск прибоя. Ковалев посмотрел на часы. До рассвета недолго.

Пограничники молча шли по береговой полосе, а затем стали подниматься по влажной от росы тропинке, извилисто уходящей вверх между большими обомшелыми валунами.

Сколько раз Ковалев ходил по этой тропе — дозорной тропе погранаряда. Каждый камешек, каждый кустик были ему здесь знакомы. И,

появись поблизости новый, даже небольшой камень или пенек, зоркие глаза пограничника моментально отметили бы это изменение в привычном пейзаже. Впрочем, в такую темную ночь ничего вокруг не было видно, и Ковалев больше слушал, чем смотрел.

Тропинка перевалила подъем и снова сбежала к морю. Из-под ноги молодого бойца выскользнул камень и со стуком покатился вниз. Оба остановились. И, если бы не темнота, младший наряда, молодой пограничник, поймал бы укоризненный взгляд ефрейтора, а тот, в свою очередь, увидел бы на щеках напарника краску смущения и досады.

Камень с плеском упал в воду, и пограничники снова двинулись по тропе. Теперь младший наряда старался ступать как можно осторожнее. Так шли они вниз, и тишина ночи не нарушалась шумом их шагов.

Спустившись, пограничники пошли по берегу моря. Мокрый песок шуршал под ногами. Небольшие волны с легким шелестом накатывались на берег, тихо ударялись о камни.

Вдруг привычное ухо ефрейтора уловило неясный гул. Он остановился, и немедленно позади замер его напарник. Гул то появлялся, то пропадал. «Сторожевые катера…» — подумал было

Ковалев. Но что-то в этом гуле все же смущало его. Самолет? Да, самолет.

Запрокинув голову, Ковалев стал с напряжением всматриваться в звездное небо. В эту пору рейсовые самолеты над участком не пролетали, и о том, что ночью здесь должен пролететь самолет, вечером перед заступлением в наряд на инструктаже дежурный по заставе тоже ничего не говорил.

Гул приближался. Ковалев понял, что машина идет на небольшой высоте. Но где же опознавательные огни? Они должны быть видны.

Внезапно в глубокой вышине среди звезд мелькнула вспышка, словно кто-то вверху чиркнул зажигалкой.

Под ногой молодого пограничника хрустнула раздавленная каблуком ракушка. Ковалев быстрым движением прикоснулся к его шинели. Он почувствовал, что его товарищ затаил дыхание.

— Без огней идет, — шепнул ефрейтор. — Не наш.

Гул мотора, похожий на жужжание большого волчка, проплыл над головой пограничников и стал удаляться в глубь советской территории.

— Наблюдай! — приказал Ковалев напарнику, а сам, спотыкаясь в потемках, бросился к полевому

телефону.

Бесстрастный счетчик времени — маятник часов — равномерно отстукивал свое «тик-так, тик-так»... Дежурный офицер пограничной заставы, чтобы отогнать назойливую дремоту, в такт тиканию маятника ходил равномерным шагом по комнате из угла в угол. Он остановился у раскрытого окна, снял фуражку и, вдыхая свежий ночной воздух, с наслаждением потянулся.

Яркий свет из окна дежурного помещения желтым пятном падал на кусты пышного боярышника, тесно разросшегося перед окном. Был уже сентябрь, но природа словно не хотела сдаваться. Еще почти не видно желтых листьев.

Кругом стояла тишина. И только маятник продолжал свою неугомонную песенку — «тик-так, тик-так».

И вот эту тишину нарушило настойчивое и тревожное гудение зуммера. Дежурный шагнул к столу и снял трубку.

— Товарищ младший лейтенант, докладывает старший наряда ефрейтор Ковалев. — Голос у пограничника был взволнованный. — Неизвестный самолет без огней нарушил границу и углубился на нашу территорию!..

— Усилить наблюдение за местностью! — при-

казал дежурный. — Следите, не сброшены ли с самолета люди.

Тревога! Тревога! В ружье!.. Как часто приходится бойцам пограничных застав вскакивать среди ночи по боевому сигналу — минута на одевание, минута на построение с оружием в руках. Иногда это тревоги учебные. Иногда — боевые. Но в любом случае по этому сигналу, по громкой команде дежурного быстро и четко строятся солдаты, готовые и к учениям, и к яростному бою с врагом.

Считанные минуты, и на смену тишине, только что царившей здесь, весь участок границы пришел в движение, словно вдруг кругом закипел шумящий водоворот.

Еще до того как Ковалев услышал в ночном небе шум моторов, чуткие радиолокаторы засекли в воздухе цель. Оперативный дежурный службы ВНОС объявил тревогу и распорядился докладывать ему об обстановке через каждые три минуты.

Телефоны звонили без умолку. Бесшумно вращались антенны радиолокаторов. Радиометристы с пунктов сообщали:

— Цель движется прежним курсом. Скорость малая…

— Высота шестьсот метров. Цель неясна…

Операторы, сидевшие у аппаратов, едва успевали записывать сообщения. Было ясно — над советской территорией появился чужой самолет. С какими целями пересек он рубеж? Пограничники, заметившие его появление, сообщили, что сигнальных огней нарушитель границы не несет. Значит, это враг. Его нельзя было выпускать из поля наблюдения.

И вдруг сообщения прекратились.

— Позвоните на пункты! — нервничал оперативный дежурный. — Что там? Почему нет сообщений? — спрашивал он радиометристов.

Как бы в ответ на это, телефоны зазвонили вновь. Тревожные голоса в трубках сообщали, что цель потеряна.

— Ищите, ищите быстрее! — приказывал дежурный. — Включите резервные средства!

Спустя несколько минут с одного из пунктов доложили, что снова видят цель, идущую обратным курсом на большой высоте и скорости.

— Мерзавцы! — вырвалось у дежурного. — Удирают! Напакостили где-нибудь…

Начальник областного управления Комитета государственной безопасности полковник Телегин вызвал к себе в кабинет оперативных работников.

«Какова была цель у тех, кто летел на неизвестном самолете? Самолет мог быть разведывательным, мог и просто заблудиться. Но прежде всего надо выяснить, не сброшены ли на нашу землю шпионы-парашютисты. Не случайно самолет пролетел над большим лесным участком нашей территории. Очень удобное место для высадки лазутчиков», — думал Телегин.

Первыми в кабинет начальника управления вошли майор Васильев и капитан Кротов.

— Товарищ полковник, прибыли по вашему приказанию! — доложил Васильев. — Люди собраны. Ждут в приемной.

Офицеры стояли подтянутые, собранные, словно приказ о вызове к полковнику застал их не в постели среди ночи, а днем в служебном кабинете готовыми тотчас же к выполнению любого задания. Полковник с удовлетворением оглядел худощавую фигуру Васильева, скользнул взглядом по его энергичному чуть смуглому лицу с внимательными твердыми глазами. В майоре все подчеркивало человека собранного, дисциплинированного. Капитан Кротов был чуть пониже майора Васильева ростом, светловолосый, с высоким лбом и маленькими, не по-мужски маленькими руками. Но полковник знал, как

крепки и сильны эти руки — руки одного из лучших самбистов в управлении.

— Зовите, — сказал полковник.

Кабинет быстро заполнился людьми. Входили, молча рассаживались, почти бесшумно отодвигая стулья.

Ночные вызовы на службу для чекистов — явление обычное. Их работа не может быть регламентирована рамками служебного дня. Ведь враг сам определяет время для своих действий. А для тайных и черных деяний ночь — наиболее подходящее время.

— Только что пограничники сообщили, что неизвестный самолет нарушил границу, — глуховатым голосом начал полковник, привычно поправляя рядок карандашей, лежавших перед ним и без того ровно. — Он появился со стороны моря, в квадрате номер три... — Телегин встал, взял один карандаш и подошел к карте. — Затем он пролетел над озером, над селением Веснянка, над станицей Соколовской и, видимо, вот здесь развернулся и лег на обратный курс... Назад нарушитель проследовал в том же районе границы, где она была нарушена.

Полковник помолчал. И сидящие за столом поняли, что он уже принял какое-то решение.

— Пограничники свое дело сделали, — сказал начальник управления. — Самолету не удалось проникнуть к нам тайком. Он был замечен. Остальные задачи ложатся на нас.

Все внимательно слушали его. Телегин подошел к столу, взял линейку и снова обернулся к карте.

— До места разворота самолета от границы шестьдесят километров. Надо обследовать этот район. Тщательно обследовать. Если были выброшены парашютисты, то должны остаться и следы. Побеседуйте с колхозниками, ночными сторожами, дежурными. Действовать нужно быстро и энергично, чтобы как можно скорее задержать и обезвредить вражеских парашютистов. О ходе поисков докладывайте мне. — Полковник оглядел офицеров. — Вопросы есть? — Он подождал немного и добавил: — Если вопросов нет, то совещание можно считать законченным.

Снова задвигались стулья, на этот раз со стуком. Сотрудники вставали, чтобы тотчас поспешить к назначенным пунктам.

Глава третья
ПЕРВЫЕ ШАГИ

Прохладный ночной воздух, полный разнообразных запахов осеннего леса, напомнил Владимиру о чем-то родном, очень далеком и в то же время близком. Сердце сжалось от неизъяснимого волнения. Но это чувство сразу же исчезло, уступив место тревоге и настороженности. Он затаил дыхание и прислушался. Тишина. Только слегка шуршал на ветру зацепившийся за дерево парашют.

Стараясь не шуметь, Владимир отстегнул ремни, стягивающие на груди связки строп, подергал, стащил парашют с дерева, потом быстро снял комбинезон и спрятал груду шуршащего шелка вместе с комбинезоном и шлемом под вывороченное бурей корневище старого дерева.

Избавившись от парашюта и комбинезона, Владимир почувствовал некоторое облегчение. Его никто не видел, внушал он себе. И чем теперь он отличается от прочих людей?

Он взглянул на светящийся компас и мысленно определил, где могли приземлиться Сергей и Николай. Тихо свистнул, подражая голосу ночной

птицы. Ответа не было. Тогда, взвалив на плечо увесистую десантную сумку, поминутно останавливаясь и прислушиваясь, он сделал несколько неуверенных шагов. Остановился, осмотрелся и вернулся назад. Опять взглянул на компас. Надо ждать рассвета.

Напряжение, вызванное ночным полетом, и волнение давало себя знать. Все тело вдруг обмякло. Никуда не хотелось идти. Никого не хотелось искать. Уснуть бы, уснуть... Владимир опустился на траву и забылся тревожным, тяжелым сном.

Проснулся он от холода на рассвете. Вскочил и спросонок схватился за пистолет. Но его обступала все та же тишина. Только тьма сменилась розоватой зарей, просвечивающей сквозь листву и хвою.

Крадучись, Владимир стал пробираться в ту сторону, где, по его расчетам, должны были приземлиться Николай и Сергей. Каждую минуту он замирал от малейшего шороха. Его пугал каждый звук — треск сучка, хлопанье крыльев потревоженной птицы, шелест ветра в ветвях. Он приседал и со страхом озирался по сторонам.

Так брел он, вероятно, около получаса. Взгляд был прикован к каждому подозрительному предмету, а подозрительным казалось все: пень,

куст, корни в изломе оползня… Внезапно совсем близко раздался топот лошадиных копыт и скрип колес: Владимир едва не выскочил на дорогу. Это так испугало его, что он шарахнулся в чащу и долго сидел в кустах, боясь пошевелиться.

Когда все стихло, когда успокоилось немного сердце, Владимир постарался взять себя в руки. Лучше всего было бы залезть на дерево и оглядеться. Надо узнать, куда идти. Сбросив тяжелую сумку, он вскарабкался на высокую сосну. Вокруг, словно разбрызганные капли краски, пестрели желтые, красные, оранжевые пятна — верхушки деревьев уже почувствовали приближение осени.

Вдали он заметил какой-то яркий предмет. И тотчас же узнал грузовой парашют. Вытянувшийся сигарой, купол парашюта слегка шевелился и вздрагивал, словно кто-то осторожно пытался снять его с дерева. Сердце опять забилось учащенно. Ну конечно, там Сергей и Николай. Это они!.. Но страх вдруг снова удержал его от решимости немедленно слезть и бежать к парашюту. А что, если это не они?

Прижавшись щекой к липкому от смолы стволу, Владимир беспокойно обшаривал взглядом верхушки деревьев. И только убедившись, что

парашют шевелится от ветра, спустился вниз и осторожно пошел вперед сквозь чащу.

Чем ближе он подходил к парашюту, тем медленнее и напряженнее становился каждый его шаг. Ему казалось, что именно здесь, возле дерева, за которое зацепился парашют, его ждет какая-то ловушка. Рука судорожно сжимала рукоятку пистолета. Ему чудилось, что перед ним вот-вот раздвинутся кусты и послышится грозный окрик: «Стой!» Но в то же время ему почему-то хотелось, чтобы это случилось. Пусть уже сразу, только бы не этот страх, противной гадюкой шевелящийся в сердце!..

Не дойдя до парашюта шагов двадцати, он спрятался в кустах и принялся наблюдать, лежа в густой траве. Сквозь травинки он увидел грузовой контейнер, похожий на бочонок, который лежал под деревом, опутанный стропами. В контейнере были продукты, запасные аккумуляторы для раций, взрывчатка…

Владимир лежал довольно долго, боясь пошевелиться. Все вокруг было тихо. Не шевелилась ни одна травинка. Только неугомонные муравьи под самым носом Владимира суетились, настойчиво тащили куда-то иголочки рыжей хвои, кусочки листьев и прочий лесной мусор, словно

хотели поскорее спрятать свое добро от взгляда шпиона…

Все было спокойно. Ничего подозрительного. Решившись наконец, Владимир поднялся, быстро подбежал к дереву, сдернул парашют, свернул и спрятал вместе с контейнером в канаве, замаскировав еловыми ветками.

Он проделал все это быстро, и, когда контейнер с парашютом были надежно спрятаны, на сердце стало легче. Мысль заработала четче. Груз здесь. Без него Николай и Сергей никуда не уйдут, будут искать. Значит, придут сюда. Надо остаться здесь и подождать…

В стороне раздался шорох. Кто-то тихо пробирался по кустам. Владимир ничком упал на землю и отцепил от пояса гранату; шорох стих. Затем повторился снова. Ладонь, сжимающая ручку гранаты, стала мокрой и липкой от пота. Голова раскалывалась от гулких ударов крови…

А шорох все приближался. Владимир ясно видел человека, который полз между кустами на четвереньках. И то, что человек был один, мгновенно успокоило лазутчика. Он положил гранату и вытащил пистолет.

Высокая трава и кустарник мешали разглядеть лицо ползущего человека. Но вот кусты раздвину-

лись и человек приподнялся. Владимир тотчас же успокоенно спрятал пистолет и свистнул. Голова моментально исчезла, словно по ней ударили чем-то невидимым, но очень тяжелым. Впрочем, она вскоре опять высунулась из травы.

— Сергей!.. — тихо позвал Владимир.

Это был Сергей. Вслед за ним из кустов вылез Николай.

— Никола! Серега!..

— Володька!..

Сообщники, обрадованные встречей, радостно хлопали друг друга ладонями по спинам, по плечам, забыв на миг всякую осторожность. Они снова были вместе. И это придало им и смелости и уверенности.

Когда радость улеглась, лазутчики откопали спрятанный Владимиром контейнер, разложили груз по сумкам и поспешили уйти подальше от этого места. Идти теперь было легко — ведь шли втроем.

— Надо сообщить, что все благополучно, — сказал Сергей. Он добровольно взял на себя роль старшего.

Отыскали глухое место, развернули рацию. Владимир надел наушники. Сергей и Николай отошли к кустам, внимательно осматриваясь

кругом. Оружие было наготове. Каждого, кто бы ни показался здесь, ждала неминуемая смерть.

Покрутив регулятор, Владимир сквозь хаос звуков быстро уловил свои позывные. Торопливо склонившись над передатчиком, он отстукал всего три слова: «все в порядке». Это было безопасно. За такой короткий срок запеленговать действующую рацию трудно.

В ответ на сообщение последовали слова поздравления с успехом. Затем было передано, что вернувшиеся летчики не заметили на земле никакой тревоги.

— Все спокойно, — сказал Владимир своим сообщникам, когда они подошли. — Нас никто не заметил.

Пока он упаковывал рацию, Николай и Сергей снова отошли к кустам, держа наготове оружие.

Когда рация была упакована, ее закопали. Сергей с силой топнул каблуком о землю. Из крохотного отверстия в каблуке вылетела струйка пыльцы — это был специальный порошок, острый запах которого сбивает со следа собак-ищеек.

— А теперь надо тикать отсюда, — сказал он.

И в ту же минуту совсем рядом послышалось негромкое пение. Все трое замерли и встрево-

женно переглянулись. Голос приближался. А затем Владимир увидел женщину, которая шла по траве, не замечая их.

— Влипли… — шепнул Николай и вытащил пистолет.

— Не смей! — Сергей ударил его по руке. — А если рядом деревня? Шум поднимешь…

— Она же выдаст!..

— Быстро ложитесь! — перебил Сергей.

Повинуясь его властному голосу, Николай и Владимир бросились на землю.

— Не так! — зашипел Сергей. — Сделайте вид, будто отдыхаете…

Он тоже упал на траву, прикрыл лицо ладонью, зорко следя сквозь растопыренные пальцы за незнакомкой.

Женщина прошла мимо, посмотрела в их сторону, но, кажется, не заметила — мешали кусты.

Поднялись только после того, как женщина удалилась и голоса ее уже не было слышно.

— Пошли! — скомандовал Сергей и зашагал вперед.

Николай и Владимир двинулись за ним.

Глава четвертая
ВАСИЛЬЕВ И КРОТОВ ДЕЙСТВУЮТ

У Горнореченского сельсовета толпились люди. Увидев подъезжавшую «Победу», они расступились.

Выйдя из машины, Васильев и Кротов поздоровались с колхозниками и прошли в дом.

В просторной комнате, уставленной столами, шкафами, увешанной по стенам плакатами и лозунгами, их встретила немолодая женщина с простым и строгим лицом — председатель сельсовета.

— Быстро добрались, товарищи, — сказала она, пожимая руки чекистов. — По нашим дорогам это трудненько.

— Ничего, дороги еще в порядке, — ответил Васильев. — Вот когда дожди пойдут… А пока сама природа с нами заодно. — Лицо майора стало серьезным. — Так мы слушаем вас, Анастасия Петровна.

— Утром пришел колхозник из Веснянки. Сторож. Он перед рассветом слышал гул моторов. А огней не видел. Смекнул сразу — самолет не наш. А если не наш — просто так, ни с того ни с сего

не прилетит…

— Молодец ваш сторож, — похвалил Кротов.

— Еще… — Анастасия Петровна подвинула к себе перекидной календарь. — Я тут записала, кто еще слышал шум самолета. Да они все здесь.

— Ты опроси этих людей, — сказал Васильев Кротову, — а я доеду до райкома. Надо, чтобы секретарь обо всем знал.

Первым перед Кротовым предстал счетовод колхоза, долговязый белобрысый парень в щегольской куртке с «молниями».

— Понимаете, дело какое! — воскликнул он с порога. — Возвращаюсь это я домой…

— Откуда?

— Из города, конечно… Возвращаюсь это, вышел на площадку вагона… Покурить, значит. А рядом с поездом, ну, вот совсем рядом — елки-палки — самолет летит!..

Кротов уже привык к тому, что к показаниям свидетелей надо относиться с осторожностью. Очевидцы иногда к действительным фактам добавляли многое от себя, нагромождали десятки преувеличенных подробностей, а затем сами начинали верить в то, что ими попросту придумано.

— Давайте по порядку, товарищ, — сказал он.

— И спокойнее, спокойнее.

— Да как же — спокойнее! — заволновался парень. — Может, тот прощелыга нечисть разную на нашу землю скинул. Я, товарищ начальник, человек советский…

— Я охотно верю вам, — мягко сказал капитан. — Но нам нужны только очень точные факты. Понимаете? Ведь это поможет скорее разыскать этих «прощелыг».

Парень успокоился и уже обстоятельно принялся рассказывать, как он возвращался ночью из города, как вышел покурить на площадку вагона и как увидел самолет на фоне светлеющего неба.

— А где это было?

— Да как раз к шестнадцатому разъезду подъезжали.

Кротов записал: «16-й разъезд». Он знал, что ночной поезд проходит мимо разъезда в двадцать две минуты третьего.

— Вы, что же, так и курили до самого разъезда?

— Почти. Покурил, сел на свое место, а тут как раз и остановка…

Счетовод потянулся к карману, должно быть, за папиросами, но тотчас же смущенно отдернул руку.

— Закуривайте, не стесняйтесь, — улыбнулся

Кротов.

Парень вытащил пачку «Беломора», чиркнул спичкой.

Задавая ему вопросы, Кротов внимательно следил за тем, как он курит. Курил счетовод нервно, торопливо. В поезде он, конечно, курил не так. Спокойнее. Сейчас на курение у него ушла всего минута. В поезде, очевидно, полторы-две. Минута — на то, чтобы пройти по вагону до своего места. Еще минута — станция… Теперь капитан довольно ясно представлял себе, в каком именно месте и в какое время сидевший перед ним очевидец заметил вражеский самолет.

— Спасибо, товарищ, — кивнул он парню. — Вы нам очень помогли.

— Всегда рад! — торопливо вскочив, ответил счетовод. — Если что надо будет, вызывайте…

Один за другим, иногда сразу по двое, по трое в комнату входили люди. Из их рассказов Кротов отбирал только самое важное, самое нужное для себя и в конце концов почти точно, с возможными небольшими отклонениями установил маршрут самолета.

Вернулся Васильев.

— Ну, как успехи? — спросил он. — Есть какие-нибудь зацепки?

— Зацепки-то есть, — ответил капитан. — Путь самолета прослежен почти точно. Но ведь, если кто-то сброшен с самолета, он не будет сидеть на месте.

— Верно. Сидеть не будет. Но, если пойдет, следы оставит. Вот и надо искать эти следы.

Вечером уставшие майор и капитан долго наносили на карту условные значки, вычерчивая линию маршрута самолета-нарушителя.

— Интересно получается, — сказал Васильев. — Видишь? Самолет сделал замкнутый круг. И заметь, он все время летел на разных скоростях. Вот сведения, доставленные радиометристами. Вот показания тех, кто его слышал и видел.

— Надо ехать вот в этот район, — решил Кротов, коснувшись пальцем какой-то точки на карте. — Лес тут глубокий, для выброски удобный. И, если парашютисты сброшены, значит, их кто-нибудь уж обязательно видел.

— А почему ты думаешь, что это «парашютисты», а не «парашютист»? — спросил Васильев.

— Возможно, один. Но не думаю. Скорее всего — группа. Уж очень наглый полет.

И они снова склонились над картой.

Поздно ночью полковник Телегин застал Васильева и Кротова за работой. На столе стояли

два стакана с остывшим чаем — чекисты забыли про него.

Увидев начальника, оба встали.

— Ну что, расставили капканы? — крепко пожимая им руки, спросил Телегин.

— Пока вот только на карте, — ответил Васильев.

Полковник склонился над картой.

— Из многочисленных показаний свидетелей шесть наиболее убедительны, — докладывал майор. — Вот пункты, где очевидцами был замечен самолет. Мы как бы проследили его полет на пяти отрезках.

— Так, так, — одобрительно произнес Телегин.

— Если разделить расстояние между этими пунктами на время, которое самолет находился в полете, — продолжал Васильев, — то мы получим скорость, условно, конечно, с которой самолет пролетал от одного пункта до другого. И вот что интересно. Первые три отрезка пути самолет шел со скоростью около трехсот километров в час. А четвертый отрезок, лесистый, малонаселенный, вот в этом квадрате, он прошел с очень малой скоростью — всего сто тридцать километров.

— Сто тридцать? — переспросил полковник. — Но эта скорость для такого типа самолета немыслима.

— Верно. Он бы попросту упал, если бы шел с

такой скоростью, — подтвердил майор.

— Следовательно? — спросил Телегин, прищурив глаза: он уже понял, в чем дело, и ждал верного решения задачи от своих учеников.

— Следовательно, самолет на этом участке делал развороты, чтобы сбросить лазутчика или лазутчиков в определенном, заранее намеченном месте.

— Совершенно верно, — кивнул полковник.

— Колхозники, милиция, все сельские Советы в этом районе уже предупреждены, — продолжал майор. — Мы ждем. Надеюсь, очень скоро начнут поступать сигналы.

Телегин взглянул на часы.

— Давайте-ка, друзья, отдохнем немного, — по-отечески ласково проговорил он. — День завтра предстоит нелегкий. Для такой работы голова должна быть свежей и ясной.

Пожелав друг другу спокойной ночи, чекисты улеглись прямо на лавках, подложив под голову полевые сумки. Но их тотчас же поднял резкий телефонный звонок.

Звонил начальник милиции. Он сообщил, что милиционер Степашкин, полчаса назад проезжая лесной дорогой, увидел человека. Рядом с незнакомцем стоял прислоненный к дереву ве-

лосипед. Заметив работника милиции, человек этот шарахнулся в сторону и скрылся в чаще.

— Может быть, это и есть шпион-парашютист! — взволнованно прокричал в трубку начальник милиции.

— Место осмотрели?

— Осмотрели. Ничего не нашли. Велосипед у нас.

— Выясните по номеру, кому он принадлежит, — распорядился полковник.

— Слушаюсь! — прозвучало в трубке.

Теперь всем троим было не до сна. Ждали, сидя у телефона. Телегин хмурился и тяжелой ладонью равномерно похлопывал по столу, словно отсчитывал время. А оно тянулось медленно, нестерпимо медленно…

Глава пятая
СЛЕДЫ

Сообщение поступило под утро. Но в нем не было ничего утешительного. Нашли владельца велосипедного номерного знака. Номер был потерян еще в прошлом году. Значит, этим номером воспользовался кто-то другой.

Кто? Вражеский лазутчик? Возможно. Но человек, замеченный милиционером в лесу, бесследно исчез.

Весь следующий день майор Васильев и капитан Кротов неутомимо обследовали самые глухие деревеньки, отыскивали людей, которые могли бы дать им какие-то новые сведения.

Под вечер, совершенно измученный, Кротов приехал в станицу Соколовскую, надеясь хоть немного отдохнуть в доме колхозного бригадира. Не успел он присесть и блаженно откинуться на спинку стула, как дверь скрипнула и на пороге показался усатый гигант с обветренным лицом.

— Вы будете товарищ Кротов? — спросил он. — Я Зайцев, в колхозе работаю. Меня к вам председатель послал. Говорят — шпионов к нам с иностранного самолета сбросили?..

— Вы что-нибудь хотите мне сообщить? — в свою очередь, осведомился капитан. — Да, я Кротов.

— Хочу сообщить… — Зайцев смутился. — Оно, конечно, может, и ошибка… А все же…

— Вы присаживайтесь, присаживайтесь, — пригласил Кротов.

Колхозник сел, комкая в руках выгоревшую фуражку. Он явно смущался, конфузился по-детски, этот великан, и Кротов сразу почувствовал расположение к своему собеседнику:

— Рассказывайте, товарищ Зайцев. В нашей работе может быть полезным даже самый пустяковый, самый незначительный факт.

Приободренный колхозник начал рассказывать:

— Вечор иду я по лесу, гляжу — трое парней. Не здешние. Здешних-то я всех знаю. Я уж к ним подойти хотел, да взяло меня сомнение. Что-то уж разговор больно странный. Про бабу какую-то. Зря, мол, ее живой отпустили…

— Вот как? — Ощущение усталости у Кротова мгновенно исчезло.

— Точно так. Их, стало быть, трое. Один поздоровше, волосы белые. Видно, главный. Другой помене, голова — вроде дыни… — Зайцев прило-

жил к вискам поднятые вверх ладони. — Огурцом голова… А третий темный, скуластый, веткой все по траве хлестал.

— Все трое про бабу говорили?

— Нет, один. Тот, у которого голова дыней. А с веткой молчал.

— А белокурый?

— Здоровый-то? Он говорит: «Не скули: где мы ее встретили и куда успели уйти». Я и смекнул — видать, главный. Стал за дерево и стою. Только дальше не расслышал. Ветер помешал.

— Где же это было? — спросил Кротов, чувствуя, как знакомое волнение охватывает его.

— У Горячего Ключа. Откуда там быть посторонним? — Зайцев понизил голос. — Может, это они и есть — шпионы?

— Скажите, товарищ Зайцев, а вещи какие-нибудь у них были?

— Не приметил, — с сожалением сказал колхозник. — Скорей, что нет. Но не видел, — добавил он и снова смутился.

Поблагодарив колхозника и проводив его к двери, Кротов быстро вытащил из полевой сумки карту и расстелил ее на столе. Горячий Ключ. Вот он. Это как раз тот участок, над которым самолет делал разворот. Надо немедленно ехать! И надо

непременно взять с собой Зайцева… Зачем же он отпустил колхозника? Усталость, она сказывается…

Впрочем, великан колхозник явился тотчас же, как только Кротов позвонил председателю колхоза и попросил вернуть Зайцева. Машина была наготове и через несколько минут уже мчалась по проселку, подпрыгивая в выбоинках и с ходу делая немыслимые повороты.

На небо наползали тучи. Вот-вот должен был хлынуть ливень.

Да и осенние сумерки надвигались с удручающей быстротой.

— Скорее, Саша, скорее! — торопил Кротов шофера. — Дождь пойдет — все следы смоет.

Первые капли, рассыпаясь брызгами, ударили в смотровое стекло. Шофер не отрывал глаз от дороги. Вдруг Кротов тихо сказал:

— Стоп!

Саша в недоумении выжал педаль тормоза. Он огляделся, удивляясь, почему вдруг начальник приказал остановить машину.

По большой поляне со стороны леса к дороге шла сгорбленная старушка. На своих высохших плечах она несла небольшую вязанку хвороста, поддерживая ее костлявой рукой. Другой свобод-

ной рукой старушка тянула за собой мальчонку лет пяти. Он, видно, очень устал и капризничал.

Кротов выскочил из машины:

— Ну-ка, бабуся, садись. Подвезем хоть немного.

— Да мне в Поленовку. Не по дороге.

— В Поленовку? Три километра по дождю шагать?

— Три километра? — удивленно переспросила старушка. — А мне все думается — близко…

Кротов раздумывал недолго.

— Садись, бабушка. И карапуза своего сажай. Давай сюда и вязанку. Саша, — обернулся он к шоферу, — тут недалеко, мы дойдем. А ты отвези — и назад.

Капитан накинул на плечи плащ-палатку и в сопровождении Зайцева торопливо зашагал прочь от дороги, в лес. Позади заурчал мотор. Это разворачивалась на дороге машина.

Дождь внезапно прекратился. Но тучи всё ползли и ползли, обгоняя одна другую.

В лесу Зайцев пошел впереди, показывая дорогу. Они свернули на полянку, и Зайцев остановился.

— Вот здесь, — сказал он. — Там они лежали, а я вот тут за деревом стоял.

Капитан не спеша обошел поляну, тщательно осматривая траву. Хотя прошли уже целые сутки, вялая осенняя трава оставалась примятой. Зоркие глаза чекиста определили, что здесь действительно побывали три человека. А вот и еще в одном месте трава примята. Здесь, за кустами, лежал груз. Очевидно, рюкзаки.

Зайцев смотрел на капитана виновато.

— Эх, остаться бы мне, обождать маленько, — произнес он. — Посмотреть, в какую сторону пойдут… Заторопился я вам сообщить.

— И правильно сделали, — сказал Кротов.

Капитан знал, что след — это всегда точная, как протокол, запись о действиях тех, кто здесь побывал. Факты, которые не имеют значения для неискушенного человека, всегда очень много значат для чекиста. Нет, его поездка в лес не была бесполезной. Во-первых, эти безлюдные места не так уж часто посещают местные жители; во-вторых, они никогда не носят с собой тяжелые рюкзаки. Значит, здесь побывали чужие. Очевидно, те, кто был ночью сброшен с самолета. Куда они пошли? Для Зайцева это было загадкой. Но для Кротова… Нарушители могли пойти к границе или в сторону города. Но пограничники были начеку. Нарушений границы в эти дни не

замечено. Значит, лазутчики двинулись к Южнокаменску.

Снова пошел дождь. Бесполезно было оставаться здесь дольше. Да и вызывать собаку не имело смысла. Время и дождь сделали свое дело.

Оставляя широкие полосы на еще не просохшей после дождя траве, оперативная машина ехала по жнивью. Рядом с майором Васильевым сидел колхозник Степан Яценко. Не так-то уж часто приходилось Степану разъезжать в автомобилях. Растерянно мигая, он всматривался в знакомые очертания деревьев и кустов, полян и перелесков, с детства исхоженных им вдоль и поперек. Все сейчас казалось совершенно изменившимся, словно он попал сюда впервые в жизни.

— Не пойму чего-то, — бормотал он. — Где мы едем?.. — Вдруг он на ходу открыл дверцу машины. — Стой! Стой!

— Осторожнее! — едва успел крикнуть Васильев, но колхозник уже стоял на влажной земле.

— Вот оно, место! — обрадованно сказал он. — Туточки я и нашел!..

Утром по дороге к дому, чтобы сократить путь, Яценко, житель станицы Соколовской, решил пойти напрямик, через овраг. Он спустился по отлогой тропинке и зашагал через кустарник к

полю, опираясь на палку. Вдруг палка обо что-то ударилась. Степан посмотрел — консервная банка. Ударил по ней концом палки — она со звоном отлетела в кусты. И, только подходя к станице, Степан встревожился. Он уже слышал, что где-то в этом районе были сброшены с вражеского самолета парашютисты-шпионы. Не они ли оставили банку в лесу?

В сельсовет он вбежал запыхавшись. Всем и каждому рассказывал о находке и едва дождался майора Васильева, который немедленно посадил его в машину и повез в лес, к оврагу.

— Вот туточки, — суетливо твердил Яценко. — Туточки лежала…

Он побежал к кустам и вскоре нашел банку.

— Она!

Майор осмотрел находку и улыбнулся. Банка была ржавая, старая. Должно быть, она давно лежала здесь.

Степан, приметив на губах майора улыбку, понял, что его находка не представляет никакого интереса. «Эх, зря только человека побеспокоил! — мысленно отругал он себя. — А в станице-то на смех поднимут!..»

Но вдруг лицо Васильева стало сосредоточенным и серьезным. В стороне трава была помята,

валялись сломанные, не успевшие завянуть ветки. Кто-то отдыхал тут совсем недавно. Яценко немного успокоился, увидев, что майор внимательно осматривает траву — может, еще и не будут смеяться в станице!..

Между тем Васильев нашел в траве окурок сигареты. Крохотный окурок, растоптанный каблуком. Осторожно рассмотрев находку, он бережно положил ее в спичечный коробок. Теперь дело лаборатории научно-технического отдела установить, какие здесь побывали люди — свои или чужие.

— Товарищ майор! — раздался внезапно взволнованный голос шофера. — Здесь что-то закопано!

— Не трогайте ничего! — крикнул Васильев, торопясь на зов.

Он обошел вокруг куста, на который указал ему шофер, слегка отгибая мокрые ветки, заглянул в его середину. Потом присел на корточки и очень осторожно разгреб руками сырые листья. Из-под них показались кусочки целлофана, обрывки бечевки, остатки пищи... Васильев тщательно собрал всё и аккуратно завернул в чистый лист бумаги.

— Ну что, товарищ начальник? — спросил

Яценко.

— Хорошо, что привели нас сюда, — ответил майор. — Спасибо.

И старый колхозник вздохнул с облегчением.

Сведения продолжали поступать. По приметам был задержан человек, которого видел проезжавший лесом милиционер. Но его пришлось отпустить. Он оказался советским гражданином, а убежал от работника милиции потому, что испугался ответственности за то, что пользовался чужим велосипедным номером: он его нашел однажды в лесу, давно, когда — и не помнит.

Пришел ответ и из научно-технического отдела. Экспертиза подтвердила, что найденные Васильевым целлофан, табак и обрывок бечевки — все это вещи иностранного происхождения. Теперь уже не оставалось сомнения, что здесь побывали вражеские лазутчики.

Глава шестая
В ГОРОД

Глухими тропами, а чаще — сплошной стеной колючего ельника, через овраги и заросли шли нарушители границы к Южнокаменску. В город, в город!.. Там можно затеряться в многоликой шумной толпе, там безопаснее…

Еще там, на уединенной даче в предгорьях немецких Альп, жизнерадостный сухощавый человек — инструктор Джон — на занятиях не раз поучал их: «Опасайтесь маленьких деревушек и немноголюдных городков. Там все друг друга знают в лицо. Безопаснее всего вы будете чувствовать себя в большом городе». Он доставал большой лист плотной бумаги, свернутый в трубку, и расстилал его на столе, воткнув в каждый угол по кнопке. На листе был нарисован тушью план городского квартала, напоминавший ладонь с растопыренными пальцами — площадь и улицы.

Как легко было, слушая инструктора Джона, глядя на схему, высказывать свои предположения, придумывать свои версии, как уйти от преследования, где скрыться. И вот сейчас пред-

стояло действовать самому. Владимиру, шедшему следом за Сергеем, почему-то казалось, что и перелет через границу самолета и их приземление, вопреки успокоительным заверениям летчиков, не остались незамеченными. Он плелся понуро. Темные волосы свисали на лоб, мешали смотреть вперед. Но он не поправлял их и шел согнувшись, глядя себе под ноги.

Шествие замыкал Николай.

— Отдохнуть бы, — сказал он.

Сергей огляделся и указал на лесную полянку, окаймленную высокими кустами:

— Вон там остановимся.

Свернули в сторону, перешли вброд шумящий поток и с облегчением сбросили с плеч сумки.

Приятная истома разлилась по телу. Владимир закинул руки за голову и уставился неподвижным взглядом в глубокое синее небо.

И ему вспомнилось детство. Вот так любил он лежать, запрокинув голову, положив ладони под затылок, и смотреть, смотреть в далекое небо. И казалось ему тогда, что летит он в эту беспредельную голубизну, все дальше, дальше от земли, и облака росли, надвигаясь на него, мягкие, спокойные… Ему хотелось стать летчиком. Он с жадностью читал книги о прославленных

пилотах — Чкалове, Громове, о героях, спасших челюскинцев. Ему так хотелось походить на этих героев…

— Эй, что задумался?

Сергей протягивал ему неумело отрезанный ломоть хлеба с колбасой.

— Ешь.

Ели молча. Николай поднялся первым.

— Вы пока отдыхайте. А я закопаю кое-что из вещей. Что потяжелее.

— Да, в город надо войти налегке, — подтвердил Сергей.

Николай скрылся в кустах. Сергей, привстав, глядел ему вслед. Взгляд его был тяжел и недобр. «Наверное, хочет подглядеть, не закопает ли Николай свои деньги», — подумалось Владимиру.

— Я тоже пойду закопаю, — сказал Сергей, проворно вставая и направляясь в ту сторону, куда ушел Николай. — А после и ты закопаешь.

Их долго не было. На поляну неслышно вышел лось, стал неподвижно, нюхая воздух. Зашуршали кусты. Лось исчез в чаще. А на поляну из зарослей вышел Николай.

— А Сергей где?

— Ушел закапывать.

Николай опасливо огляделся. Владимиру

вспомнилось выражение, которое он часто слышал от инструктора Джона: «Недоверие — основа безопасности». Конечно, Николай боялся, что Сергей подглядывал за ним.

— Иди теперь ты, — сказал Николай.

Владимир неохотно поднялся и зашагал через кусты.

А тем временем Сергей, досадуя, что не уследил за Николаем и не узнал, где тот закопал свои вещи, выбрал укромный уголок далеко от стоянки, острой походной лопаткой аккуратно снял пласт дерна и начал копать. Землю он ссыпал на разостланный мешок. Сплетенная крепкой сетью корней, почва поддавалась туго. Лоток лопатки часто натыкался на корни, соскальзывал. Но Сергей работал упрямо и вскоре вырыл довольно большое углубление. Здесь-то и будет его тайник.

Лазутчик встал и огляделся. Никого. Прислушался — тишина. Только деревья шумят листвой. Тогда, осторожно вытащив из кармана гранату, он отрезал ножом кусок бечевки, привязал концом к кольцу чеки и бережно положил «лимонку» на дно ямы.

— Пусть сторожит, — прошептал он.

Затем, уложив в яму свои вещи, он прикрепил

к ним другой конец бечевки и ладонями стал засыпать тайник. Слой дерна положил сверху. Придирчиво оглядел свою работу. Получилось неплохо. Сергей взял нож и сделал им глубокую зарубку на дереве, чтобы заметить место.

Они снова собрались все вместе, когда солнце далеко перевалило за полдень. Надо было двигаться дальше. Но с каким бы наслаждением Владимир остался здесь до вечера! Все-таки ночью идти безопаснее. Но уходить было надо. И они опять пошли сквозь заросли, сверив нужное направление по карте и компасу.

На ночной привал расположились уже в темноте. Наскоро поужинали и бросили жребий, кому первому охранять спящих. Выбор пал на Сергея. Глубокой ночью его сменил Николай, который перед рассветом разбудил Владимира.

Поеживаясь от утренней сырости, Владимир сидел на траве, глядя, как Николай устраивается в примятой им, еще теплой ямке.

Сырой туман забирался за ворот и словно шарил холодной мокрой ладонью по спине, по груди… Владимир подумал, что надо, пожалуй, походить по полянке, чтобы согреться. Но вставать не хотелось, и он только втянул руки в рукава куртки.

Мутный рассвет вытеснял ночь. Все отчетливей из белых клубящихся клочьев тумана выплывали колючие силуэты елей, пушистые кроны берез… И вдруг Владимир вздрогнул. За редкими стволами деревьев сквозь оседающий туман стали видны неясные очертания домов. Поселок! Но на карте его не было! По спине пробежали мурашки. Ну и местечко выбрали!

Он быстро растолкал спящих. Сергей и Николай вскочили. Владимир только протянул руку, указывая на домики за оврагом. А его сообщники, стряхнув сон, тотчас же бросились бежать. Их страх передался и Владимиру. Задыхаясь, все трое перебежали полянку, скатились в неглубокий овраг и, пригнувшись, спотыкаясь, побежали по дну его.

Отдышались, только выбравшись из оврага, перевалив горный хребет и спустившись в долину. Они отклонились от прямого пути к городу, и впереди у них теперь был еще один опасный день и еще одна тревожная ночь.

Молча, с опаской пробирались шпионы по извилистой тропинке, готовые в любой миг швырнуть гранату или пустить пулю в каждого, кто повстречается на пути.

Так шли они весь день, изредка устраивая ко-

роткий привал, не чувствуя усталости, ощущая только страх. К вечеру расположились на ночлег, тщательно обследовав все вокруг.

— Чертова карта, — проворчал Николай. — Того и гляди, нарвешься на деревню или город, которые на ней не отмечены.

— Не пойму, откуда взялся этот поселок, — ответил Сергей, внимательно исследуя карту.

Владимир хотел было сказать, что поселок, вероятно, появился совсем недавно и его еще не успели нанести на карту, но промолчал.

Ему хотелось есть. Он только сейчас ощутил, что голоден.

— Давайте костер разведем, — предложил он нерешительно. — Небольшой костерик. Я думаю, это не опасно.

— Для чего? — спросил Николай.

— Надо поесть чего-нибудь горячего.

На какие-то минуты чувство страха перед подстерегающей их на каждом шагу опасностью заглушилось чувством голода.

— Да, не мешало бы перекусить, — сказал Сергей.

Владимир быстро набрал сухих веток, и вскоре в ложбинке, огороженной кустами, потрескивал небольшой костер. Над огнем подвесили котелок.

Неподалеку была вода в ручейке. Из сумок вытащили концентраты.

— Еще одна ночь, — вздохнув, сказал Владимир.

— Да, — кивнул Сергей. — А завтра — в городе. И кончились все наши мытарства.

Эти слова придали всем бодрости. Николай и Владимир повеселели.

— Переоденемся, — мечтал Николай. — Побреемся, будем на людей похожи…

Владимир поднял в траве сучок, похожий на курительную трубку, сунул его в рот, надул щеки. Он сразу же стал поразительно похож на вербовщика Веттера, и Николай с Сергеем засмеялись.

— Помните, что главное — это легализоваться на русской земле, — наставительно произнес он.

— Веттер, в точности, — сказал Николай. — Ты, Володька, артист!

— Вот что, ребята, — проговорил Сергей. — Надо бы заранее найти общий тайник. Дупло какое-нибудь. Пусть это будет наш почтовый ящик, для связи. Нам ведь всем придется разъехаться по разным городам. А связь поддерживать надо. Помните, что инструктор Джон говорил?

Дупло нашли быстро, здесь же, рядом с полянкой. Оно было выстлано внутри сухими

травинками и мхом. Вероятно, тут жила когда-то белка. Чуть пониже было другое дупло, большое и глубокое. В него Николай положил свою гранату.

— Не понадобится, — сказал он.

Опустил в дупло свою гранату и Владимир.

— А моя пусть будет при мне, — буркнул Сергей: он скрыл, что закопал свою «лимонку» вместе с вещами.

Посовещавшись, в город решили войти утром, когда жители спешат на работу. Идти уговорились поодиночке, а после встретиться на вокзале.

— Пошли, — скомандовал Сергей, поднимаясь.

— А костер? — спросил Николай.

Владимир разбросал носком сапога тлеющие угли:

— Ничего. Мало ли здесь людей ходит…

И снова они двинулись вперед и шли до поздней ночи, уже в темноте, сверяясь с компасом, пока наконец вдали не замерцали желтые огоньки.

— Южнокаменск, — сказал Николай.

— Стоп, ребята, привал! — сказал Сергей. — А утром — побриться, переодеться — и в город.

Глава седьмая
ПО ПЯТАМ

Еще затемно командиры рассредоточили солдат вдоль лесной опушки. Посты расставляли так, чтобы каждый боец видел своего соседа.

С рассветом солдаты двинулись цепью, держа автоматы наготове, обшаривая каждый куст, осматривая каждую прогалину. Кое-где землю проверяли металлическими щупами. Время от времени в лесу попадались следы людей, и на разгадывание этих следов уходили драгоценные минуты.

Васильев и Кротов шли в цепи, находясь в противоположных сторонах. Их связные то и дело бежали с поручениями то на один участок, то на другой, и чекисты все время были в курсе событий, происходящих на различных участках.

В Горнореченском сельсовете разместился штаб, руководивший проческой леса. Здесь находился полковник Телегин. Телефон звонил часто, и начальник управления каждый раз с волнением снимал трубку, надеясь услышать голос Васильева или Кротова. Но звонили из колхозов, из сельсоветов, из милиции, сообщали о подозри-

тельных лицах, замеченных в лесу, на дорогах, в селах. Полковник тотчас же поручал кому-нибудь проверить эти сигналы и ждал нового звонка.

Около десяти часов утра Телегин получил сообщение от Кротова:

> «В квадрате 16 обнаружены свежие следы костра, закопанные котелок, этикетки от шоколада — все иностранного производства. Капитан Кротов».

Телегин взглянул на карту. Квадрат 16. Совсем близко от Южнокаменска. Лазутчики настойчиво рвутся в город. На листке из блокнота он торопливо написал:

> «Товарищ Кротов, максимально активизируйте проческу. Будьте особо внимательны. Враги, возможно, еще скрываются в лесу. Не допустите жертв».

Он хотел было передать записку радисту, но передумал: «Поеду сам».

Неожиданно широко распахнулась дверь. Звонкий молодой голос с порога энергично попросил разрешения войти.

— Нечаев, Петр… — отрекомендовался худоща-

вый юноша с комсомольским значком на груди. — Прибыл по поручению товарища Васильева. Комсомольцы нашего колхоза тоже участвуют в проческе…

— Как там дела? — спросил Телегин.

— Все в порядке. — Нечаев вытащил из кармана помятый конверт. — Вам письмо от товарища Васильева.

Юноша стоял перед полковником навытяжку и, по всему было видно, очень хотел казаться военным человеком.

— Ну, уж если быть точным до конца, — сказал Телегин с улыбкой, распечатывая конверт, — то надо говорить не «письмо», а «донесение».

Записка майора была короткой:

> «На склоне горного хребта, внизу, в конце леса обнаружили закопанные под корнями три пары немецких сапог с пустотелыми каблуками, три десантные сумки и три сильно загрязненных, поношенных мужских костюма. К месту вызвана служебная собака. Организуем преследование».

— Хорошо, хорошо, — проговорил полковник. «Наступаем вражеским лазутчикам на хвост,

— добавил он про себя. — Эта находка даст нам многие точные приметы парашютистов — рост, размер следа, полноту...»

Вместе с Петром Нечаевым он на машине выехал на тот участок, где находился Васильев. Комсомолец был очень горд тем, что сидит в машине рядом с полковником. Он браво выпячивал грудь, молодецки расправлял плечи и сосредоточенно хмурил брови, что, по его мнению, делало его очень похожим на чекиста, идущего по следу врага.

Майора Васильева Телегин застал усталым, осунувшимся и мрачным.

— Весь лес прочесали, — сказал Васильев. — Каждый кустик, каждую ложбинку обшарили. Никого нет.

— А собака? — спросил полковник.

— Одежда диверсантов настолько пропитана запахом порошка, что собака не может даже ее нюхать — отворачивается, чихает. — Майор помолчал и добавил, угрюмо вздохнув: — Должно быть, им все-таки удалось пробраться в город.

— Там уже действует оперативная группа, — сказал полковник и ободряюще положил руку на плечо майора. — Ничего, товарищ Васильев. Далеко не уйдут.

А в это время шпионы сидели в чайной, недалеко от городского базара, и Николай разливал водку по трем стаканам.

— За удачу!

В город лазутчики вошли поодиночке. Первым — Сергей, за ним — Николай, а потом — Владимир. Встретились, как и было уговорено, на вокзале.

Был тот оживленный час, когда люди спешат на работу. По мостовым мчались легковые машины, важно проходили автобусы. Никто не обращал внимания на трех парней, которые шли к базару по улочке, ведущей в сторону от вокзальной площади. Да и кому могло прийти в голову, что трое молодых людей, гладко выбритых, одетых в скромные костюмы, — это посланцы враждебной страны, шпионы иностранного государства…

Шум и сутолока, гудки машин, пестрота вывесок на магазинах — весь этот городской водоворот, в котором очутились лазутчики, казалось, поглотил их, защитил невидимой, но надежной стеной. Они думали, что с благополучным выходом из леса, с благополучным выходом из опасной пограничной зоны решена самая сложная часть задачи.

Они не подозревали, что, стоило им задержать-

ся еще хоть немного в лесу, и солдаты, прочесывавшие лес, неизбежно обнаружили бы их.

От уверенности, что все страшное позади, от выпитой водки чувство настороженности ослабло. Расплачиваясь с официанткой, Николай с гордостью вытащил из кармана пачку денег, но, встретив злобный взгляд Сергея, тотчас же сунул ее в карман.

Когда выходили из чайной, Сергей прошипел:

— Похвастаться захотел… Забыл, что говорил Джон?..

— Помню, — виновато ответил Николай. — А вообще-то ты зря беспокоишься. Теперь нас поймать будет трудно.

Некоторое время шпионы ходили по базару, приценивались к продуктам, но ничего не купили. С рынка пошли на вокзал, узнали расписание.

По инструкции Сергею надо было ехать в большой город Петровск, за полтораста километров от Южнокаменска. Путь Николая и Владимира лежал на двести километров севернее Петровска, в район небольшого городка М. В городе Владимиру предстояло выполнить первое задание. Николай по инструкции должен был в это время скрываться и ждать, пока Владимир не даст ему

знать о себе.

Однако и Владимир с Николаем и Сергей скрывали друг от друга пункты, в которых им предстояло действовать: если провалится Сергей, он не сможет назвать города, куда уехали его сообщники; если схватят Николая или Владимира, они тоже не откроют местопребывания третьего лазутчика.

Поезд отправлялся только на следующий день. Это было непредвиденным обстоятельством. Ночевка в Южнокаменске не входила в планы шпионов. Правда, манило как следует выспаться под крышей, в мягких теплых постелях…

— Может, все-таки переночуем в гостинице? — неуверенно спросил Владимир.

— Опасно, — сказал Сергей, но по его тону Владимир догадался: Сергею тоже хочется переночевать в гостинице.

Старшего лейтенанта Коротича в управлении многие недолюбливали. Самонадеянный, заносчивый, он бывал резковат в обращении с сослуживцами и поручения начальства выслушивал с какой-то снисходительной небрежностью. Только нехватка в людях заставила полковника Телегина включить Коротича в состав оперативной группы. Именно Коротичу было поручено

проверить, не останавливались ли подозрительные постояльцы в гостинице «Маяк».

С дежурным администратором гостиницы Екатериной Павловной Синельниковой Коротич поздоровался едва заметным кивком. Показал удостоверение.

— Что вас интересует? — спросила Екатерина Павловна.

— Книга прописки.

— Пожалуйста.

Синельникова подала Коротичу увесистую книгу и освободила место на столе.

Коротич брезгливо перелистывал грязные страницы, заляпанные штампами и печатями, испещренные подписями. На миловидном лице администратора нетрудно было прочесть любопытство, и это раздражало Коротича. Раздражало его и то, что вместо «настоящего» дела ему поручили копаться в этих замусоленных страницах…

— Может быть, я могла бы вам помочь… — несмело предложила Екатерина Павловна.

— Справимся сами, — сухо ответил Коротич.

Женщина обиженно поджала губы.

— Какой контингент преимущественно останавливается у вас? — спросил Коротич.

— Мы обслуживаем всех, — в тон ему, офи-

циально сухо ответила Екатерина Павловна. — Гостиница почти всегда полна.

— Прописываются все?

— Все.

Старший лейтенант взглянул на нее пристально, проверяюще, с какой-то подозрительностью, заставившей женщину еще больше замкнуться. Уходя, он даже не кивнул ей на прощание, не произнес ни слова, и, когда дверь за ним закрылась, Синельникова вздохнула с облегчением.

Глава восьмая
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Перед гостиницей Сергей, Николай и Владимир стояли долго, присматриваясь к тем, кто входил в здание и выходил на улицу, скрывались в сумеречной тени тополей, тесно посаженных возле самого дома.

— Пусть идет кто-нибудь один, — сказал Сергей. — Надо разузнать, есть ли свободные номера.

— Ты и иди, — хмуро отозвался Николай.

— Пусть Володька идет, — сказал Сергей. — У него вид попроще.

Наблюдая из-за деревьев, Николай и Сергей видели, как Владимир исчез в подъезде. Потянулись томительные минуты ожидания. Наконец их сообщник показался в дверях.

— Номеров нет, — сказал он, подойдя. — Но я договорился. На одну ночь. На диванах в коридоре. Я предупредил, что нас трое.

— Паспорта надо сдавать? — спросил Николай.

— Не знаю. Не узнавал.

— Растяпа…

— Ладно, пошли, — решился Сергей.

Они вошли в освещенный вестибюль и, подой-

дя к столику дежурного администратора, словно сговорившись, разом вытащили из карманов свои паспорта. Но отдавать их не спешили. Пожилая женщина-администратор взглянула на часы и махнула рукой:

— Ладно, товарищи. Раз на одну ночь, можете оставить документы у себя. Меня завтра не будет…

— А нам в шесть утра уезжать! — торопливо перебил Сергей.

— Ночуйте так, — кивнула женщина.

Она сама проводила молодых людей на второй этаж, показала им диваны, на которых постояльцам предстояло ночевать.

Утром Екатерина Павловна Синельникова, придя сменить дежурившую ночью администраторшу, увидела трех парней, спускавшихся с лестницы.

— Новые жильцы? — спросила она.

— Вчера вечером приехали, — сказала сменщица. — На одну ночь. Ночевали на диванах.

Екатерина Павловна раскрыла книгу, где отмечались приезжающие. Никаких новых фамилий со дня ее дежурства в книге не появилось. «Не их ли искал тот надменный человек из Комитета госбезопасности?» — подумала она. Но, вспомнив

брезгливо поджатые губы, высокомерный взгляд, которым Коротич наградил ее на прощание, она с неприязнью захлопнула книгу — пусть разбираются сами…

На вокзале, чтобы не навлечь на себя подозрения какой-нибудь оплошностью при покупке билетов, лазутчики не стали сразу подходить к кассе, а некоторое время стояли в отдалении, наблюдая, как пассажиры берут билеты. Вот подошел один, склонился к окошечку, получил билет. Второй сделал то же самое.

— Документов никаких как будто кассиру не предъявляют, — сказал Николай. — Только деньги дают…

По одному стали подходить к кассе. Станцию, до которой брали билет, называли очень тихо. Всему этому их учил во время занятий инструктор Джон. Никто, даже случайно, не мог услышать, куда они едут. А они готовились разъехаться по разным местам, чтобы начать действовать самостоятельно. Николай и Владимир уговорились ехать вместе.

— У нас и рация на двоих, — сказал Николай.

Тут же условились о месте и времени встречи с Сергеем.

На перроне у передних вагонов поезда тол-

пились пассажиры. Стоял шум, царила суета и сутолока. Люди бегали по платформе, казалось, без всякой цели, кричали, волочили громадные корзины, узлы, чемоданы. Николай, Владимир и Сергей прошли в конец поезда — там было посвободнее.

— Обстановка благоприятствует, — с улыбкой сказал Владимир, поглядывая на мечущихся по перрону людей. — Отвлекают внимание.

— Как по заказу, — добавил Николай.

Они помолчали, стоя у вагона.

— Ты куда сейчас? — спросил Сергея Владимир.

— Да тут, недалеко…

«Боится говорить, — догадался Владимир. — Думает: поймают меня — выдам»…

— А вы? — в свою очередь, спросил Сергей.

— А мы — подальше, — ответил Владимир.

— Нам хорошо бы по разным вагонам сесть, — сказал Сергей.

Но Николай живо возразил:

— Для чего? Если сцапают — всем вместе легче обороняться.

Ему явно не хотелось оставаться одному.

— Если провалится один, другим не надо ввязываться, — поучительно повторил Сергей слова

инструктора Джона.

— Вот и поезжай один, — со злостью сказал Николай.

— Ладно. Вы — в этот вагон, а я — в соседний.

Николай и Владимир вошли в вагон.

— Давай здесь сядем, — сказал Владимир, указав на лавку поближе к двери.

— Здесь нельзя, — возразил Николай. — Надо в середине вагона.

Владимир вспомнил: в инструкциях оговаривалось и это. Если сидишь близко к двери, то всякий раз невольно оборачиваешься на ее стук, когда кто-нибудь входит в вагон. А это может вызвать подозрение. Да и в случае проверки документы внимательно проверяют только в начале, а ближе к центру вагона — уже не так тщательно. Кроме того, при той же проверке, пока проверяющие дойдут до середины вагона, всегда можно собраться с мыслями, чтобы не быть застигнутым врасплох.

— Пошли, пошли, — говорил Николай, подталкивая Владимира к скамьям в середине вагона.

Наконец выбрали место и уселись.

Вагон все больше и больше заполнялся пассажирами. Люди рассаживались с шумом, с громким говором. Беспрестанно хлопали двери.

Наконец протяжно свистнул паровоз, вагон резко дернуло, и станционное здание медленно поползло навстречу. Потом с нарастающей быстротой замелькали пригородные сады, домики, водокачки, шлагбаумы.

Размеренный стук колес, картины родной природы вызывали в душе Владимира чувство грусти и едва уловимой тихой радости. «Как хорошо!.. Как хорошо!..» — постукивали колеса…

Вдруг почти одновременно открылись обе двери вагона, и с разных концов в вагон вошли двое мужчин — один в форме железнодорожной милиции, другой в штатском. Цепкий глаз Владимира тотчас же ухватил едва заметный кусочек ремня, наискось пересекавший рубашку под пиджаком, кончик кобуры под полой. «Проверка!..»

Николай вцепился пальцами в его рукав. Владимир почувствовал, как все тело сразу покрылось липкой испариной.

— Ваши документы… — обратились вошедшие к пассажирам, сидящим поблизости от двери. — Ваши… Ваши…

Они медленно продвигались к середине вагона. У некоторых пассажиров документов не оказалось.

— Да что я, на базар с собой паспорт, что ли, буду

возить?! — возмущалась толстая рыхлая тетка.

— Миленькой, — плаксиво говорила старушка в застиранном платочке. — Уж, почитай, сорок лет все без документов ездию.

Но Владимир уже заметил, что документы старушки и толстой женщины проверяющих не интересуют. Внимательно они осматривали документы только у мужчин. Значит, ищут какое-то определенное лицо или лиц… «Не нас ли?» — тревожно промелькнуло в голове.

Шпионы быстро взглянули в окно. Нет, выпрыгнуть в окошко было невозможно. В узкую фрамугу не пролезть. Да и поезд идет слишком быстро… В крутящихся клубах белого дыма, то резко прогибаясь к самой земле, то стремительно поднимаясь вверх, бежала телеграфная проволока, проносились столбы, кусты, деревья…

— Предъявите документы! — обратился к Николаю мужчина в милицейской форме.

Побледнев, стараясь, чтобы не тряслись руки, Николай полез в карман, достал паспорт, молча протянул милиционеру и отвернулся к окну.

Высоко в небе тянулся к югу косяк журавлей. Птицы натруженно махали крыльями, словно старались не отстать от поезда.

Казалось, парень залюбовался природой. На

самом же деле он напряженно следил по отражению в оконном стекле за контролером. Вот он и столкнулся лицом к лицу со смертью… Сейчас, еще мгновение, еще один миг — и последует энергичный приказ: «Гражданин, пройдемте со мной…» Не очень-то был уверен Николай в том, что его поддельный паспорт выдержит проверку.

Милиционер долго просматривал документ.

— В каком городе прописаны? — вдруг спросил он.

Николай вспотевшей ладонью крепче сжал рукоятку пистолета в кармане. Он был уже готов выхватить оружие, но тут Владимир крепко наступил под лавкой ему на ногу. И шпион понял, что спасти его может только выдержка.

— Там написано, — равнодушно ответил он. — Семеновск, улица Гоголя, двадцать шесть, квартира девять.

— По каким делам приехали?

— Приезжал… — поправил Николай. — Навестить тетку. В отпуску я.

— А работаете где?

— Да что вы все выпытываете? — нарочито рассерженно крикнул Николай. — Там же в паспорте штамп есть. На механическом заводе. Слесарь…

Проверяющий возвратил паспорт.

— Ваш документ, — обратился он к Владимиру.

— У него я уже проверил, — сказал его напарник в штатском.

Они пошли к выходу, протискиваясь между пассажирами, сидящими в проходе на вещах.

Николай и Владимир обрадованно переглянулись.

Поезд замедлял ход.

— Я здесь сойду, — сказал внезапно Николай. Его испугала проверка.

— Счастливо, — сказал Владимир.

— Связь, как уговорились.

— Хорошо.

Поезд остановился, и Николай с толпой пассажиров вышел на платформу. Владимир остался один. Но, как только поезд тронулся, в вагон вошел Сергей. Протиснулся поближе к Владимиру.

Он стоял в тамбуре соседнего вагона и увидел проверяющих сквозь дверное стекло. Не дожидаясь, пока они войдут в тамбур, и пользуясь тем, что поезд замедлил ход, он спрыгнул на землю. А затем вошел в тот вагон, где ехали Николай и Владимир. Впрочем, новая проверка документов, если даже она будет, его уже не беспокоила — очевидно, их паспорта сделаны хорошо.

Глава девятая
МОЛОДОСТЬ ДОВЕРЧИВА

Паровоз, шумно дыша, остановился у крытой платформы. Порывистый ветер, налетая, подхватывал клубы пара, который моментально исчезал, растворяясь в воздухе. За окнами проплыла освещенная вывеска — название станции:

«Петровск».

Сергей поднялся:

— Мне — здесь. Пересадка.

Владимир понял, что его сообщник врет.

— А я — на следующей пересяду, — сказал он, что тоже не было правдой.

В потоке пассажиров Сергей вышел на привокзальную площадь. Город еще спал. Уже скуповатое осеннее солнце неохотно проливало свои лучи на желтую листву деревцев в скверике у вокзала, на пестрые афиши, на маленькие квадратики пожелтевшей, словно тоже увядающей бумаги, расклеенные на стенах и телефонных столбах. «Сдается комната…» — прочитал Сергей на одном из таких листков. «А что, если не

соваться в гостиницу? — подумал он. — Что если вот так — снять комнату, поселиться на время?..» И, приободрившись, он решил сначала позавтракать в вокзальном ресторане, а потом пойти по адресам, указанным в объявлениях.

Когда Сергей входил в распахнутую дверь ресторана, сзади раздался паровозный свисток. «Владимир уехал», — подумал он.

В ожидании завтрака он исподтишка рассматривал посетителей ресторана. Их было немного. В углу около стойки буфета примостились за столиком молодой мужчина в ватнике и женщина с ребенком. Прямо напротив сидел железнодорожник. На полу стоял его фонарь, а сам он дремал, облокотившись на стол. Сергей подозрительно покосился на него. Шпион в каждом человеке видел возможного врага — советского разведчика, приставленного следить за ним. Чувство настороженности не покидало его с того самого момента, когда ноги коснулись советской земли, а спутавшиеся стропы парашюта зашуршали, обламывая ветки деревьев, растущих на этой земле — опасной земле, бывшей когда-то его родиной.

Тоненько, с хрипотцой просвистел паровоз. Прямо напротив окна, в которое смотрел Сергей, остановился рабочий поезд. Железнодорожник,

дремавший за столиком, встрепенулся, схватил фонарь и заспешил к выходу. Сергей облегченно вздохнул.

И теперь невольно он обратил внимание на официантку, которая обслуживала его. До сих пор он видел только ее руки, сначала подавшие прибор, потом поставившие перед ним тарелку с едой… Он поднял глаза и встретился с ее глазами — большими, серыми и отчего-то немного печальными. И новый замысел возник в его лихорадочно работающем мозгу.

— Подождите минуточку, не уходите, — сказал он проникновенно, чуть задержав руку девушки. — Я чувствую — у вас какое-то горе… Я, видите ли, немного психолог… Правда, пока еще студент. Только учусь…

Девушка отвернулась.

— Ну, вот видите, я уже и расстроил вас, — с грустью сказал Сергей. — Конечно, не полагается соваться со своим участием в чужое несчастье… Скажите, как вас зовут?

— Клава, — тихо ответила официантка.

— Чудесное имя… Клава… — повторил он задумчиво. — А меня зовут Виктором. Наши имена похожи.

— Похожи? — с удивлением воскликнула де-

вушка.

— Ну конечно! — Сергей улыбнулся. — Клава. Рифмуется со словом «слава». Видите, я еще и поэт немного. А Виктор по-гречески — «победитель». А где победа, там и слава.

Девушка тоже улыбнулась. Он показался ей очень милым, этот психолог-студент с таким ласковым и тихим голосом.

— Скажите, Клавочка, — снова беря ее руку, произнес Сергей. — Не могли бы вы мне помочь. Я только сегодня приехал в ваш город. Никого здесь не знаю. Может быть, вы посоветуете мне, где можно найти на время небольшую комнатку. Я заплачу… — поспешно добавил он.

Официантка задумалась.

— В городе у меня живет тетя, — сказала она, — старушка. На пенсии уже. У нее, пожалуй, можно остановиться.

Сергей ласково, с благодарностью пожал ей руку.

— Какое счастье, что я встретил вас!.. — воскликнул он. — Недаром меня с детства называли счастливчиком. Мне и правда везет в жизни. Спасибо! Большое спасибо!

Голос его звучал так искренне, так восторженно, что Клава зарумянилась, — ей было приятно

оказать услугу милому молодому человеку, впервые приехавшему в ее родной город.

— Через три часа я кончаю смену, — сказала она. — Приходите к скверику у вокзала. Я выйду, и мы вместе пойдем в город.

«Олл-райт!» — чуть было не вырвалось у Сергея, но он вовремя спохватился.

— Три часа… Три томительных часа!.. — проговорил он со вздохом. — Но — что делать… Придется ждать!..

В город Сергей не пошел. Прослонялся возле вокзала на пустырях, заросших бурьяном и чертополохом. Время тянулось медленно. Шпион то и дело прикладывал к уху часы и удивлялся, услышав, что они тикают. Почему так мучительно медленно движутся стрелки?

В назначенное время он увидел Клаву. И не сразу узнал ее — в берете и красивом сером пальто. Сергей минут пять наблюдал за ней, а затем подошел, делая вид, будто бы очень спешил и совсем запыхался.

— Простите, что заставил вас ждать. Бегал в гостиницу… Нет номеров…

— Но мы ведь договорились.

— Ах, знаете, Клавочка, как-то неудобно стеснять вашу тетю.

— Ну, что вы! Она будет только рада. Вы знаете, она очень ценит в людях вежливость и скромность… Вы ей поправитесь, — добавила девушка, лукаво взглянув на Сергея.

Пока они шли по городу, Клава то и дело прикасалась к руке Сергея, говоря:

— Смотрите! Видите — стройка? Это будет новый кинотеатр. А там — клуб… Сейчас у нас в городе расширяют парк… Он был совсем маленький…

Сергея не интересовали ни клуб, ни парк, ни кинотеатр. Но он восторженно удивлялся и жал ей руку.

— Чудесный город! Чудесный!.. — повторял он с притворным восхищением. — Я бы поселился здесь навсегда!..

— Да, город у нас хороший, — с гордостью кивнула Клава.

Они остановились возле небольшого домика с палисадником, из-за которого буйно высовывали лохматые желтые головки заросли «золотого шара».

— Вот мы и пришли, — сказала Клава. — Здесь живет моя тетя. Ее зовут Мария Федоровна.

Дверь отворила подвижная сухонькая старушка в очках и черном шерстяном платке,

накинутом на плечи.

— Клавочка! — с радостью воскликнула она. — Входи, входи, милая.

Взгляд ее задержался на молодом человеке, скромно стоявшем поодаль.

— Я вам жильца привела, — сказала Клава. — Виктор…

— Виктор Степанов, — отрекомендовался Сергей, шагнув вперед и учтиво кивнув хозяйке.

— Он в нашем городе впервые, — объяснила Клава. — В гостинице номеров нет… Можно ему пожить у вас?

Старушка еще раз оглядела молодого человека. Он ей, очевидно, понравился.

— Отчего же, можно, — согласилась она.

Клава бросила на своего спутника лучистый взгляд. «Вот видите», — как бы сказала она.

В комнате Сергей присел на краешек стула и вежливо стал отвечать на бесчисленные вопросы, которые задавала ему старушка, и быстро завоевал ее расположение.

— Хороший у вас характер, — сказала ему Мария Федоровна. — По всему видно — воспитанный человек…

— Ужасно не люблю чувствовать себя в окружении чужих людей, — шутливо ответил Сергей.

— Поэтому стараюсь сразу же сделать их своими друзьями.

Мария Федоровна вскипятила чайник. Клава забегала, накрывая на стол. И Сергей понял, что он стал в этом уютном домике своим человеком.

Глава десятая
ПЕРВЫЙ

Холодный серый рассвет заглядывал в маленькие окошки. В печке весело трещали дрова, и жена бригадира лесорубов проворно передвигала ухватом горшки, ставя их поближе к огню. Сам бригадир, высокий, крепкий, стоял посреди избы без рубахи и, кряхтя от удовольствия, утирался полотенцем.

Появляясь из туманной мглы, к дому один за другим подходили лесорубы: сухощавый подвижной Егор Чуканов, кряжистый, бородатый Матвей Зотов, совсем еще молодой, только что принятый в бригаду Павел Костыльков — паренек в солдатской шинели без погон, в пограничной фуражке: он недавно демобилизовался из армии.

Садились на пороге, закуривали, неторопливо переговаривались, словно, даже разговаривая, берегли силы для предстоящей работы.

Дождались бригадира и, тщательно затоптав окурки, двинулись к лесу — на работу.

— Вчера человек приезжал, — сказал бригадир. — Из Комитета госбезопасности. Кротов. Из-за границы, слышь, парашютистов к нам забросили.

— Ну?! — воскликнул Павел.

Лесорубы посмотрели на него неодобрительно. Степенства еще нет в парне. Костыльков смутился:

— Оно, конечно…

— Так вот, — продолжал бригадир. — Кротов говорил, чтобы мы смотрели в оба. В случае, увидим в лесу каких подозрительных, сообщить или задержать.

— Задержим, ясно, — звонко откликнулся Павел и опять смутился.

— Чай, струсишь, — в шутку бросил Егор.

— Я? Да у нас на границе!..

— Ладно, знаем, — примирительно перебил Зотов.

Около опушки Костыльков свернул на едва приметную тропку и стал спускаться к реке, чтобы проверить поставленные на ночь жерлицы.

Легкий ветерок шевелил поредевшую листву прибрежных ветел. Заря разгоралась все ярче. На воде золотились колеблющиеся блики. Осторожно всплескивала рыба…

Внезапно впереди, среди деревьев, выросла низкорослая фигура человека. Раньше, пожалуй, Павел не обратил бы на прохожего никакого внимания. Мало ли в этих местах встретишь

рыболовов, охотников или просто грибников с корзинками. Но сейчас лесоруб мгновенно остановился и, как бывало на границе в ночном наряде, бесшумно скользнул за толстое дерево.

От зорких глаз пограничника не могло ускользнуть странное поведение незнакомца. Даже в позе этого человека чувствовалась какая-то звериная настороженность. Да и удочек, ружья или корзинки на ремне через плечо, с какими обычно ходят по лесу грибники, при нем не было.

— Откуда будешь, земляк? — неожиданно окликнул Павел.

Человек отпрыгнул в сторону, чуть не упал, споткнувшись о корень. Испуганный короткий вопль вырвался у него.

— Ух, напугал! — сказал он уже спокойнее, увидев парня в шинели, выступившего из-за дерева. — Со станции я… С поезда… Заблудился, вот. Лес… Темень… Брод ищу.

— А сам откуда? — спросил Павел, стараясь не выдать охватившей его дрожи и внимательно разглядывая незнакомца, его покатые плечи, длинные руки и сдавленную с боков голову, похожую на дыню. Человек был явно каким-то подозрительным. Зачем ему понадобилось искать брод, если рядом, в двухстах метрах, есть

мост? Правда, заблудившись, можно этого и не знать…

Так размышлял он, продолжая зорко следить за незнакомцем. И вдруг проворно отшатнулся, спрятавшись за дерево. Грохнул выстрел. Пуля, содрав кору, с визгом отскочила рикошетом, шлепнулась о соседнее дерево. Эхо глухим громом прокатилось по лесу. В тот же миг, пригнувшись, Павел кинулся на незнакомца, вышиб у него из рук пистолет, железной хваткой сдавил горло.

— Пу… сти… — хрипел Николай, царапая ногтями словно задеревеневшие пальцы Павла. — Пу… сти…

— А, гадюка! — крикнул Павел, увидев, что незнакомец выхватил второй пистолет.

Не разжимая пальцев, сдавивших хрипящее горло, он другой рукой наотмашь ударил Николая по кисти. Выстрел грянул возле самого уха лесоруба. Обожгло шею. Пальцы на миг разжались. Шпион рванулся и пустился бежать. Но наперерез ему выскочил из кустов бригадир. Раскинув руки, он, словно вратарь за мячом, бросился на траву, схватил преступника за ноги и сильно дернул на себя. Николай грохнулся навзничь, ударившись головой о корень, и затих. Разгоряченный борьбой, Павел навалился на него, не

чувствуя, что ранен. Подоспевшие лесорубы с трудом оттащили его.

Только тут Матвей Зотов увидел на воротнике Павла кровь.

— Гляди-ка, задел он тебя…

Павел провел пальцами по шее:

— Пустяки. Царапнуло чуть. — Он вытащил платок, перевязал им шею. — Пройдет.

Бригадир хмуро глядел на лежавшего ничком человека.

— Надо его к Кротову доставить, в леспромхоз. Иди, Павел, ко мне домой, попроси у Федосьи лошадь. Да скажи, чтобы она тебе шею-то как следует перевязала — бинты у нее есть.

— И смотри стерегись, — предупредил Зотов. — Может, тут еще кто-нибудь шатается.

Павел быстро исчез за деревьями. А лесорубы молча стояли, сгрудившись возле Николая, лежащего на земле неподвижно.

Но вот шпион открыл глаза. Бригадир быстро перевернул его лицом вниз, связал сзади руки.

— Отпустите, — глухо пробормотал Николай. — Не убегу.

— Обыщи-ка его, Матвей, — приказал бригадир. — Нет ли орудия.

Зотов ощупал карманы задержанного.

— Нету, видать.

Бригадир развязал руки Николая, но с земли подниматься не велел.

— Сиди.

Шпион сел, мрачно оглядел лесорубов.

— Курить хочу.

Лесорубы переглянулись.

— Пускай курит, — кивнул Чуканов.

Николай достал коробку «Казбека», спички… Настороженный взгляд скользил по лицам окруживших его людей. Простые, бесхитростные лица, загрубелые трудовые руки, ватники, фуражки…

— Давайте мирно разойдемся, — предложил он. — С перепугу я стрелял, не разобрался. Думал — бандит напал. У меня документы в порядке. И деньги есть. Заплачу…

Лесорубы молчали. Только бригадир, сурово нахмурившись, сказал:

— Кури, кури. Документы твои проверят где надо. А деньгами нас не покупай — мы совестью не торгуем.

Николай опустил голову. Вспомнились рассказы инструктора Джона об ужасах, которые придется перенести, если большевики захватят лазутчиков живыми. Но еще мучительней дума-

лось о семье. Дети, жена… Беттер предупредил, что участь их будет незавидной, если, не выдержав пыток, он, Николай, выдаст сообщников.

Непослушными, дрожащими пальцами он открыл коробку. Вот она, папироса с чуть заметным черным ободком… К горлу подступил тяжелый горячий комок… «Конец», — подумал он. И решительно сунул папиросу в рот.

Что-то хрустнуло, будто он переломил зубами спичку. И в тот же миг в голове словно разорвалась бомба. Запрыгали красные огни… Спазма сдавила горло…

Лесорубы мгновение с изумлением смотрели на откинувшееся тело. Потом бросились к задержанному, принялись его тормошить, усаживать на траву. Короткая судорога свела тело незнакомца, и он затих.

Матвей и Егор озадаченно смотрели на бригадира. Они еще не могли взять в толк, что же произошло.

Послышался стук колес. На поляну выехала телега. Разгоряченный Павел спрыгнул на траву.

— Повезли. Я уж в леспромхоз позвонить успел. Кротов ждет. Велел, чтобы связали.

— Некого связывать, — хмуро сказал бригадир.

— Как это — некого?

— А так. — Зотов отвернулся, полез в карман за самосадом.

Узнав, что лесорубами в лесу задержан вооруженный человек, Кротов тотчас же сообщил об этом по телефону Телегину.

— Хорошенько проверьте, что это за человек, — сказал начальник управления. — Обыщите самым тщательным образом. Ни одного своего

предмета не должно у него остаться. Вы меня поняли?

— Понял, товарищ полковник.

Кротов с нетерпением ждал приезда лесорубов. Возможно, задержанный — не парашютист, сброшенный с самолета, а преступник, бежавший из заключения. Однако это было маловероятно. Два пистолета!.. Да и не будет бандит стрелять ни с того ни с сего, встретившись с обыкновенными лесорубами.

Кротов ждал, нетерпеливо поглядывая в окно. Наконец на опушке леса показалась телега. Лошадь шла, как казалось капитану, необычайно медленно, вяло переставляя ноги. Кротов вышел на крыльцо. Он отчетливо видел и телегу, и лежащего на ней человека, и лесорубов, размеренным шагом идущих рядом. Не утерпев, капитан быстро двинулся им навстречу.

Чем ближе он подходил, тем все большая тревога охватывала его. Что-то странное было и в неподвижной позе задержанного, и даже в поступи лесорубов. Кротов побежал. И, только увидев запрокинутую голову и мертвенно-бледное лицо человека, лежавшего на телеге, с испугом подумал: «Застрелился!..»

Телега остановилась. Капитан торопливо огля-

дел одежду, голову, руки лежащего человека. На них не было крови. «Обморок», — облегченно вздохнул Кротов, касаясь ладонью лба задержанного в лесу незнакомца. Лоб был холодным.

Лесорубы виновато поглядывали на капитана исподлобья.

— Как это произошло? — вспылил Кротов.

— Закурить позволили, — сказал бригадир. — А он — того… Отравился, видать…

— В папиросе-то яд был, — глуховато добавил Зотов.

— Заводите телегу во двор, — сказал Кротов, овладев собой.

Шагая рядом с лесорубами за телегой, он молча обдумывал, что же надо теперь предпринять.

— Нескладно получилось, товарищ Кротов, — сказал бригадир. — Сами понимаем…

— Теперь уж ничего не поделаешь, — ответил капитан. — Надо постараться, чтобы он хоть мертвый оказался нам полезен.

Кротов уже не сомневался, что человек, пойманный в лесу, — вражеский лазутчик. Отравление — излюбленный способ трусов избавиться от ответственности. Значит, надо очень тщательно осмотреть вещи незнакомца и спешно вызвать колхозника Зайцева из Горячего Ключа. Может

быть, он опознает в покойнике одного из тех трех парней, которых видел в лесу.

Приехал полковник Телегин. Нахмурив брови, выслушал Кротова, доложившего ему о происшедшем. Мельком взглянул на труп, лежавший на полу посреди комнаты. Окаменелое синеющее лицо. Около открытого рта, уныло жужжа, кружатся мухи.

С помощью лесорубов Кротов успел уже обыскать покойника, и на столе лежали бумаги, документы, несколько печатей и штампов, два пистолета, патроны, большой складной нож, автоматическая ручка, какие-то таблетки, пачки денег.

— Ну-ка, посмотрим все это поближе, — сказал полковник, присаживаясь к столу.

Каждый предмет он брал со стола неспешно, внимательно осматривал со всех сторон, осторожно возвращал на свое место. Брал следующий, так же тщательно осматривал. Потом, как будто что-то вспомнив, снова принимался разглядывать тот, который уже был им осмотрен.

— Все ясно, — тихо произнес он наконец.

— Что ясно? — спросил бригадир.

— Это вражеский посланец, — сказал полковник. — И снаряжен он для довольно длительного

путешествия по нашей земле. Посмотрите. Эти таблетки — отнюдь не лекарство от головной боли. Это химические реактивы для тайнописи. Паспорт и все документы — фальшивые.

Телегин взял автоматическую ручку, разобрал ее. В том конце, где должно было находиться перо, зияло отверстие. Полковник нажал какую-то пружинку, и на его ладони очутился патрон.

Лесорубы с любопытством смотрели на необыкновенную ручку.

— В патроне — ампула со слезоточивым газом, — сказал полковник. — Удобное оружие для того, чтобы ослепить преследователя и успеть скрыться, не правда ли?

Приехавший по вызову Кротова Зайцев, только взглянув на покойника, уверенно тряхнул головой:

— Тот самый. Один из трех. Помните, я говорил — голова дыней? Он и есть.

Глава одиннадцатая
РОДНАЯ СТОРОНА

Владимир и сам не мог дать себе ответа, почему он проехал тот пункт, где ему по инструкции надо было сойти. Поезд мчал его все вперед, мимо рощ и перелесков, мимо больших вокзалов и крохотных разъездов — вперед, вперед к родной Смоленщине… И чем ближе были леса и поля родной стороны, тем все взволнованнее билось его сердце.

К концу вторых суток поезд замедлил ход, подъезжая к маленькой станции с узким земляным перроном. Проплыли навстречу станционные постройки, товарные амбары, полосатый шлагбаум, фигура дежурного в красной фуражке… И в окна пахнуло чем-то таким знакомым, таким сладостно знакомым, что сердце у Владимира сжалось и затрепетало, как осенний листок под порывами ветра.

Он сошел с поезда. Паровоз прощально свистнул. Лязгнули сцепления, застучали колеса, и Владимира охватила тишина.

Вот они — родные места!.. Поросшие кустарником полянки, дремучие леса, изрезанные

оврагами и тихими ручьями. Вон река, а на том берегу — родное село… Здесь он вырос. Здесь бегал мальчонкой босоногий и веселый, а там, под кручей, в омуте, ловил с товарищами рыбу и шарил под корягами, вытаскивая на свет сердитых колючих раков. Все осталось таким же, как прежде…

Он стоял как завороженный и смотрел и не мог насмотреться. Но к сердцу уже подкрадывалось холодной змеей другое, горькое ощущение одиночества и отчужденности. Все это родное, теплое, до слез знакомое было для него в прошлом. Будущее было пусто и темно, как старый заросший паутиной колодец. И все-таки его манило туда, за косогор, за речку, в родное село…

Владимир зашагал по тропинке прочь от станции и вышел на дорогу. Она уходила прямо в лес, теряясь в тени обступивших ее берез и елок.

Навстречу попалась подвода. Рыжая кобылка лениво переставляла ноги и понуро, в такт шагам, махала головой. На телеге сидел старичок, свесив ноги в пыльных сапогах, и дремал, изредка, как будто спросонок, чмокая губами. Рядом с подводой бежала пегая собачонка — хвост колечком. Увидела Владимира, остановилась, побежала дальше.

Владимир свернул с дороги и пошел густым ельником. В лесу он почувствовал себя спокойнее. И тут им снова овладело чувство осторожности. В деревню, пожалуй, лучше войти вечером.

Он сел на землю, устланную толстым слоем бурой хвои, и тотчас же ощутил голод. Вытащил из кармана сверток — бутерброды, купленные в буфете на одной из станций, с жадностью стал жевать. Потом лег и не заметил, как заснул.

Спал он долго, проснулся, когда день уже угасал и в лесу сгустились сумерки. Владимир мысленно представил себе, как он появится в родном доме. Жива ли мать? А отец? Что они думают о нем? Наверное, считают давно погибшим… Да и правда! Разве он не погиб для них? Разве не погиб для всего, что так дорого сейчас его сердцу?..

Перед его мысленным взором возник родной дом, простое и милое убранство комнаты… Мать всегда любила сидеть за столом с краю, поближе к двери. А отец — в углу, под образами… Почему-то вспомнилась большая эмалированная миска. Он любил есть из нее расписной деревянной ложкой… И его мучительно потянуло домой.

Но он выбрался из лесу и спустился в ложбину уже ночью, когда в чистом небе загорелись большие звезды. Каждый поворот дороги к деревне

был ему знаком. Направо, еще раз направо и налево… Вот и околица. Взошла луна, осветив деревенскую улицу. Большие тени деревьев темными пятнами лежали поперек дороги. В окнах мерцали огоньки. Где-то тихо звучала гармошка. Доносились голоса, нестройно певшие песню.

«Какой сегодня день?» — подумал Владимир и, посчитав, сообразил — воскресенье. Он потерял счет времени. На этой земле, на родной своей земле он жил жизнью загнанного зверя, поглощенный одним стремлением — избежать постоянно подстерегающей его смерти. Смерть ждала его всюду: и здесь, у родной околицы, и вон там, в избе, откуда доносятся голоса, и даже в родном доме… Даже в родном доме он не может чувствовать себя в безопасности. Такова его участь!.. Страшная участь!..

Долго пришлось ждать, когда все стихнет. Только в полной тишине, когда погасли последние огоньки в окнах домов, Владимир, пригибаясь, прокрался к дому родителей.

Было тихо, как на кладбище. Темные окна казались глубокими, как пропасти… Чувство страха и осторожности внезапно уступило место другому — чувству надежды. Нет, не может быть, чтобы опасность подстерегала его там, где живет мать.

Не может, не может быть!..

Он ступил на крыльцо и негромко стукнул в дверь. Никто не ответил. Стукнул еще. И вдруг его словно обожгло кипятком. А что, если здесь живут не его родные, а совсем чужие, незнакомые люди?.. Столько лет прошло!..

И в этот миг вспыхнул свет в окне. Женщина, прикрывая глаза от света, всматривалась за окошко. Владимир сразу узнал ее. Мать!.. Она!.. И разом исчезло все — страх, тревога, усталость…

— Мама… Мама… — позвал Владимир.

Женщина отшатнулась. Звякнула щеколда на двери, отпираемой трясущейся рукой. И родное лицо мелькнуло перед ним, и родной голос позвал, назвав тем именем, которое было дано ему от рождения:

— Алешенька!..

. . . . . .

Он сидел в углу, под образами, на том самом месте, где когда-то любил сидеть за столом отец. Комната показалась ему меньше. До лампадки у образов он мог свободно дотянуться рукой. А когда-то не мог достать даже со скамьи. Мать постарела. Ой, как постарела!.. Все лицо в морщинах… И волосы седые, белые.

— Вот так и живу, Алешенька, одна, — расска-

зывала мать, смахивая со щек редкие слезинки. — Отец помер. Почитай, годков уж десять… О тебе не слышали… А все верили — придет… Верили — вернешься… Вот и вернулся… Родной ты мой, маленький…

Она гладила его руки и смотрела, смотрела на него, не в силах отвести глаза.

— А подружка твоя, Татьянка Кузовлева, замуж вышла. Колхоз им с мужем новый дом построил. Помнишь Татьянку? А Васятку помнишь? Тот в городе. На агронома учится… Небось хочешь всех повидать…

— Что вы, мама! Никому не говорите, что я был здесь. Я ведь так… Понимаете… Все с войны вернулись с орденами… Сейчас в жизни уже многого добились… А я… я ведь осужден был… На десять лет…

— За что же, родненький?

— Так, за всякое… Ну, словом, стыдно мне соседям на глаза показываться. Вот выучусь на инженера, тогда приеду… Я ведь учусь.

— На инженера!.. — В голосе матери Владимир уловил нотки уважения и нескрываемой радости. — А потом, что же? Приедешь?

— Обязательно приеду. Здесь буду работать…

— Конечно, конечно, — торопливо закива-

ла мать. — У нас тоже инженеры пригодятся. Вот мост через реку будут строить… Видишь — электричество теперь есть. Со светом живем. А раньше, помнишь? За керосином все бегал?..

— Помню, мама, помню…

— Соседку, Степаниду Фоминичну, помнишь ты?

— Это у которой мы яблоки в саду воровали? Помню!

— Мужа-то ее недавно радиоприемником наградили.

В словах старой женщины звучали нотки гордости за родной колхоз, за свое село, которое день ото дня богатело и хорошело.

— Ехать мне надо, мама, — сказал он, вставая.

— Куда же ехать? — Губы у матери дрогнули. — Опять одной мне тут… — с тоской проговорила она. И вдруг, маленькая, сгорбленная, прижалась щекой к плечу сына. — Алешенька, ты от матери родной не таись… Если несчастье какое у тебя, расскажи, откройся… — Она заглянула ему в глаза. — Может, ты… Может, еще не совсем…

Владимир понял, что она хочет сказать, и испугался, что чем-нибудь выдал себя.

— Что вы, мама! Я свободен. Говорю вам — на глаза соседям не хочу попадаться. И вы никому

не рассказывайте, что я был… Понимаете… ведь стыдно… Я потом, потом… Приеду навсегда… — бормотал он.

Она опустила голову и отошла.

— Ну ладно уж… Если надо, потерплю. Ведь не один год терпела. Ждала все… — Она вдруг засуетилась. — На дорожку-то тебе сейчас соберу… Яичек, сала…

Владимир вытащил пачку денег.

— Вот, мама, возьмите от меня. Я буду присылать.

— Батюшки! — всплеснула руками старушка. — Да как же ты заработал столько? — Она с тревогой глянула в глаза сыну. — Честные ли деньги, Алешенька?

— Честные, мама, честные, — торопливо ответил Владимир, тыча пачку в сухую морщинистую руку, проклиная все, что заставило его быть таким вот и лгать родной матери. — Берите, берите. Мне пора…

За окнами занимался сероватый рассвет. Владимир вышел на крыльцо, огляделся и, поцеловав мать, не оглядываясь, зашагал прочь.

Глава двенадцатая
ДЕЛО №93

— Разрешите войти? — несмело спросила миловидная женщина, остановившись на пороге кабинета.

— Прошу вас, — пригласил полковник Телегин, уже предупрежденный о посетительнице по телефону дежурным. — Товарищ Синельникова? Работник гостиницы?

— Да, это я.

— Слушаю вас. Садитесь, пожалуйста.

Екатерина Павловна села. Она долго не решалась прийти сюда, в областное управление Комитета госбезопасности. Но тревога, вызванная посещением работника комитета, не давала ей покоя. Все-таки в гостинице оказались жильцы, ночевавшие без прописки. И не их ли искал тот человек с надменным лицом? Наконец она решилась и поехала в управление. Пропуск был ей выдан быстро, без проволочек, и вот она сидит перед начальником управления, который смотрит на нее приветливо и вопросительно, дожидаясь, что она скажет.

— Извините, что я беспокою вас... Но мне ка-

жется, что это очень важно… К нам в гостиницу заходил ваш сотрудник. Проверял книгу прописки…

Полковник слушал, не перебивая. Только время от времени легонько похлопывал ладонью по столу, точно хотел этим жестом успокоить женщину, волновавшуюся все больше и больше.

— Это, может быть, не мое дело… Но я все-таки решила прийти. Ведь как раз в ту ночь, до прихода вашего товарища, в гостинице ночевали три молодых человека. Ночевали без прописки. Паспортов не сдали. Работала моя сменщица. Мест не было. А эти трое попросились только до утра…

— И в какое время они пришли?

— Около одиннадцати.

— Вы их видели?

— Утром, в половине седьмого, когда принимала смену.

— Значит, они уже переночевали?

— На диванах, в коридоре.

— И уходили?

— Да, сказали, что вечером, в шесть часов уедут. И ушли в половине седьмого.

— Вы не могли бы описать их?

Екатерина Павловна замялась.

— Затрудняюсь… Я видела их мельком.

— А могли бы узнать, если вам их покажут?

— Вероятно, смогла бы.

Телегин подошел к большому сейфу, отпер его и достал папку с крупной четкой цифрой «93» на картонной обложке. Развязав тесемки, он вытащил из папки какую-то фотокарточку, выдвинул ящик стола и взял целую пачку фотографий.

— Посмотрите внимательно, товарищ Синельникова. Не было ли среди тех троих вот этого человека? — Телегин протянул Екатерине Павловне одну карточку.

Женщина долго смотрела, прищурив глаза. Наконец она отрицательно качнула головой:

— Нет, не было.

— А этого?

— Н-не знаю… Кажется, нет.

Полковник подал женщине сразу три карточки:

— Посмотрите эти.

И она узнала. Да. Вот этот, со шрамом под глазом и продолговатой, словно сдавленной с боков головой.

— Этот был! — уверенно произнесла она.

— Вглядитесь внимательнее.

— Да, да, я хорошо помню. Именно этот.

Полковник положил фотокарточку Николая

в папку.

— А жаль, что вы пришли поздно, Екатерина Павловна.

— Я сама понимаю… — Женщина опустила голову. — Но… Меня так обидел тон вашего сотрудника… Он словно не доверял мне… Даже смотрел с каким-то странным подозрением… Я долго не решалась…

— Да, прийти бы вам пораньше… — сказал Телегин. — Но вы и сейчас очень нам помогли.

Когда Синельникова ушла, Телегин с минуту сидел задумавшись. Значит, Зайцев не ошибся. Шпионов трое. И они какое-то время держались вместе. Один погиб. Осталось двое… Двое… Кто они? Где находятся сейчас?

И он медленно завязал тесемки картонной папки с цифрой «93» на жесткой обложке.

Петр Поликарпович Саженцев, страстный коллекционер-филателист, был взволнован. Нет, он был просто возмущен. Дежурному по управлению старшему лейтенанту Соколову с трудом удалось его успокоить.

— Нет, вы только подумайте! — негодовал старик. — Какой-то мерзавец пользуется моим обратным адресом, чтобы отправлять письма за границу! Понимаете — пользуется ад-ре-сом!..

— Понимаю, все понимаю, Петр Поликарпович. Но вы успокойтесь. Мы выясним, кто этим занимается и с какой целью.

— С какой целью? Конечно, для того чтобы перехватывать у меня марки. Но вы разберитесь. И как следует накажите виноватого. Кстати, хотел вас спросить. Почему это из милиции, куда я сразу же обратился, меня направили к вам?

— Потому, Петр Поликарпович, что дело может быть не только в марках.

Все началось утром. Доставая из почтового ящика, как обычно, газету, Саженцев увидел голубой конверт с наклейкой «Международное». Письма из-за границы Петр Поликарпович получал и прежде довольно часто. Такого рода депеша его не удивила. Но, принеся конверт в комнату, надев на нос очки, Саженцев обомлел. Письмо было «возвратным». Его возвращали отправителю. А отправителем… значился он сам, Петр Поликарпович Саженцев! Но, позвольте, ведь это вовсе не его почерк. И, хотя он знает имя адресата, который живет в Западной Германии, однако давно ему писем не посылал. А почему письмо вернулось в Советский Союз? Ага! Отправитель забыл написать название страны. Только город, название улицы, номер дома и фамилия… Ну, погоди

же!.. Неслыханное нахальство — пользоваться его, Саженцева, именем, чтобы переписываться с коллекционерами!.. Нет, он немедленно пойдет в милицию! Пусть этот неизвестный хулиган будет найден и наказан!

Однако из милиции Петра Поликарповича почему-то направили сюда, в управление Комитета госбезопасности.

Полковник Телегин рассматривал принесенное Соколовым письмо. Обычное письмо с просьбой обменяться марками. Но перед полковником на столе лежал текст, присланный из лаборатории, где письмо прошло специальную обработку. На бумаге была обнаружена тайнопись. Телегин взял листок, присланный из лаборатории, в десятый раз перечитал строчки:

«Начали действовать порознь. Слушаю вас в условленное время».

Да, письмо к западногерманскому филателисту было написано не Саженцевым. Его писал кто-то другой. «Начали действовать порознь».

Да, теперь ясно — сброшен не один шпион. Их несколько. Зайцев видел троих. Но может быть, их больше? Четверо? Пятеро?.. Однако Екатерина

Павловна тоже видела троих. Письмо отправлено через день после того, как трое неизвестных ночевали в гостинице «Маяк». Очевидно, их все-таки трое. Не мог же четвертый, если, их четверо, находиться все время отдельно. А что, если у него самостоятельное задание?

«Слушаю вас в условленное время», Условленное время. Ясно — у того, кто сообщал это, есть рация. Где она? Пеленгаторы пока не зафиксировали работы передатчика. Но речь несомненно идет о радиосвязи. Вероятно, лазутчик пользуется пока односторонней связью, только принимая передачи. Он осторожен.

Версии, предположения, догадки выдвигались одна за другой.

В гостинице и в лесу шпионы были без поклажи. Впрочем, насчет леса ничего не известно. Зайцев мог и не заметить снаряжения, спрятанного в кустах. Но в гостиницу лазутчики пришли явно без вещей. Значит, они спрятали вещи. Где? В лесу? И рация там же? Возможно. Следовательно, надо установить строгий контроль за теми участками, где шпионы уже побывали. Если рация в лесу, они непременно находятся где-то поблизости.

Глава тринадцатая
ВРАГ ТОРОПИТСЯ

Сказав, что будет дома только к вечеру, Сергей попрощался с Марией Федоровной и ушел. Сегодня в полдень по расписанию он должен слушать по радио своих шефов. Уже несколько раз Сергей принимал передачи. Сам в эфир не выходил. Он не хотел пока откапывать рацию. Незачем делать это без особой нужды. А принимать шифрованные радиограммы можно и на портативный приемник.

Раздвигая грудью и руками цепкий кустарник, Сергей забрался в гущу леса, остановился, взглянул на часы. Пора. Он вытащил из портфеля моток проволоки, ловко забросил его на дерево. Конец присоединил к маленькому приемнику, свободно умещающемуся в том же портфеле, вместе с несколькими книжками и тетрадками, купленными для отвода глаз Марии Федоровны, которая души не чаяла в трудолюбивом и обходительном своем жильце — «студенте». Это словцо, внезапно вырвавшееся у него тогда в ресторане, доставило Сергею немало тревог. Старушка несколько раз заводила с ним разговоры о

его учебе. Пришлось выведать, какие в Петровске есть институты. Впрочем, он без особого труда уверил добрую Марию Федоровну, что поступил в педагогический на литературное отделение.

Сергей надел наушники, покрутил рычажки и сразу услышал свои позывные. Сердце радостно запрыгало.

Позывные умолкли, и после короткой паузы послышался сигнал, предупреждающий о начале передачи. Сергей приготовился и, как только зазвучали частые пискливые сигналы «морзянки», стал быстро записывать. Вот и конец. Дождавшись повторения, он сверил написанное. Все точно. Снял с дерева антенну, аккуратно уложил ее в портфель, достал кодовую таблицу и расшифровал полученную радиограмму:

> «В квадрате восемь находится военный объект. Тщательно разведайте. Изучите возможность проникновения. Достаньте образец пропуска. Ш.».

Подписано самим полковником Шиллом. Значит — очень важно. Интересно, какую сумму положат в банк на его имя, если он достанет пропуск?..

Владимир спешил в М. Он и так уже задержался, самовольно изменив инструкцию. Но ему так хотелось побывать там, в маленьком селе над тихой рекой!.. Он не мог поступить иначе.

На одной из станций Владимир зашел в буфет. Хотелось есть. В буфете было полно народу. Торопливо пили пиво, закусывали бутербродами. Владимиру некуда было спешить. Здесь — пересадка. До отхода поезда на Южнокаменск — целых два часа.

Он взял две кружки пива, несколько бутербродов, порцию сосисок с капустой и сел за столик.

От столика к столику ходил по буфету молодой парень в грязной стеганке и немыслимой кепке с засаленным козырьком, просил подаяния. Подошел к Владимиру:

— Угости пивом.

Владимир подвинул ему кружку:

— Пей.

Парень жадно прильнул к кружке. Владимир разглядывал его с любопытством.

— Почему не работаешь?

— А зачем? — последовал ленивый ответ. — Пока дураки есть, деньги у меня будут. — Парень утер рукавом мокрый рот и нахально раскланялся. — Спасибочко за угощенье. Пока.

— Постой. Тебе деньги-то нужны?

Парень остановился:

— Еще как! Дашь, может, а? Верну, не жить мне на свете!

— Дураков ищешь. Паспорт у тебя есть?

— А то как же! Без паспорта не ходим. И справка есть. Из заключения я. Только позавчера освободился.

Парень достал из кармана сложенную вчетверо бумажку, порылся еще и вытащил паспорт. Владимир подвинул ему вторую кружку:

— Пей.

Пока бывший заключенный пил, шпион внимательно разглядывал паспорт.

— Продай его мне, — шепнул он.

От неожиданности парень поперхнулся. Он уставился на Владимира, растерянно слизывая с губ пивную пену.

— Ты другой получишь… А этот… Ну, скажешь — потерял… Хочешь три сотни?

— Три… сотни?

— На, вот, бери…

При виде денег глаза у парня загорелись. Он схватил бумажки, вырвал у Владимира свою справку и, оставив ему паспорт, быстро исчез. Шпион огляделся и тоже поспешил к выходу.

«Важный военный объект». Его еще надо было разыскать. Под всякими предлогами Сергей стал наведываться в район восьмого квадрата и вскоре обратил внимание, что на одной маленькой станции, километрах в двадцати от Петровска, утром сошло много пассажиров. Люди были в рабочей одежде и спешили. Выходили из разных вагонов, здоровались, шли вместе — по шоссе в лес. «Друг друга знают, значит, вместе работают», — отметил Сергей.

На другой день незаметно, лесом он двинулся следом за рабочими и вскоре увидел крытый навес. Автостанция. Отсюда рабочие ехали дальше на автобусах.

Несколько дней подряд шпион сходил на этом полустанке, лесом выходил к автостанции и, чтобы примелькаться, проходил мимо, направляясь в поселок, видневшийся на горе за перелеском.

Однажды по дороге он сел в догнавшую его полуторку.

— Пойдем погреемся, — пригласил он шофера, сходя возле закусочной.

Шофер отрицательно покачал головой, включил скорость, и машина, заурчав, поехала дальше.

«Сорвалось, — пожалел Сергей. — А знакомый

водитель в нашем деле — клад».

В закусочной никого не было. Буфетчик щелкал на счетах. «Время рабочее», — догадался Сергей.

Неожиданно распахнулась дверь. В закусочную ввалилось трое. Сергей быстро подошел к стойке, взял кружку пива и сел за столик.

— Угощаю! — воскликнул самый молодой из троих, светловолосый паренек, весь усыпанный веснушками. — Друг! — обернулся он к буфетчику. — Всем по паре пива и закуски!.. Для затравки.

Они устроились за соседним столиком, отхлебывая пиво, громко переговаривались. Из их разговора Сергей понял, что подгулявшие приятели сегодня свободны от работы, а завтра заступят в ночную смену.

На другой день Сергей появился в закусочной в часы окончания работы. Он пришел первым и занял место за столиком. Вскоре закусочная стала заполняться народом. Среди рабочих он узнал веснушчатого паренька. Тот, видно, спешил. Мест за столами не было. Но, когда паренек с кружкой пива в руке проходил мимо Сергея, тот окликнул его:

— Садись, друг! Я ухожу.

Паренек благодарно улыбнулся и сел.

С той поры Сергей стал наведываться в закусоч-

ную часто. И его надежды оправдались. Прошла неделя, и он опять встретился с веснушчатым пареньком, кивнул ему, как старому знакомому:

— Присаживайся. Место свободное.

Некоторое время они пили пиво молча. Потом Сергей, как бы невзначай, спросил:

— С этой недели в дневной работаешь?

— В дневной. — Паренек поморщился, покрутил головой. — Гульнули вчера… До сих пор в голове метель…

— Ну, это легко поправить! — Сергей проворно поднялся, подошел к стойке, взял бутылку водки, колбасы, сыра, принес еще две кружки пива. — Чем убился, тем и лечись, — пошутил он, разливая водку по стаканам. — За знакомство! Тебя как величать?

— Иваном.

— А меня — Валерием. Пей, Ванюша! — Сергей поднял стакан, звонко чокнулся с пареньком и залпом выпил водку.

Паренек, видно, чтобы не отстать, сделал то же самое.

— Вот это по-нашенски, по-рабочему! — одобрил Сергей, запивая из кружки.

Вечером, когда стемнело, Владимир подошел к маленькому домику, утопавшему в пожелтев-

ших кустах сирени, и постучал. Дверь отворила стройная молодая женщина.

— Эльвира Леоновна? — вежливо осведомился Владимир.

— Да, это я, — ответила женщина, с порога вглядываясь в незнакомого посетителя.

— Я разыскал вас по просьбе друзей, — сказал Владимир, входя в дом и плотно затворяя за собой дверь.

— Друзей? — удивилась женщина. — Вы меня пытаетесь интриговать. Я прямо сгораю от любопытства. Каких же?

— Наших общих, американцев.

Эльвира отшатнулась:

— Что вы сказали? У меня нет друзей американцев.

— Напрасно вы так думаете. Сейчас американцы друзья всем тем, кто в войну был близок к немцам.

— Я не знаю никаких немцев! Что вам нужно?!

— Спокойно, спокойно, Эльвира Леоновна. Шеф уверял меня, что вы весьма уравновешенная женщина, а он редко ошибается.

При слове «шеф» Эльвира пожала плечами; было видно, что она успокаивается.

— Не понимаю, что же вам, собственно, нуж-

но?

— Мне хотелось бы узнать, где находится Петерсон?

Эльвира Леоновна снова заволновалась:

— Откуда вы знаете о Петерсоне?

— Я знаю не только это. Мне известно, что немцы выдали вам фремденпасс...[1]

Эльвира в изнеможении опустилась на стул.

— После войны я не видела Петерсона, — пробормотала она.

Владимир пристально взглянул на нее:

— Дайте-ка ножницы.

Все еще в растерянности Эльвира Леоновна встала, взяла с туалетного столика ножницы и подала гостю. Он отвернул полу пиджака и, нервно тыча остриями в подкладку, подпорол ее. На пол вывалились аккуратно свернутые бумаги. Владимир бережно поднял их и развернул.

— Вам знакомо это?

— Боже мой! Боже мой!.. — Эльвира Леоновна побледнела. Она узнала подписанное ею обязательство сотрудничать с гитлеровской разведкой.

---

[1] Примечания: 1

Фремденпасс. —Так назывался паспорт, который гитлеровцы выдавали людям, сотрудничавшим с ними на временно оккупированной территории Советского Союза.

— Вот видите. Друзья за границей у вас все-таки есть.

— Боже мой! Боже мой!.. — повторяла женщина, прижимая ладони к пылающим щекам.

— Успокойтесь, — сказал Владимир. — В чужие руки эти документы не попадут. Где вы сейчас работаете?

— Я чертежница.

— Сколько получаете?

— Немного… — Женщина все еще смотрела на странного гостя со страхом.

— Ваши друзья американцы, — сказал Владимир, — будут очень рады, узнав, что вы живы и в добром здравии. Они умеют хорошо благодарить за помощь, — слово в слово повторял он то, что приказал ему выучить инструктор Джон.

— Но… но что от меня потребуется? — спросила Эльвира Леоновна, понемногу приходя в себя.

— Вы замужем? — вместо ответа спросил Владимир.

— Зачем вам это знать?.. Нет, не замужем.

— Прекрасно. Так вот. Поручения будут пустяковые. Первое — приютить на время одного человека.

— Человека? Кто он?

— Молодой мужчина, — сказал Владимир и улыбнулся. — Приблизительно такой, как я.

Женщина тоже улыбнулась:

— Если такой, то я согласна. Но как я узнаю, что это тот самый человек?

— Он вам передаст привет от меня. Между прочим, меня зовут Валентином. Прошу прощенья, что не представился.

После этого Владимир простился с новой своей знакомой и быстро вышел. Но он не ушел. Спрятавшись за углом, он стал наблюдать за домом: не побежит ли Эльвира доносить на него. Однако женщина никуда не вышла, и вскоре в ее окне погас свет.

На другой день рано утром Владимир вновь был около дома Эльвиры Леоновны. Спрятавшись, как и накануне, он дождался, когда она вышла, и пошел за ней на некотором расстоянии. Он проводил ее до здания, где помещалась проектная контора. Там, очевидно, Эльвира работала, и, успокоившись, решил, что все в порядке.

Однажды, как бы случайно, Сергей встретился с Иваном на улице.

— Ванюша! Друг! Вот встреча! И надо же так! Я как раз свободен! Пошли, друже, дернем по маленькой!..

Долго уговаривать Ивана не пришлось.

— Получка? — спросил он, подмигнув.

— Ага, в самый раз угадал!

— А у нас — завтра только.

— Ну, значит, вовремя я тебя встретил.

И Сергей с торопливостью человека, решившего во что бы то ни стало угостить приятеля, потащил паренька в знакомую закусочную.

Сели за столик. Сергей тратил деньги с необычайной щедростью. Иван спросил:

— Ты что же — премиальные получил?

— Точно, Ванюша, премиальные.

Распили одну бутылку, взялись за вторую. Сергей болтал без умолку, рассказывал анекдоты, веселые истории, почти ни о чем Ивана не расспрашивал и совершенно покорил простодушного паренька.

— Ну, а теперь на воздух надо, проветриться, — решительно объявил он, заметив, что Иван уже порядком охмелел.

Они долго бродили по окрестностям. И шпион, как будто бы совершенно случайно, привел паренька к проволочной ограде, давно уже замеченной им в лесу.

— Это что еще за линия Маннергейма? — шутливо удивился он, делая вид, будто собирается перелезть через проволоку.

— Что ты! — остановил его Иван. — Туда нельзя.

— Почему?

— Запретная зона. Пропуск нужен. — Иван

машинально потрогал себя за карман на груди.

— Эх, жаль! — проговорил Сергей. — Там вон, за холмиком, лесок. Грибов, наверно!.. А у меня тетка в городе. Страсть как грибы любит… Ну что же делать! Пошли назад.

На обратном пути снова зашли в закусочную, выпили еще, и Сергей проводил Ивана до дому.

— Близко ты живешь, — сказал он, прощаясь с пареньком у калитки. — Тебе на работу ездить не надо.

— А я и не езжу. Пешком хожу. Через лесок. Прямо по тропочке. — И Иван махнул рукой, показывая направление.

В Южнокаменск Владимир ехал не только для того, чтобы встретиться с Сергеем и Николаем. Ему было необходимо пробраться к тому месту, где он закопал свои вещи. Там он спрятал часть денег, а они сейчас были необходимы: ведь к Эльвире Леоновне нельзя прийти с пустыми руками.

Прощаясь, шпионы уговорились встречаться на рынке. Народу там бывает много, в толпе нетрудно затеряться. И, приехав в Южнокаменск, Владимир в условленный час пошел на рынок. Он еще издали заметил Сергея и, забыв об осторожности, кинулся к нему. Как-никак Сергей все-таки

был своим, пожалуй, единственным, кроме Николая, близким человеком в этой стране, где то и дело приходилось трястись за свою шкуру.

— Володька, мерзавец! Здорово!.. — Сергей тоже был рад встрече. — Ну, как дела?.. Что успел сделать?

Они пересекли рынок и на пустырьке за глухим забором присели на кучу бревен.

— У меня дела идут неплохо, — рассказывал Владимир. — Паспорт я себе достал. Настоящий. Теперь закрепляться буду. А ты как?

— Я — олл-райт! Пока слушаю наших по радио. Сам ничего не передаю. Поселился в надежном месте. Получил важное задание. Завтра у меня решающий день. А где Никола? Ведь он должен тоже приехать. — Глаза Сергея встревоженно сузились. — Может, попался?

— Нет, Николай — парень осторожный…

Однако Владимиру вдруг тоже стало не по себе. А вдруг Николай в самом деле попался? Ведь это может случиться в любую минуту с каждым из них.

— Будем ждать, — сказал он.

До глубокой темноты они по очереди ходили к условленному месту. Николая не было. В небе бледно засветился узкий лунный серп. Оставать-

ся здесь дольше было опасно. Сергей и Владимир ушли на ночь в лес. Сергей нарочно свернул на ту тропку, которая вела мимо дерева с беличьим дуплом, их «почтовым ящиком». Но никакой записки от Николая в нем не было.

В эту ночь они перепрятали рацию Владимира. Место, где она была зарыта раньше, знал Николай. Если он попался, то здесь безусловно контрразведка устроит засаду. Тщательно закопав ее, шпионы простились и разъехались, снова не сказав друг другу, куда едут.

Вот и тропинка, по которой Иван ходит на работу и с работы. Второй день он заступает в ночную смену. Сергей пришел сюда крадучись, когда уже стемнело. Он понимал, что Владимир прав. Если Николай попался, лучше подождать. Но радиограмма была подписана самим Шиллом. И только вчера он получил еще одну — с вопросом, как выполняется задание. Надо спешить. Надо торопиться… Может быть выполнив это задание, он получит разрешение вернуться обратно… Обратно!.. Как хочется опять очутиться на улице, расцвеченной пестрыми рекламами, полной людей — нарядных, веселых! Людей, от которых можно будет не опасаться никакой неожиданной выходки, которых можно будет не бояться!..

Сергей не переставал наивно верить в то, что его хозяева выполнят свое обещание — дадут ему возможность вернуться назад, спокойно зажить в свое удовольствие…

Шпион спрятался в кустах и стал ждать. Он знал, что ждать придется недолго. И действительно, вскоре услышал шаги. Кто-то уверенно шел, беззаботно насвистывая. Он!.. Иван!.. Сергей затаил дыхание.

Шаги приближались. Все ближе, ближе… Сергей привстал, напрягая зрение… Да, это Иван…

Молодой рабочий шел по знакомой, много раз хоженой тропинке. Он не спешил. До начала смены было еще достаточно времени. И вдруг страшный удар по голове свалил его с ног. Он ткнулся в сырой от росы мох.

Сергей перевернул Ивана на спину, послушал. Кажется, не дышит. Послушал еще. Удар точный. Инструктор Майк — жилистый американец, отрабатывавший с ними приемы джиу-джитсу, был бы доволен таким ударом.

Шпион стал торопливо обшаривать нагрудные карманы своей жертвы. Папиросы… Спички… Вот он!.. Пропуск!.. Задание Шилла выполнено!

Вскочив, Сергей кинулся было бежать, но тотчас же вернулся к Ивану, неподвижно лежавшему

поперек тропы. Надо же создать видимость ограбления. Он быстро стащил с рабочего пиджак, вывернул карманы брюк. В траву посыпалась денежная мелочь, выпал перочинный ножик, носовой платок… Потом, оттащив тело в сторону от тропинки, Сергей шмыгнул в овраг и исчез в лесных зарослях.

Глава четырнадцатая
ПОВЕЗЛО

Очнувшись и открыв глаза, Иван не сразу понял, где он находится. Темень… Деревья… Рванулся, пытаясь вскочить, и застонал. Затылок обожгло нестерпимой болью. Он снова упал на траву и пощупал голову. Волосы слиплись от крови. Прокушенный язык распух, и во рту было непривычно тесно… И только тут Иван ощутил холод и заметил, что раздет. «Где же пиджак?» Мгновение, как вспышка — и он вспомнил: кто-то напал на него в лесу. «Пиджак!.. Там пропуск!..»

Пересиливая боль, Иван стал на четвереньки, поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся по тропинке. «Скорее на завод, — торопил он самого себя. — Пропуск… Пропуск… Нужно предупредить охрану…»

Он брел, натыкаясь на деревья, обхватывая их, чтобы не упасть, и отталкивался от них, вновь натыкаясь на стволы берез, не ощущая боли от уколов еловой хвои.

Вот и фонари у проходной. Еще несколько шагов… Но тут силы изменили ему и он упал, ударившись лицом о ступени крыльца.

Подбежавшие охранники подхватили Ивана, осторожно положили на землю. Кто-то принес ведро воды. Один из охранников торопливо зачерпнул пригоршней и плеснул Ивану в лицо. Тот открыл глаза.

— Пить…

Ведро наклонили прямо к его рту. Он пил жадными большими глотками, захлебываясь. Наконец отдышался.

— Пропуск… Пропуск мой… В лесу… Украли…

Тревога, тревога… Минуты не прошло, как на башенках ослепительным голубым сиянием вспыхнули лучи прожекторов. Была вызвана служебная собака.

Как ни бились, Иван ничего не мог толком рассказать. Напали в лесу. Кто — он не знает. Ударили по голове. Очнулся без пиджака. Хватило сил добраться…

Промчавшись большими прыжками по тропе, тренированная овчарка чуть покрутилась на том месте, где на рабочего было совершено нападение, и бросилась в сторону, к оврагу. Инструктор, перепрыгивая через кочки и пни, едва удерживал ее за поводок. Возле одного куста собака остановилась и залаяла. Посветили фонарями. Среди гибких веток лежал свернутый узлом пиджак…

Сергей долго не мог выбраться на дорогу. Нелегко бежать в темноте по лесу. В одном из оврагов он попал в такие цепкие заросли, что не скоро выкарабкался из них.

Собачий лай он услышал в тот момент, когда нога его ступила на твердый грунт проселка. Испуганно оглянулся. По лесу шарили голубые лучи. Кинулся бежать. «Скорее, скорее, к станции, на поезд…»

Чтобы запутать след, он петлял, выскакивал с обочины на траву, делая громадные прыжки. Справа сквозь редкие деревья замелькали огни приближающегося поезда. Забыв об осторожности, напрягая все силы, Сергей бросился к станции напрямик. «Только бы успеть!..»

Лай нарастал, близился. Он гремел в ушах… Сергей скатился с откоса, перемахнул через полотно, и почти тотчас же позади загрохотало: два встречных поезда, подошедших одновременно, отгородили его от преследователей…

Все мучительней, все неотвязней преследовала Владимира мысль о том, что Николай попался. О, большевики своими страшными пытками сумеют развязать ему язык. Он, конечно, выдаст, если уже не выдал, своих сообщников. Может быть, уже и сейчас за ним, за Владимиром, смотрят.

В каждом прохожем ему начал мерещиться соглядатай. Он стал пугаться даже своей собственной тени. Нервы были напряжены до предела.

В М. поезд пришел рано утром. Народу на улицах было мало. Дворники подметали тротуары, сгребали в кучи опавшие листья. На мостовых гомонили воробьи. К домику Эльвиры Леоновны Владимир пробрался самыми глухими переулками. Он долго не решался войти. И, когда молодая женщина вышла, чтобы идти на работу, он, как и прошлый раз, незаметно последовал за ней, наблюдая издалека, куда она идет.

Торчать весь день в городе было невыносимо. С предосторожностями Владимир выбрался из города и до вечера скрывался в лесочке, несмотря на то что уже с полудня стал моросить дождь и подул холодный ветер.

Только поздним вечером, в темноте, измученный вконец, он постучал в знакомую дверь.

— Кто там? — испуганно спросили из-за двери.

Он отметил про себя, что первый раз Эльвира Леоновна отперла дверь, не спрашивая, кто идет.

— Вам привет от Валентина, — почти шепотом произнес Владимир.

Звякнула цепочка.

— Входите скорее!

Владимир прошмыгнул в дверь.

— Это вы? — воскликнула женщина. — Вы сами?

— Да, я сам. Что же тут удивительного?

— Но ведь вы… А впрочем, все равно…

Владимир, не сводя с нее глаз, вытащил пачку денег, положил на стол. Он заметил, что в глазах молодой женщины вспыхнул жадный огонек. Но в то же время от него не ускользнуло, что Эльвира Леоновна глядит на деньги с боязливостью.

— Это ваше, — сказал Владимир.

Она зябко поежилась:

— Что я должна сделать?

— Как мы и уговаривались — приютить человека.

— Кого?

— Меня.

— Вы хотите, чтобы я вас прописала?

— Да. В качестве мужа.

— Вот как? Но для этого нужен документ… Паспорт….

Владимир молча вытащил паспорт, который он купил в буфете у бывшего заключенного. Эльвира Леоновна поморщилась.

— Новенький?

— Думаете — липовый? — спросил Владимир.

— Напрасно. Самый настоящий.

Женщина протянула руку, но Владимир спрятал паспорт в карман.

— Всему свое время, Эльвира Леоновна. Прежде всего мне нужно, чтобы вы согласились.

Эльвира Леоновна помолчала и кивнула:

— Оставайтесь.

— Ну, вот и хорошо, — с облегчением вздохнул Владимир. Он достал из кармана фотокопию обязательства Эльвиры Леоновны сотрудничать с немецкой разведкой и протянул ей. — А это мне больше не нужно.

Женщина порывисто схватила листок, разорвала его, выбежала в соседнюю комнату, и Владимир услышал, как там хлопнула печная дверка.

…После нападения на Ивана Сергей несколько дней не выходил из дому, делая вид, будто усиленно занимается. Он ждал, пока уляжется тревога. Пропуск был у него. Заводской пропуск!.. Вот с такой маленькой книжечкой в плотной обложке любой человек может преспокойно пройти сквозь ворота на секретный завод, все узнать, все выведать и, может быть, даже… Да, Шиллу пропуск потребовался не для коллекции. Это ясно. Книжечку надо любыми путями пере-

править за границу.

Сергею вспомнился рассказ, который он слышал от инструктора Джона. В берлинский ювелирный магазин пришел хорошо одетый господин и стал приценяться к драгоценному бриллиантовому ожерелью. Он никак не мог сторговаться с хозяином магазина и, держа ожерелье в руках, попросил для сравнения показать ему другое, жемчужное. Хозяин отвернулся только на мгновение, а драгоценного украшения уже не было в руках у покупателя.

Владелец магазина поднял страшный шум. Немедленно были заперты все двери, вызвана полиция. Из магазина никто не выходил, передать ожерелье покупатель никому не мог. Его тут же обыскали, но ничего не нашли. Обшарили весь магазин — тот же результат. Под усиленным конвоем возмущенного покупателя вывели из магазина и усадили в полицейскую машину. Хозяин выбежал следом, крича, чтобы искали хорошенько.

Несколько дней продолжались поиски. Подозреваемого в краже покупателя просвечивали рентгеном, разобрали по ниточке всю его одежду, но так и не нашли пропажи. Перед ним извинились и отпустили, возместив убытки. А между

тем ожерелье было украдено именно этим господином — известным вором.

Рассказав эту историю, Джон спросил: «Ну, как, по-вашему, куда мог преступник спрятать ожерелье?» Ни Николай, ни Владимир, ни Сергей не сумели ответить. И тогда инструктор сказал: «Надо развивать в себе смекалку. Это вам пригодится. Да ведь отгадка очень проста. Когда хозяин отвернулся, вор положил ожерелье в задний карман его брюк. Он был уверен, что хозяин выйдет из магазина, чтобы проводить его до полицейской машины, а в толпе, собравшейся у входа, будет сообщник, которому ничего не стоит обокрасть человека, взволнованного такой пропажей, почти невменяемого…»

И сейчас, разглядывая пропуск, Сергей вспоминал этот рассказ. «А что, если попробовать сунуть пропуск в карман какому-нибудь туристу, уезжающему за границу? И сообщить его приметы. Пусть его обворуют на вокзале, как только он пересечет рубеж…»

Впрочем, зачем спешить? Он получит инструкции, как поступить с пропуском, и делу конец. Но все-таки хорошо было бы разработать свой собственный план. Возможно, этот план будет так удачен, что полковник Шилл вызовет Сергея,

освободит от обязанностей рядового агента и назначит на какую-нибудь высокую должность в отдел.

«Ведь судьба и правда благосклонна ко мне, — думал Сергей, рассматривая пропуск. — Пока все складывается удачно, очень удачно». Ему положительно везло. А о пропавшем Николае думать не хотелось.

Письмо в Западную Германию, с обратным адресом Петра Поликарповича Саженцева, было отправлено из Южнокаменска. Значит, шпион, пославший его, действует там. А может быть, приезжает туда; предположим, к месту постоянных, заранее условленных свиданий.

Полковник Телегин в задумчивости сидел над раскрытой папкой с материалами «Дела №93». Но пока ничего нового к этим материалам не прибавилось. Нападение на Ивана Боярышникова?.. Еще рано утверждать, что это — дело рук одного из вражеских лазутчиков. Но предполагать можно. Тщательно обыскав лес вокруг места, где было совершено нападение на рабочего, сотрудники уголовного розыска нашли перочинный ножик, платок, даже деньги… Правда, мелочь. Но Боярышников показал, что из всех вещей, бывших у него в карманах, похищен только пропуск

на завод.

Если грабителем был шпион, то, надо прямо сказать, вражескому лазутчику здорово повезло. Собака уже шла по свежему следу, когда перед ней выросло препятствие — два железнодорожных состава. Враг, вероятно, успел на ходу вскочить в вагон. Несмотря на предупреждение и проверку по всем вагонам, подозрительных людей ни в одном из этих составов обнаружено не было. Очевидно, грабитель спрыгнул с площадки тоже на ходу.

Васильев, Кротов и Коротич по-прежнему вели розыски, но пока что безрезультатно.

И вдруг — новая находка.

Пожилая женщина, которую принял у себя в кабинете начальник управления, была взволнована.

— Я, конечно, не знаю… — говорила она. — Может быть, и ошибаюсь… Но не прийти не могла. Понимаете… У меня племянница есть. Клава. Работает в ресторане на вокзале. Так вот… Она как-то привела ко мне юношу. Такой симпатичный молодой человек… Очень вежливый. Студент. Виктором зовут. Попросила временно сдать ему комнату. Живу я одна… Ну и сдала. Он уже две недели у меня прожил. А вчера попрощал-

ся. «Уезжаю», — говорит. Стала я утром комнатку его прибирать, гляжу — на полу конверт…

Мария Федоровна протянула полковнику конверт. Телегин взял его и прочитал адрес. Письмо адресовалось в Западную Германию.

— Мне странным показалось, — продолжала старушка. — Виктор человек русский, наш, а письмо написано по-заграничному. И вот еще что… Тогда уж меня это насторожило… Он часто по вечерам уходил. А один раз вернулся совсем поздно. Часа в два ночи… Ключ у него был свой. Но я проснулась, когда он пришел. Грязный весь… Сапоги в земле, в глине. Пиджак разорван… Он не видел меня. А я его хорошо видела — дверь в мою комнату была приотворена. И, главное, глаза у него такие были… Нет, нет, он не был пьян. Совершенно трезвый. И только глаза… Я… я не могу объяснить. Но что-то такое было в его взгляде… Такое… Как будто он боится… Как будто что-то нехорошее сделал… Я уж тогда решила, что откажу ему от квартиры…

— Какого числа это было? — спросил Телегин.

— Двенадцатого, — тотчас же ответила Мария Федоровна. — Я хорошо помню. Двенадцатого… То есть в ночь на тринадцатое.

«В ночь на тринадцатое!.. Вечером двенадца-

того числа было совершено нападение на Ивана Боярышникова».

— Скажите, пожалуйста, — сказал полковник, — а на другой день ваш постоялец куда-нибудь уходил?

— Нет. Он сидел у себя. Говорил, что занимается. Три дня сидел и никуда не выходил.

Постепенно Мария Федоровна приходила в себя.

— Я не знаю… Может быть, это ошибка… Я надеюсь, что ошибка… Но не могла не прийти…

— И очень хорошо сделали, что пришли. У меня есть к вам еще несколько вопросов.

— Да, я слушаю.

— Этот Виктор рассказывал вам о себе?

— А как же! Рассказывал… Мы ведь завтракали почти всегда вдвоем. Чай пили. С вареньем. Я летом наварила. Клубничное… Он сирота. Круглый сирота. Никого нет. Студент. Учится в педагогическом, на литературном отделении.

— Вот как?

— Да, он так сказал…

— Постарайтесь описать вашего жильца. Это очень важно. И если можете, то подробнее.

— Ну, он такой… Высокий… Волосы светлые… Глаза голубые. Румяное лицо… Очень румяное…

Здоровый такой румянец…

И уже с первых слов, сказанных Марией Федоровной, Телегин понял: человек, назвавший себя Виктором, — один из тех, кого видели колхозник Зайцев и администратор гостиницы Екатерина Павловна. Но полковник все-таки поручил проверить личные дела всех студентов литературного факультета педагогического института. Как он и ожидал, никого, похожего хоть отдаленно на загадочного «Виктора», среди студентов не оказалось.

В лаборатории было установлено, что письмо, принесенное Марией Федоровной, и письмо, посланное от имени Саженцева, написано одной и той же рукой. И в этом письме экспертиза тоже обнаружила тайнопись:

> «Задание выполнено. Виделся с Владимиром. Перепрятали его рацию. От Николая нет никаких вестей. В квадрате №11 обнаружил неиспользуемый аэродром военного времени».

Теперь уже было совершенно очевидно — шпионов трое. И, вероятно, отравившийся в лесу незнакомец — это и есть Николай. Но для полковника было важным еще и то, что шпионы,

действующие порознь, все-таки встречаются. Где место их встречи? И в каком месте рация? Возможно, где-то в районе приземления. А если там рация, то хотя бы один из них непременно приедет туда.

Письмо!.. Куда оно могло деться?.. Сергей торопливо рылся в портфеле. Он ненавидел эти книги, тетрадки, блокноты, совершенно ненужные ему, но которые все-таки приходилось возить с собой. «Куда я мог его засунуть? Неужели потерял?..» Напрягая память, он попытался восстановить весь вчерашний день, с самого утра.

Проснулся в семь. В восемь завтракал вместе с Марией Федоровной. Чай… Клубничное варенье… Сергей никогда не любил варенья, но терпеливо ел, чтобы не обидеть старушку. Потом Мария Федоровна ушла. А он сел писать письмо. Развел в розетке таблетку для тайнописи. Едва успел дописать, едва заклеил конверт, как вернулась хозяйка. Он поспешно сунул письмо в карман…

Потерял?! Догадка обожгла страхом. Мысли прыгали, как кузнечики в скошенной траве. Что же делать? Что делать?! Вернуться? И, словно в ответ, колеса со злорадным грохотом простучали по мосту: «Нет, поздно…» Убирая утром комнату, она, конечно, нашла письмо. Нашла!.. Но по-

чему же надо опасаться, что Мария Федоровна непременно потащит это письмо в органы безопасности? Мирная, тихая старушка… Наверное, она припрячет конверт, дожидаясь его возвращения. Он ведь сказал, прощаясь, что непременно вернется. И к тому же ему везет!.. Конечно, повезло и на этот раз…

За окном проплывали поля, облетающие деревья, поселки, маленькие железнодорожные домики. И колеса начали постукивать успокаивающе: так-так-так, так-так-так…

Глава пятнадцатая
ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Голос в телефонной трубке звучал едва различимо — очень уж далеко находился сельсовет, откуда позвонили майору Васильеву. С трудом улавливая смысл, Васильев то и дело просил повторить. Человек, говоривший с ним, очень волновался, и от этого голос его звучал совсем уж неразборчиво. Но Васильев все-таки понял. Утром в лесу школьница обнаружила шалаш и спавших в нем двух мужчин. Как только их заметили, они поспешили уйти.

Проверку сигнала поручили Коротичу.

Потрясшись по скверной дороге, размытой дождями, старший лейтенант приехал в село в самом отвратительном настроении.

— Ну, что тут у вас? — буркнул он, входя в дом заведующего магазином — человека, который звонил майору Васильеву.

— Да как докладывал, товарищ начальник, — суетился завмаг. — Шалашик в лесу… Туточки, недалеко. Километра три… Может, для начала Танюшку позвать? И мать ее, Серафиму Кузьминичну. Она тоже была там.

— Да, да, вызовите их, — кивнул Коротич, обрадованный тем, что можно еще хоть немного отдохнуть.

Заведующий убежал и скоро вернулся, ведя за собой молодую женщину и девочку лет двенадцати. Старший лейтенант неторопливо достал листок чистой бумаги, ручку и начал задавать вопросы. Он не спешил. И показания записывал медленно, часто переспрашивая Таню и ее мать.

Сегодня утром Таня пошла в лес искать убежавшую корову и вдруг наткнулась на длинные ноги в серых носках, торчавшие из шалашика, который она сразу даже не приметила. Девочка испугалась и бросилась бежать. Потом они с матерью пошли к шалашу вдвоем и увидели высокого сутулого мужчину в черном пиджаке и серых брюках. Он прицеплял к дереву какую-то толстую проволоку. Заметив женщину с ребенком, он торопливо сдернул проволоку с дерева, смотал ее и спрятался в кусты.

— Уже немолодой человек. При ходьбе хромает. Волосы белые, — говорила Танина мать.

— Седой?

— Может, и седой. Не разобрала. Спрятался быстро.

— А что делал второй?

— Какой второй?

— Ну, второй мужчина… — Коротич взглянул на завмага, который беспокойно заерзал на стуле.

— Второго я не видела, — сказала Таня.

— А плащ на дереве висел! — закричал завмаг. — Сама же, Серафима, говорила — плащ…

— Плащ, верно, — кивнула женщина. — Маленький плащ. Не того, видать, который проволоку вешал.

К шалашу пошли вместе с Серафимой Кузьминичной и ее дочкой. Завмаг тоже пошел. Долго пришлось плутать по оврагам и зарослям. Старший лейтенант разорвал рукав, зацепившись за какой-то сучок. Он был зол на завмага, чувствуя, что дело не стоит выеденного яйца.

Седой хромой человек… Среди лазутчиков нет ни старого, ни хромого. Плащ маленький, а оба оставшихся в живых шпиона — высокого роста. Но окончательно он дал волю своим чувствам, увидав, что вся трава вокруг шалаша, который они наконец отыскали, помята и истоптана. Видно, здесь перебывало уже много народу.

— Это что? Не могли организовать охрану! — накинулся он на завмага, считая его виновником всех своих мытарств. — Посмотрите! Здесь теперь сам Шерлок Холмс не разберется.

Он заглянул в шалаш. Там никого не было.

— Морочите голову занятым людям, — ворчал Коротич, возвращаясь в село. — Привлечь бы вас к ответственности за всю эту кутерьму.

Придя в сельсовет, он начал звонить полковнику.

— Сигнал пустяковый, — сообщил старший лейтенант, услышав в трубке голос начальника. — Обитатели шалаша по описаниям не подходят...

Полковник приказал проинструктировать колхозников и возвращаться обратно.

Но старший лейтенант, даже не прощаясь ни с кем, сел в машину и махнул рукой шоферу:

— Прямо! В город!..

Вскоре после отъезда Коротича в сельсовет прибежала запыхавшаяся Таня:

— Тот... Длинный!.. По лесу ходит!..

Группа колхозников во главе с милиционером — участковым уполномоченным — бросилась к лесу. По пути к ним присоединялись односельчане. Прячась по кустам, они осторожно окружили место, указанное Таней. Но там никого не было. Тогда уполномоченный разделил колхозников на группы по два-три человека и послал их в разные стороны. Люди рассыпались

по лесу и вскоре увидели неизвестного. Сильно прихрамывая, он шел к старому сараю, одиноко торчавшему на опушке.

Колхозники подоспели к сараю раньше хромого и на чердаке, за дверью, в стоге гнилой соломы устроили засаду. Едва только неизвестный открыл дверь, как на него словно рухнула крыша. Он и сообразить-то еще ничего не успел, а на него навалились, скрутили руки.

— Ага! Попался, голубчик!..

Незнакомец не отбивался, не отстреливался и даже не ругался. Он покорно дал себя связать и только изумленно таращил глаза.

— Обыскать надо, — сказал один из колхозников. — У него, может, за пазухой бомба!

— Да что вы, граждане! — взмолился незнакомец. — Какая бомба! Вы меня за кого-то другого принимаете!

— Знаем, знаем, какой ты «другой». Тот самый и есть. Шпион.

Молодой парень вытащил из кармана у незнакомца паспорт.

— Ишь, подделал как! — проговорил он, разглядывая документ. — И печати, и все — честь честью.

Старшина милиции взял паспорт и тоже стал

разглядывать.

— Что-то не пойму. Паспорт нашим начальником выдан.

— Да местный я. Из Озерска. На работу тут устраивался, на карьер. А жить пока негде. Ну, я и поселился в шалаше.

— А проволоку зачем на дерево вешал?

— Какую проволоку? А! Это я шпагатик прилаживал. Плащ просушить.

— И плащ тоже ваш? — недоверчиво спросил милиционер.

— Мой.

— Не по росту как будто! — ядовито вставил парень.

— Материал такой, — с сожалением ответил задержанный. — Садится от стирки.

Хромого отвели в сельсовет, позвонили в районный отдел милиции и там подтвердили, что паспорт указанной серии и номера действительно выдан человеку, которого задержали колхозники.

— Значит, ошибка вышла, — возвращая документ задержанному, сказал старшина. — Извините.

Накинулись на Таню, на Серафиму, но больше всех досталось завмагу, который от стыда не знал,

куда и деваться.

«Отравленную ручку» нашел Санька Пузырьков, ученик четвертого класса. Сам он взять ее в руки побоялся — а вдруг взорвется?! — и позвал на помощь своего верного друга Петьку Сазонова.

Петька прибежал тотчас же, оставив на крыльце недоделанной ветряную мельницу, которую он мастерил из кусочков дранки, чурбака и старого шурупа. Он-то, Петька, и установил, что найденный Санькой предмет — отравленная ручка, которую несомненно подбросили шпионы, сброшенные заграничным самолетом на парашютах.

— Надо в сельсовет бежать — сказать! — всполошился Петька. — Я побегу, а ты посторожи.

— Ишь какой! Сам посторожи. А вдруг она такая отравленная, что жуть!

— Трус ты, Санька! Чтобы отравиться, ею писать надо.

— Писать?

— А что! Шпионы — они специально так делают: подбросят ручку. Один попишет — и готов. Другой попишет — тоже готов… А то еще — стреляющие ручки есть. Специально шпионские. Ты ее возьмешь, а она трах — и нет тебя. Так что обязательно в сельсовет бежать надо.

— Вот я и побегу, — решительно объявил Санька. — Я нашел, я и побегу.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы к двум приятелям не подоспел третий — пятиклассник Сеня Курочкин. Естественно, узнав, в чем дело, Сеня не мог согласиться ни с Петькой, ни с Санькой, потому что считал их мелюзгой.

— Эту штуку надо сперва обезвредить, — заявил он.

— А как?

— Бросить в старый колодец. Оттуда все равно никто не пьет.

— Да, а как бросить?

— Руками.

— У-у! Страшно…

— В лопух заверни.

Полчаса спустя проходивший мимо старого заброшенного колодца колхозный сторож Демьян Подковин увидел возле сруба ребят, которые занимались чем-то непонятным.

— Вы что же тут делаете, пострелята?!

От неожиданности ребятишки присели, а потом наперебой принялись объяснять, в чем дело.

— Это как же вы такое натворили! — сердито воскликнул Демьян. — А ну, как это и правда холера какая-нибудь? Почему в правление не

сообщили?

— Сеня говорил — обезвредить надо, — объяснил Санька.

— Я вот обезврежу его хворостиной! Да и вас заодно!.. Стойте тут, никого к колодцу не пускайте!..

И сторож торопливо заковылял к сельсовету.

Вскоре о находке сообщили Кротову. Никто толком не знал, какую штуку нашли ребята, и таинственный предмет к приезду капитана госбезопасности превратился в устах колхозников в «ручную гранату». Нашлись, конечно, и скептики, которые уверяли, что ребятишки просто придумали какую-то игру, а старый Демьян навязался им в помощники. Однако Кротов отнесся к событию серьезно.

— Этот предмет надо во что бы то ни стало достать, — сказал он. — Может быть, и правда что-нибудь важное.

Но лезть в колодец никто не соглашался. Один из колхозников, впрочем, вызвался было, но жена так цыкнула на него, что он мигом раздумал. И все-таки почин был дан.

— Да что это мы, братцы, трусим, на самом-то деле! — закричал Демьян. — Будь я помоложе!.. Вот ты, Василий. Ты говоришь — ребятишки в

игрушки играют. И я вроде у них в подмастерьях. Давай-ка слазай туда, достань, что они кинули.

— Мне это ни к чему, — сказал тот, к кому обратился сторож. — Кто ж его знает, может, и правда бомбу какую нашли…

Наконец несколько человек вызвалось лезть. Один из них, высокий, усатый, решительно выступил вперед:

— Я полезу. Тащи веревку.

Принесли веревку. Привязали к ней толстую палку. На эту палку усатый уселся верхом, и его начали медленно спускать вниз. Через несколько минут из колодца, словно из преисподней, послышался голос:

— Эй, братцы! Тащи наверх!..

Вытащили быстро.

— Ну что? Нашел?

— Нет. Надо воду вычерпывать. — Усатый был весь мокрый, грязный, облеплен тиной.

Из всех соседних дворов натащили ведра. Начали вычерпывать воду. Люди, оттирая друг друга, заглядывали в колодец. Каждое ведро тщательно проверялось — нет ли в нем загадочного предмета.

— Эх, сюда бы пожарную машину! — сказал усатый.

— Не подойдет — завязнет.

— Давайте натаскаем веток, палок, сделаем настил, — предложил Кротов.

Дружно кинулись ломать ветки, таскать камни, жерди. Подошла машина. Шофер с сомнением покачал головой, взглянув на настил; Побольше бы надо. Опять бросились собирать камни и сучья. Наконец шофер кивнул, влез в кабинку, мотор взревел, и пожарная машина стала осторожно, пятясь, подбираться к колодцу задним ходом. Спустили в колодец рукав. Вода захлестала толстой струей и побежала ручейками по истоптанной глине, словно спешила найти путь обратно, в колодец.

— Вот это работает! — восхищенно сказал Демьян, послушав, как ровно стучит насос.

Ребятишки шныряли в толпе, мокрые, перепачканные глиной. Санька Пузырьков был героем дня.

Но вот насос стал посапывать, рукав стал засасывать грязь со дна колодца.

— Хоро-ош! — протяжно закричал усатый, махнув шоферу рукой.

Мотор смолк. Усатый снова полез в колодец. Стоя по щиколотку в воде, он шарил руками в скользком густом иле. Вдруг пальцы наткнулись

на гладкий продолговатый предмет. В сумеречном свете колхозник увидел ручку.

— Тащи! — закричал он.

Его вытащили. Санька, Петька и Сеня вмиг узнали находку.

— Вот так бомба!

— А что ты думаешь?! — кипятился Демьян. — Может, это и правда стреляющая ручка?

Кротов снял с ручки колпачок, достал листок бумаги. Хотя ручка и полежала немного в воде, но писала все-таки хорошо.

Обыкновенная, — смущенно проговорил Демьян. — Вот ведь оно как…

— Ничего, всякое бывает, — сказал Кротов и подозвал смущенных ребятишек. — А вы молодцы, — нарочно погромче, чтобы всем было слышно, похвалил он. — Мигом сообщили. Это на нашем военном языке называется «оперативность».

Мальчики теперь уже краснели не от смущения, а от гордости. Они победно поглядывали вокруг, словно говоря: «Видали? Вот какие мы! Сам капитан нас похвалил!..»

А Кротов между тем думал о том, что бывает всякое. Люди стараются всеми силами помочь поискам. Сигналов с каждым днем становится все больше. И, конечно, иной раз может произойти

такая вот смешная ошибка...

Глава шестнадцатая
ВТОРОЙ

Несмотря на твердое решение хотя бы несколько дней высидеть дома у Эльвиры Леоновны, Владимир не мог усидеть на месте. Нервы, напряженные до предела, не давали покоя… Ночью снились кошмары. Он проснулся на рассвете и больше не мог сомкнуть глаз. Бежать, бежать!.. Он сам не знал куда. Но — бежать без оглядки. Чужие зоркие глаза, проверяющие каждый его шаг, мнились ему в каждом углу, за портьерой, за дверью, за окнами, где брезжил серый октябрьский рассвет.

Он встал, умылся. Вода была холодна. Но он, фыркая от холода, облился до пояса, чтобы хоть на миг чем-нибудь заглушить чувство страха и смятения.

Куда идти? Ехать к Сергею? Все-таки свой, сообщник… Но в сердце, где-то в самой глубине едва-едва, как рассвет за окнами, как первый отблеск пробуждающегося дня, возникало другое. И вставали перед глазами крутые берега реки, серебряные ивы, склонившиеся к воде, родное лицо в морщинках… «У нас тоже инженеры

пригодятся… мост через реку будут строить… Электричество теперь есть — со светом живем… А раньше-то…»

Для чего он здесь? Для чего все это? Для того чтобы снова в родном селе наступила тьма… Чтобы погасли веселые электрические огни, чтобы от тяжкого взрыва рухнул в волны новый красивый мост… Для чего?!

Владимир вспомнил, сколько гордости было в голосе матери, когда она рассказывала о радиоприемнике, которым колхоз премировал соседа — мужа Степаниды Фоминичны. И, может быть, она втайне надеялась — вот сын вернулся, учится, придет в село ученым, инженером, и у нее в доме, совсем недавно озарившемся светом новой жизни, тоже появится такой же приемник…

Ученым, инженером… А чему научился он? Действовать ножом, бить кастетом, метко стрелять… По своим, по своим!..

Пойти, признаться… Но «большевики ничего не прощают». Так говорил Веттер. А Веттер не врал. Он говорил, что Россия опережает Запад, накапливает силы, расширяет сеть электростанций. И все для того, чтобы громить мирные западные города; чтобы двинуть стальные армады через свои границы на запад, на юг, на восток…

Россия твердит о мире, прикрываясь словами, сколачивая армию для будущей войны… Новый мост? По нему, быть может, пройдут на запад военные эшелоны, длинные железнодорожные платформы, на которых двинутся к границам ФРГ смертоносные ракеты… Нет, Веттер не обманывал. Он не говорил о России как о темной отсталой стране, где живут дикари и людоеды. А инструктор радиодела долговязый Ганс, хмурый, молчаливый человек, как-то раз сказал об этом. Но Ганс — бывший нацист. Возможно, он врал по злобе. Все-таки Россия вместе с Англией и Америкой победила в войне. Победила Гитлера… Ганс врал. Но Веттер… не врал… нет…

Часов в восемь, едва дождавшись, когда Эльвира Леоновна уйдет на службу, Владимир вышел на улицу.

Надо ехать к Сергею, в Южнокаменск. Завтра как раз условленный день встречи. От Сергея он услышит слова ободрения. И, может быть, исчезнет это гнетущее чувство, терзавшее его все последнее время.

На улицах, несмотря на ранний час, было оживленно. Люди торопились на работу. Мальчишки и девчонки в красных галстуках спешили в школу. Их звонкие голоса серебряными колокольчиками

вплетались в музыку пробудившегося города.

Мирный город, будничный и спокойный. Сколько раз приходилось Владимиру видеть в городках Западной Германии отряды юнцов, шагающих строем за молодчиком, точь-в-точь похожим на тех, каких он встречал мальчишкой в армии Гитлера, ворвавшейся в его родное село. Сколько раз по радио слышал он квакающие голоса, твердившие о коммунистической опасности, о том, что социализм надо уничтожить, пока он окончательно не окреп.

А здесь? Он тоже слушал радио. Никто не кричит, что надо уничтожить Запад.

И вот эти мальчишки и девчонки в красных галстуках… Они щебечут о дальних стройках, о путешествиях… Интересно, преподается ли у них в школе военное дело, стрельба, бывают ли «атомные тревоги», как в школах на Западе?..

Владимир нарочно убавил шаг и пошел следом за двумя мальчуганами, самозабвенно спорящими о чем-то.

— Алешка! Тоже — сказал! Алешка по прыжкам в длину на соревнованиях первое место занял. А что у него тройка по русскому, подумаешь — беда! Исправит.

Владимир невольно улыбнулся. Он тоже в дет-

стве хорошо прыгал в длину. И у него по русскому была тройка. Да и звали его так же —Алешкой…

— Все равно… Все равно… Лида сказала, что с двойками и тройками на спартакиаду никто не поедет.

— Вот ты и помоги. У тебя же по русскому пятерка.

Ребят и Владимира обогнала группа молодых людей, наверное, рабочих. Шпион услышал обрывок фразы:

— Ты, Петро, не сомневайся. Завтра же, как тебе вселяться, всем цехом пойдем и поможем внести вещи. А что седьмой этаж — пустяки. Встанем на каждой площадке — и порядок…

«Человек вселяется в новый дом», — догадался Владимир.

Стройки, стройки… Только сейчас он вспомнил, что всюду, мимо какой бы станции он ни проезжал, по какой бы улице ни проходил, везде возводились дома, двигались краны, росли кирпичные стены… Неужели Россия так богата, чтобы строить столько домов и одновременно готовиться к войне? На Западе он видел строительства куда реже. Зато попадались то и дело полигоны, предостерегающие надписи: «Въезд запрещен — военная зона…»

«Для чего? Для чего? — стучало сердце. — Для чего он здесь?»

На другой день Владимир уехал в Южнокаменск. Пассажиров в вагоне поезда было немного. И, прислушиваясь к разговорам, Владимир понимал, что разговоры идут самые мирные. Люди озабочены своими домашними делами, работой…

«А может быть, Беттер врал? — мелькнула у него неясная догадка. — Может быть, он врал о том, что Россия готовится к войне?» Ему вдруг мучительно захотелось подсесть к какому-нибудь пассажиру и спросить об этом напрямик. Но он понимал, что не сделает этого.

Выполняя приказ полковника Телегина, старший лейтенант Соколов и младший лейтенант Дергачев, одетые в штатское, ежедневно дежурили на перроне вокзала в Южнокаменске. Рация закопана где-то в районе приземления. Следовательно, вражеским лазутчикам непременно придется бывать в городе.

На вокзал приходили также Мария Федоровна, Екатерина Павловна и колхозник Зайцев. Это были пока что единственные известные работникам госбезопасности люди, видевшие шпионов в лицо. Причем Зайцев и Синельникова видели

всех троих. Хотя эти помощники бывали на вокзале редко, Соколов и Дергачев были убеждены, что узнают вражеских агентов по приметам. Оба высокие. Один — светловолосый, румяный, с серыми глазами, другой — темный, скуластый… Были и другие, более подробные приметы.

Офицерам уже не раз приходилось встречать людей, приметы которых почти в точности совпадали со словесными портретами шпионов. Сколько было потрачено времени и труда, чтобы проверить, кто эти люди! Но всякий раз оказывалось, что заподозренный человек не тот, кого они ищут.

Оперативные работники медленно шли по платформе, дожидаясь поезда, который должен был подойти с минуты на минуту. Вот вдали, за поворотом, заклубился пар, а потом показался и паровоз. Он шел, замедляя ход, плавно и осторожно втягивая вагоны в тупик.

Все медленнее, медленнее ползли вагоны. Наконец сцепления лязгнули, поезд остановился.

На перрон стали выходить пассажиры. Вдруг Соколов потянул младшего лейтенанта за рукав. Дергачев кивнул. На платформе стоял высокий темноволосый человек с небольшим чемоданом в руке. Чуть выдававшиеся скулы, прямой тон-

кий нос, черные густые брови… Он? Ах, как жаль, что сегодня здесь нет ни Зайцева, ни Екатерины Павловны!..

Пассажир хмуро огляделся и в людском потоке двинулся к выходу в город. Соколов и Дергачев пошли за ним, держась на расстоянии.

Вдруг младший лейтенант остановился.

— Смотри, еще один такой же. Скуластый, темный…

Тот, кого увидел Дергачев, стоял на перроне, беспокойно оглядываясь по сторонам.

Соколов растерянно глядел то на этого нового пассажира, то вслед тому, который уходил все дальше к выходу. Который из них? Тот или этот?

— Я пойду за этим, — принял решение старший лейтенант, — а ты — за тем, первым…

Они сразу расстались.

Первый пассажир вышел в город и остановился на вокзальной площади. Так стоял он некоторое время, опустив голову, словно что-то вспоминая или обдумывая. Затем медленно двинулся по улице, читая вывески. Младший лейтенант пошел за ним.

Возле закусочной незнакомец остановился, прочитал вывешенное у входа меню, постоял, словно раздумывая, не зайти ли. Потом зашагал

дальше.

Из-за угла показался Соколов. В то время, проходя мимо еще одной закусочной, незнакомец вошел в дверь.

Дергачев забежал в магазин напротив. Сквозь стекло витрины удобно было наблюдать за тем, что делается на улице. Дверь закусочной тоже была видна хорошо. Старший лейтенант Соколов вошел в магазин следом за Дергачевым.

— Ну, как у тебя? — спросил младший лейтенант.

— Ошибка. Местный. Живет здесь, недалеко.

— Что же он так беспокойно оглядывался?

Кто его знает. Наверное, обещали встретить и не пришли. А у тебя что?

— В закусочной сидит. По-моему, надо проверить у него документы.

— Не торопись. Это успеется. Пошли.

— Куда?

— В закусочную. Куда же еще?!

— Но…

— Идем, идем.

К столику, за которым в ожидании официанта сидел Владимир, подошли, пошатываясь, Дергачев и Соколов.

— Сенечка! Вот свободный столик!.. Граждани-

ну мы не помешаем!.. Не помешаем? — обратился Соколов к посетителю, который сумрачно покосился на «подвыпивших» приятелей.

РАНРС

— Я уже рассчитался, — бросил Владимир и, взяв чемоданчик, заторопился к выходу.

— Быстро за милиционером, — шепнул старший лейтенант Дергачеву и, тот мгновенно исчез.

В комнате дежурного по отделению милиции на Владимира обрушился град вопросов. Он не успевал отвечать. Все случилось так неожиданно. Те двое пьяных… Они шли за ним… Что-то говорили… Предлагали пойти в кино… Потом откуда-то взялся милиционер. Всех троих отвели в милицию. С ним милиционер был вежлив, а с подгулявшими товарищами суров. Владимир, ничего не подозревая, отдал паспорт — паспорта потребовали и у тех двоих. Шпион не знал, что из соседней комнаты по телефону немедленно были наведены справки. Паспорт, предъявленный Владимиром милиционеру, тот, которым снабдили его хозяева, по номеру и серии числился выданным женщине.

И вот — вопросы. Целый дождь вопросов. Владимиру казалось, что над его головой вдруг заработал транспортер, который беспрерывно сыплет на него мокрый тяжелый песок… Но он не в силах отвечать. Словно во сне, он чувствовал, что его обыскивают. Словно во сне, видел, как

на стол дежурного кладут пачку денег, второй паспорт, пистолет, топографическую карту… Им вдруг овладело тупое равнодушие ко всему. Он молчал.

Сейчас же после отъезда Владимира Эльвира Леоновна села в автобус и через несколько часов была в Петровске. В то время, когда Соколов и Дергачев следили в Южнокаменске за Владимиром, она уже сидела перед полковником Телегиным.

— Так вы говорите, что дали гитлеровцам подписку по принуждению? — спросил полковник.

— Да, да… Мне было тогда всего пятнадцать лет…

Полковник внимательно читал лежавшую перед ним разорванную и склеенную фотокопию обязательства, подписанного Эльвирой. Она не сожгла его тогда и решила передать, куда следует.

— Всего пятнадцать лет… — с волнением повторила молодая женщина. — Переводчик Петерсон — он работал в комендатуре — все время грозил мне: или подпись на этом документе, или вывоз в Германию.

— Почему же вы сразу не сказали нам об этом?

— Я не придавала этому значения. Да меня после подписки и не беспокоили. Ни разу. А потом

немцев прогнали. Я думала, что все забылось. И только когда пришел этот… Валентин… Я поняла, что ничего не забыто. А теперь… Теперь он явился. Хочет, чтобы я его прописала как мужа…

— Вы говорили, что уже хотели прийти сюда.

— Да, когда он появился впервые.

— Что же вам помешало?

— Он ушел, и я видела, что он следит за домом… Я боялась его спугнуть… Но я тогда уже решила рассказать вам обо всем.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Он ушел сегодня утром.

Эльвира Леоновна с недоумением глядела на полковника. Каждое его слово, сказанное мягко, как бы по-дружески, прибавляло ей смелости, уверенности в том, что она поступила правильно, придя сюда. А сколько часов борьбы, сколько бессонных ночей стоил ей этот шаг!..

И Телегин, задавая вопросы, записывая ответы женщины, думал о том, что многих, многих людей вот так же покалечила война. Излюбленный метод иностранных разведок вербовать агентов почти всегда сводится к запугиванию, к нажиму, к угрозам. Ошибется человек, оступится — и хватай его, держи в постоянном страхе, угрожай разоблачением…

— Скажите, Эльвира Леоновна, — произнес он, — вы думаете, этот Валентин еще придет, вернется к вам?

— Думаю, что да. По тому, как он себя вел, я поняла: ему негде жить. А у меня — удобно. К тому же… — Она улыбнулась. — К тому же я держала себя с ним так, чтобы ничем его не напугать.

Глава семнадцатая
СОЗНАТЬСЯ ИЛИ МОЛЧАТЬ?

Занятые розысками вдали от города, Васильев и Кротов еще не вернулись в управление. Допросить задержанного было поручено Коротичу.

— Вам известно, какое наказание вас ожидает? — Этой фразой, сказанной со злостью, старший лейтенант начал допрос.

И первые же слова сразу оттолкнули от него Владимира. Он взглянул на следователя угрюмо.

— Мне неизвестно, за что меня надо наказывать.

— Мы знаем все. Назовите сообщников.

— Каких сообщников?

— Не валяйте дурака. А то... — Коротич сделал вид, что едва сдерживается, чтобы не ударить допрашиваемого. Владимир сжался. — У вас было оружие.

— Ну и что? Было.

Владимиру страстно хотелось жить. Но какой ценой может быть сохранена жизнь? Сознаться?.. Сразу вспомнились слова инструктора: «Сознание равносильно смерти...» Значит, молчать? Да, только молчать! Ведь у него при обыске нашли

только пачку денег, пару рубашек, перочинный нож… Да! Пистолет. Можно сказать, что нашел… Молчать, только молчать!..

— Откуда у вас оружие?

— Нашел.

— Нашел! Интересно — где же это?

Владимир молчал.

— Тебе не удастся отмолчаться. Я заставлю тебя говорить! Думаешь, ты у нас первый?

«Неужели Сергей и Николай тоже попались?» — подумал Владимир.

— Ты будешь говорить в конце концов? — закричал старший лейтенант, багровея и стуча по столу кулаком.

Владимир сжался, ожидая удара. Но в этот миг распахнулась дверь и в кабинет вошел полковник Телегин.

— Товарищ старший лейтенант, — едва сдерживая гнев, сказал он. — Распорядитесь, чтобы арестованного увели.

Владимира увели. И больше он никогда не видел своего первого следователя.

Всю ночь Владимир не мог уснуть. Шаги надзирателя за прочной дверью… Звяканье ключей… Где-то в трубе журчание воды. Эти едва различимые звуки, казалось, били в уши.

«Нет, молчание — это не выход, — думал Владимир. — Следователь прав — не отмолчаться. Но что же делать?..» Под утро пришло решение — запутать следствие, отвечать на все вопросы. Ответы пусть звучат как можно правдоподобнее, но на самом деле будут вымыслом. Все равно это вскроется на суде…

В кабинет следователя Владимир вошел осунувшимся после бессонной ночи. За столом сидел незнакомый человек, светловолосый, с высоким умным лбом и не по-мужски маленькими руками.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Кротов.

Голос его звучал мягко, глаза смотрели сочувственно.

— Я не спал всю ночь.

— Значит, у вас было достаточно времени, чтобы подумать, — улыбнулся Кротов.

— Да я и в самом деле думал.

— Ну и что же?

— Я решил говорить правду.

Кротов пристально взглянул на арестованного.

— Правду? Это хорошо. Правдивое признание облегчит вашу участь. — Капитан подвинул к себе бланк протокола допроса, обмакнул перо в чернильницу, посмотрел на его кончик. — На-

зовите людей, выброшенных вместе с вами на парашютах.

Владимир насторожился. «Значит, все-таки нас заметили. А по рации сообщили, что летчики не обнаружили ничего подозрительного…»

— В своей кабине в самолете я был один.

— О какой кабине вы говорите?

— В самолете было несколько кабин. Брезентом разгорожено.

— А в других кабинах кто-нибудь был?

— Мне это неизвестно… У меня было свое задание.

— Какое?

— Любыми средствами приобрести подлинный советский паспорт. Я это задание выполнил. Купил паспорт у какого-то парня в пивной.

Владимир замолчал и отвернулся к окну. Но, глядя на плывшие по небу облака, он чувствовал на себе внимательный, испытующий взгляд следователя.

Кротов встал, вышел из-за стола, медленно несколько раз прошелся по ковровой дорожке. Ему было ясно, что арестованный не хочет выдавать сообщников. Потребуется еще много усилий, чтобы добиться правды. А время не ждет. Один из шпионов еще не обезврежен. Каждый затянув-

шийся день розыска может стоить жертв.

Подойдя к двери, Кротов приоткрыл ее и что-то тихо сказал. В кабинет внесли вещи, найденные в лесу: сапоги, котелок, десантные сумки. Владимир оторопел.

— Вы обещали говорить правду, — сказал Кротов.

Арестованный смутился и опустил голову.

Кротов знал, что сейчас в душе этого темноволосого скуластого парня происходит перелом. Сапоги, сумки — все это уличало его во лжи. И, чтобы дать ему понять, что лживые ответы его же самого завели в тупик, капитан открыл ящик стола, достал конверт, вытащил из него фотографию отравившегося в лесу человека и подал ее Владимиру.

— А этот был с вами?

С карточки, словно привидение, глядел на него Николай. Все закружилось перед глазами. В ушах зазвенело. И ему показалось, будто сквозь этот звон зловещим гулом вплывает голос инструктора Джона: «Сознание на допросе не избавит от мученической смерти...» Постепенно этот гул утих. Стены перед глазами перестали кружиться. Да, скрываться больше невозможно. Он уличен, прижат...

— Да, — тихо ответил Владимир. — Он тоже был сброшен на парашюте вместе со мной. Это Николай.

Каждый день Владимира водили на допрос. Медленно, робко, словно он шел по зыбкой трясине, Владимир подходил к раскаянию. В его ответах следователю с каждым днем было все больше правды.

Кротов был терпелив. Он пользовался любым случаем, чтобы уверить молодого человека, что для него еще не все кончено, что путь к честной жизни перед ним не закрыт. И, наконец, Владимир рассказал все.

— Вы сказали, что ваших сообщников зовут Николай и Сергей. Николай — этот. — Кротов указал на фотокарточку отравившегося в лесу человека. — Что вы знаете о них?

— Почти ничего. Очень немного. Мы только учились вместе.

— Они не рассказывали вам ничего о себе?

— Тоже очень немного. Николай служил в полку «Десна». Это я знаю. Сергей уже получал задания от разведки раньше. Он как-то хвастался — еще там, в Баварии, что попортил много крови русским. Действовал он в Новой Зеландии.

Выступал по радио с антисоветскими речами, в порту подбрасывал листовки на советские суда… Говорил, что жил припеваючи…

— Как у вас осуществлялась связь?

— Мы договорились, что будем встречаться в условленное время на рынке в Южнокаменске.

— Можете показать на карте, где закопаны ваши рации?

— Да. Вот здесь. А тут — тайник. Это дупло. Наш «почтовый ящик». На всякий случай.

Если раньше часы, проведенные Владимиром в кабинете следователя, казались ему бесконечными, то теперь минуты мчались стремительно. Он говорил захлебываясь. Торопился, рассказывая о том, как их троих обучали на даче в Баварии, как в назначенный день переправили из Баварии в Грецию, а с греческого аэродрома в самолете без опознавательных знаков послали к границам Советского Союза. Он рассказал, ничего не утаивая, все, что происходило с ним и его сообщниками с того дня, когда они приземлились в лесу, и до того дня, когда расстались. Да, он решил сначала легализоваться в Советской стране, чтобы затем начать свою преступную деятельность — сообщать по радио за границу о замеченных им аэродромах, воинских частях, выведывать

настроения граждан, добывать документы…

А в часы одиночества, которое теперь ему казалось невыносимым, он с ненавистью вспоминал о Беттере, об инструкторе Джоне, о долговязом Гансе, о тупоголовом Майке — «Нокауте». Не раз вспоминались ему слова следователя, сказанные во время одного из допросов: «Тем людям, которые послали вас сюда, нет никакого дела до вас и до ваших сообщников. Их не волнует ваша участь, ваша судьба…» Да, судьбы Сергея, Николая, его собственная их не волновали.

Снова и снова вставало перед его взором родное лицо матери, и голос ее звучал у него в ушах: «Теперь со светом живем…» Да, весь Советский Союз был озарен этим счастливым светом. А он, Сергей, Николай — они все трое, подстрекаемые Веттером, полковником Шиллом, «Нокаутом», Гансом, Джоном, — они хотели, чтобы этот свет погас.

Ему казались смешными одолевавшие его когда-то мысли о том, что жизнь кончена, прожита без толку. Нет, нет! Жизнь только начинается! И как легко было у него на душе оттого, что она только начиналась.

Владимир изо всех сил хотел теперь помочь работникам Комитета госбезопасности разыс-

кать Сергея. Он не знал, что за это время успел натворить его сообщник. У Сергея было какое-то задание, переданное ему по радио. Сергей сам говорил ему об этом во время последней встречи. Владимир вспомнил число, когда Сергей сказал ему, что завтра — решающий день. И Кротов отметил, что «решающий день» был тем самым днем, когда на Ивана Боярышникова было совершено нападение в лесу. Пропавший пропуск. Ясно — его похитил Сергей. Владимир указал день и час, когда должна была состояться его следующая встреча с Сергеем. И в своем календаре полковник Телегин два раза подчеркнул это число красным карандашом.

Глава восемнадцатая
В ПОИСКАХ СООБЩНИКОВ

В тот день, когда арестовали Владимира, Сергей тщетно прождал его на рынке. Обозленный, он шагал по улице к вокзалу. Ну, Володька! Загулял!.. Забыл условие!.. «А вдруг взяли?» — мелькнула тревожная догадка.

Сергею стало жарко. «Да нет же, — успокаивал он себя. — Володька осторожен. А если бы взяли, то схватили бы меня тоже — я ведь битых три часа проторчал на рынке. Есть время, чтобы под пыткой все выведать и прийти за мной...»

И все же тревожные мысли не давали ему покоя. Не доходя до вокзала, он свернул в боковую улочку. Надо было на всякий случай обезопасить себя и снова перепрятать рацию Владимира. «Пусть лежит вместе с моими вещами, — решил шпион. — И место близко, и у меня, в случае чего, будет запасная. А если Володька снова не придет, то пусть меня поищет сам: без рации-то ему не обойтись».

Сергей выкопал из тайника свою рацию, спрятал ее в портфель, а в яму поверх вещей положил рацию Владимира и вновь закопал. Затем вы-

брался из леса и зашагал к маленькой станции километрах в пяти от Южнокаменска.

Путь Сергея лежал в небольшой городок Серебрянск; там, недалеко от города, в рабочем поселке когда-то жил его давнишний приятель, друг детства. Надо его навестить. Он может быть полезен…

Не доезжая до городка, Сергей сошел с поезда и в лесу, найдя укромное местечко, закопал рацию — в город с ней появляться опасно.

В серебрянской гостинице свободных мест не оказалось; полная, пожилая женщина за конторкой бесстрастно сообщила об этом Сергею. И в этот момент сзади послышался негромкий голос:

— Молодой человек, вам нужна комната?

Сергей кивнул, глядя на незнакомую даму, которая, очевидно, слышала его разговор с дежурным администратором.

— Я могу недорого сдать вам на время комнатку.

«Ну, не везет ли мне?» — радостно подумал шпион. Но он тотчас же насторожился. А что, если это какой-нибудь подвох? Впрочем, по тому, как себя держала незнакомка, было ясно, что ей не хочется, чтобы их разговор был подслушан кем-нибудь посторонним.

— Я всегда сдаю комнату приезжим, — шепотом заверила женщина, заметив, что молодой человек колеблется.

И Сергей снова кивнул, на этот раз уже решительно.

Они вышли из гостиницы. Тихая улица погружалась в вечерние сумерки. «Если комната подходящая, — думал Сергей, шагая следом за женщиной, — перенесу туда рацию».

— Вот и мой дом, — сказала женщина, останавливаясь. — Как видите, совсем близко.

Она пропустила Сергея вперед и закрыла калитку.

Комната оказалась небольшой, но уютной. Ничего подозрительного. На стенах — фотографии. Очевидно, родственники. А вот какой-то парень в военной форме. Не работник ли НКВД?

— Это мой сын, — сказала хозяйка. — Не вернулся с войны, — добавила она чуть слышно.

— Ничего, еще, может быть, вернется, — сказал Сергей, чтобы хоть что-то сказать.

Она покачала головой.

Сергею во что бы то ни стало надо было разыскать Бориса — так звали его приятеля. Борис Быков… Они подружились в Крыму — Боря с родителями приезжал как-то туда отдыхать. А

потом и Сергей приезжал в гости к Борису. Его отца, кажется, звали Василием. Василием Герасимовичем… Ну да. А мать? Нет, имени и отчества матери Бориса он не помнил.

Дня через два Сергей зашел в магазин спортивных товаров. Он решил купить велосипед. На велосипеде ездить удобнее, чем на попутных машинах. Меньше риска. У многих местных жителей есть велосипеды.

— Вот хорошая машина! — Продавец вытащил из стоявших в ряд велосипедов один и поставил его перед покупателем. — Легка, в дороге надежна.

Велосипед и правда был хорош — Сергей тотчас же понял это. Но он был окрашен в синий цвет, а Сергею нужен был зеленый — ведь машину иногда придется прятать в лесу…

— Я куплю, — сказал он. — Только дайте мне зеленый.

— К сожалению, зеленых нет.

Кто-то дернул его за рукав:

— Дяденька…

Сергей обернулся. Перед ним стоял паренек лет пятнадцати.

— Дяденька, я продам зеленый. Прямо с номером… — зашептал он.

Шпион в один миг понял всю выгоду от такой покупки. Во-первых, мальчишка продаст велосипед, конечно, дешевле, чем в магазине. А потом — номер…

— А где твой велосипед? — спросил Сергей.

— Дома. Тут рядом. Я сейчас. Вы на улице подождите…

Они вышли, и паренек моментально юркнул в какую-то калитку. Вскоре он показался, толкая перед собой велосипед.

— Э, да это какая-то старая развалина, — сказал Сергей, хотя велосипед был почти совсем новый.

— Что вы, — обиженно возразил паренек. — Только месяц как купили. Немного и ездил-то. Раза четыре. А что тут краска отколупнулась на раме, то вы не думайте — можно подкрасить.

— Ладно уж, так и быть, возьму. Сколько же ты просишь?

Паренек назвал сумму.

— Ого-го! Разорить меня хочешь?

Очевидно, подростку были нужны деньги. Он сбавил цену. Сергей поторговался еще немного и вытащил деньги.

— Ладно, бери. Купец.

Показываться с велосипедом у хозяйки комнаты Сергей считал ненужным. Он оставил машину

у заправщика на бензоколонке. А на следующее утро выехал в поселок, где когда-то жил Борис Быков.

Путь оказался дальним. И Сергей устал. Медленно проезжая по улочкам поселка, он старался вспомнить, где стоит дом, в котором жил Борис. Поселок казался ему совершенно незнакомым. Очевидно, был разрушен во время войны, а теперь отстроен заново.

Целый день проблуждал он по поселку, но дома, который был ему так нужен, не нашел. Домой вернулся поздно, угрюмый, разбитый…

Сообщники, сообщники!.. Они были необходимы Сергею. Действовать в одиночку было невозможно. Он жалел, что расстался с Николаем и Владимиром. Но в то же время приказ есть приказ. А им приказали разъехаться.

«Володька, гад! — мысленно ругался он. — Не явился на встречу!.. А что, если все-таки…»

Но Сергей гнал от себя эти тревожные предположения. Он всеми силами старался успокоить себя. С Владимиром ничего страшного не произошло. Да и письмо, вероятно, не было отдано Марией Федоровной работникам контрразведки. Не похожа эта мирная старушка на такую, которая побежит доносить. А Клава? Хорошо бы

повидать и ее. Доверчивую девчонку даже можно было бы втянуть в его дела… Как и все женщины, она, конечно, любит наряды, дорогие безделушки, духи… Что, если написать ей письмо? На адрес Марии Федоровны!

Но если Мария Федоровна все же отнесла письмо в контрразведку? Впрочем, Беттер уверял, что их рецепт таблеток для тайнописи распознать невозможно.

Так, борясь с самим собой, Сергей проводил дни. Впрочем, эти дни не прошли без пользы.

В доме напротив жил молодой парень. Это был типичный бездельник со слабовольным лицом, хилый телом и нетвердый сердцем. Внимательно приглядываясь к нему, умело расспрашивая о нем хозяйку, Сергей сумел сделать свои выводы. Звали соседа Леонидом.

Как-то раз Леонид зашел к Нине Григорьевне — так звали квартирную хозяйку Сергея — и попросил у нее взаймы тридцать рублей.

— До завтра, Нина Григорьевна, — просительно уверял парень. — Очень нужно…

— Простите, Леня, — твердо сказала хозяйка, — но денег я вам не дам. Я вам давала две недели назад тридцать рублей, и вы мне их не вернули.

— Я верну все, честное слово… Последний раз,

поверьте…

Однако ему пришлось уйти ни с чем.

Этот визит повторился снова через день. Только на этот раз хозяйки не было дома. И Сергей понял, что Леонид знал об этом.

— Ах, ее нет… — с деланным разочарованием проговорил он. — Как жаль…

— Я мог бы ей передать то, что вы хотели, — сказал Сергей.

— Нет, нет, пустяки… Я хотел… Я хотел попросить у нее взаймы. Знаете ли, получка послезавтра. Всего тридцатку…

«Однако, у него норма, — весело подумал Сергей, и его тут же осенило. — Да ведь вот он, сообщник, сам лезет в руки».

— Если у вас такая нужда, я могу вам помочь! — с радушной готовностью воскликнул он. — До послезавтра недолго. А я все равно в командировке. Вот, возьмите.

— Н-но здесь пятьдесят.

— Какие пустяки! Мельче у меня нет. Берите пятьдесят. Да, может быть, надо больше?

В глазах Леонида вспыхнули жадные огоньки:

— Что вы… Больше не надо… Хватит и этого.

Сергей был убежден, что Леонид долга не вернет. Да ему это было и не нужно.

— Да, кстати! — воскликнул он. — Я ведь здесь живу, как бирюк. Никаких развлечений. Может быть, вы вечерком составите мне компанию? Есть лишние деньжишки… — Сергей показал парню две сотенные бумажки. — Можно неплохо провести время…

— Вы, наверное, из столицы, — сказал Леонид, поморщившись и всем своим видом показывая, в какую дыру занесло его неожиданного благодетеля. — Тут у нас и есть-то всего-навсего два ресторана — на вокзале и при гостинице.

— Ну что же! В гостиницу и пойдем!

В тот же вечер «дружба» была закреплена. Сергей не позволил Леониду истратить ни копейки, за все платил сам и, притворяясь захмелевшим, выведал все, что было нужно: Леонид нигде не работал. Очень хочет устроиться, но «в нашей дыре, сами понимаете…»

На другой вечер повторилось то же самое. И с каждым днем слабовольный Леонид все больше и больше поддавался влиянию своего нового знакомого. Он в нем уже души не чаял. Тем более, что Сергей щедро снабжал его деньгами и не упоминал о долге.

Осторожно, исподволь Сергей выпытывал настроения болтливого Леонида и, к его удовле-

творению, всякий раз поддакивал ему. Философия Леонида была проста — побольше бы платили и поменьше бы работать.

— Людям с вашими способностями, Леня, работать не обязательно, — сказал Сергей. Он оглянулся по сторонам и шепнул: — Вы думаете, деньги, которые я трачу, — заработанные?

Леонид мигом протрезвел.

— Ну, что вы! — расхохотался Сергей. — Не принимайте меня за вора или, еще того почище, за убийцу. Есть другие способы делать деньги. Много способов.

— Ка-каких?

— Видите ли, Ленечка. Воруют, убивают, грабят только люди темные… Ну, те, у кого в голове одна извилина и та прямая, как у лягушки…

Леонид засмеялся.

— Да, да. А у нас с вами есть чем пошевелить. Вот, например… Я узнаю, что какой-то инженер делает проект моста… М-м. И дело в шляпе.

— Про-проект?

— Ну да. Я фотографирую какой-нибудь мост. Ну, предположим, тот, ваш железнодорожный, через реку, потом делаю наброски чертежа и иду к этому инженеру. Происходит теплая встреча. Пардон, коллега! Вы, я слышал, украли мою идею.

Я строю мост точно по такому же принципу…

— А-а! И он дает вам деньги, чтобы вы молчали!

— Я же говорю, Ленечка, — у вас золотая голова. Так вот. Если у меня будет такой помощник, как вы, я буду иметь в день не двести рублей, а вдвое больше.

— И двести — мои!

— Ну, для начала хватит и сотни.

— Сто рублей в день!.. Три тысячи в месяц!.. — бормотал Леонид.

— Три тысячи в месяц, — подтвердил Сергей.

— А это не опасно?

— Опасно для меня. А вы — в стороне. Вы — только фотограф. Щелк — и все в порядке…

Всю дорогу до дома они «обсуждали» планы на будущее. Леонид видел это будущее, начертанное радужными красками.

— Щелк — и все в порядке… — повторял он, пошатываясь. — Щелк — и все… И двести рублей…

— Ну конечно!

Глава девятнадцатая
ЖИЗНЬ ЗА РОДИНУ

В комнату постучали, и Кротов приостановил допрос. Вошли младший лейтенант Дергачев и оперативный сотрудник, ездившие проверять тайник, указанный Владимиром, и искать закопанную рацию. Дергачев отозвал следователя в сторону и передал ему сверток. На оперативного сотрудника Владимир смотрел с явным любопытством.

— Почему вы на меня так смотрите? — спросил тот.

— Я вас узнал, — улыбнулся Владимир. — Вы у нас документы проверяли, в поезде… Мы здорово тогда испугались. Думали — накроют. Но все обошлось. После этого мы стали чувствовать себя увереннее — паспорта выдержали проверку.

Сотрудник смутился и покраснел. Он поспешил уйти. За ним вышел и Дергачев. Кротов развернул сверток.

— Кто положил в дупло эти гранаты?

— Мы с Николаем. Сергей свою оставил у себя. Сказал — еще пригодится.

После допроса Кротов пошел к начальнику.

Доложив о ходе следствия, он сказал, что Дергачев и оперативный работник Миронов рации в указанном месте не нашли.

— Кстати, товарищ полковник, оказывается, Миронов проверял документы в поезде как раз в тот момент, когда все шпионы были там.

— Да ну?

— Подследственный узнал Миронова и сказал ему об этом.

Телегин расхохотался:

— Представляю себе, какое у Миронова было лицо, когда он это услышал!..

— Да, посмотреть стоило, — рассмеялся и Кротов.

Полковник тотчас же стал серьезным.

— Вызовите ко мне Миронова и пришлите паспорт, который он проверял. Надо посмотреть, что здесь — действительно тонкая подделка или... Или отсутствие бдительности. А на поиски рации надо выехать вместе с вашим подследственным.

Небо заволакивало тяжелыми облаками. В открытую форточку врывался холодный сырой ветер. Соколов хмуро смотрел в окно.

— Ничего, плохая погода не помешает, — догадавшись о причине его озабоченности, весело сказал неунывающий Дергачев.

Вошел Кротов:

— Пора ехать, товарищи. Арестованный уже в машине.

— А мы уж готовы! — ответил Дергачев.

Владимир, нахохлившись, сидел в углу на заднем сиденье. Кротов, Дергачев и Соколов расселись, и машина выехала за ворота.

Замелькали дома, перекрестки, светофоры. Потом «Победа» выехала за город и покатила по шоссе.

Очень хотелось приехать на место до того, как начнется дождь. А небо все хмурилось, тучи ползли и ползли…

Вскоре дорога уперлась в предгорье. Впереди темной стеной стоял лес, взметнувшийся к вершинам гор. Дальше пошли пешком. Впереди — Владимир, за ним — остальные. Дергачев нес на плече лопату. Позади шел Кротов.

Изредка Владимир останавливался и оглядывался, пристально всматриваясь в кусты и деревья.

— Вот здесь, — произнес он наконец. — Здесь мы приземлились.

Он уверенно зашагал дальше. Остановился возле громадной ямы. Очевидно, здесь в дни боев разорвался снаряд. Из воронки поднималась буй-

ная поросль, уже увядающая, тронутая позолотой осени, словно огромный букет из огромной вазы.

— Тут закопаны парашюты.

Дергачев ловко спрыгнул в яму, разворошил ногой кучу мусора и извлек из-под него два парашюта и два защитных пробковых шлема. Соколов и Владимир взвалили находку на плечи, но Кротов сказал:

— Оставьте здесь. Возьмем на обратном пути. Только закопайте снова и заметьте место.

Находку опять закопали и двинулись дальше. Вот и знакомая поляна. Здесь они отдыхали втроем. Легко ориентируясь по приметам, запомнившимся ему, Владимир быстро отыскал свои вещи. Но людей, которых он вел, конечно, гораздо больше интересовала рация. Когда она будет найдена, ему окончательно поверят.

Он уверенно шел вперед, изредка останавливался, проверял ориентиры. Вот и знакомый овражек.

— Здесь, — сказал Владимир. — Здесь мы ее закопали.

Дергачев начал копать. Владимир нетерпеливо следил, как лоток лопаты вонзается в мокрую землю.

Но что это? Роет, роет, а рации нет!

Словно угадав мысли Владимира, Дергачев воткнул лопату в землю, выпрямился и вытер со лба пот.

— Фу, ну и глубоко же вы ее запрятали! — Он засмеялся. — Знали, что не самим придется выкапывать.

Все засмеялись. Владимир огляделся: не ошибся ли? Нет, место то самое — овражек, сосна, три камня… Сергей нарочно их положил, чтобы была примета.

«Сергей! А что, если он снова перепрятал рацию? Ведь я не пришел в условленный день на встречу!..»

Дергачев опять взялся за лопату.

— Не надо больше копать, — мрачно сказал Владимир. — Ее, наверно, Сергей перепрятал. Потому что я на явку не пришел… Но, может быть, она где-нибудь здесь, близко…

— А ну, товарищи, поищем, — сказал Кротов.

Двинулись сквозь чащу. Кротов шел рядом с Владимиром. Вдруг откуда-то справа раздался голос Дергачева:

— Товарищи, сюда!

Все кинулись на голос.

Оказывается, младший лейтенант нашел какую-то лямку с пряжкой. Ее передавали из рук

в руки.

— Это от сумки Сергея, — сказал Владимир. — Когда он ходил закапывать свои вещи, то нес их в этой сумке.

— Может быть, и вещи его где-нибудь тут, близко?

— Наверно. Только я не знаю где. Он прятал их тайком от нас. Каждый прятал тайком от других, — добавил Владимир.

Находка приободрила всех. Соколов повеселел. Суровое лицо Кротова тоже прояснилось. А неунывающий Дергачев звонко сказал:

— Найдем! Обязательно найдем!

Но поиски в этот день не дали никаких результатов. Долго ползали по мокрым кустам, скользким оврагам, и Кротов в конце концов сказал, что пора возвращаться.

К машине шли молча, усталые, грязные, промокшие. Владимир был угрюм. Не давала покоя мысль, что он навлек на себя подозрения в неискренности. Он шагал, не чувствуя усталости, голода, не замечая, что мокрая одежда прилипала к телу.

Усталый и мрачный, Владимир вернулся в камеру. Конечно, после этих безрезультатных поисков следователь перестанет верить ему. Он

вспоминал недоверчивые взгляды чекистов. Эти взгляды казались ему тяжелыми и недобрыми. «Что будет теперь со мной?..»

Но оставалась все-таки еще маленькая надежда. Ведь через два дня — встреча с Сергеем. Он сказал об этом следователю. Сергея схватят. Пусть он сам скажет, где спрятал рацию.

Сергей… Его схватят.

Владимира охватила злоба. Ну и пусть, пусть схватят! В конце концов, Сергей не то что Николай — у него семьи нет…

Чтобы оправдать себя в собственных глазах, Владимир старался вспомнить всевозможные мелкие детали, которые могли бы еще больше разжечь его неприязнь к Сергею. «Выскочка… На занятиях по джиу-джитсу с «Нокаутом» он всегда вылезал первым… Держался с ним и с Николаем высокомерно… Подумаешь, аристократ… А вещи!.. Закапывать их ушел в глушь, чтобы не видели… За жуликов, что ли, нас считал?..»

Неожиданно, словно озаренная вспышкой молнии, перед ним возникла картина. Туманный лес… Он лежит в траве… И рядом — осторожные шаги… Сквозь травинки он увидел Сергея. Тот огляделся, вытащил нож и сделал на дереве глубокую зарубку. Для чего он делал тогда зарубки?

Для чего? Ясно — отмечал место, где зарыты его вещи!..

Владимир вскочил и яростно забарабанил кулаками в железную дверь. «Глазок» приоткрылся.

— К следователю!.. — задыхаясь, крикнул арестованный. — Хочу сделать заявление!..

Утро выдалось ясное, погожее, словно солнце, осеннее и неяркое, спешило насладиться своей мимолетной властью над землей.

В лесу уже высыхала роса, когда Кротов, Дергачев и Соколов, сопровождавшие Владимира, шли к знакомой поляне — месту привала: она была выбрана исходным пунктом для поисков.

Владимир шел впереди. Заросли становились гуще с каждым шагом. Они вставали сплошной колючей стеной, цеплялись за одежду, словно пытались удержать человека от неразумных поступков…

Сначала Владимира раздражало это препятствие. Но постепенно шаги его делались все неувереннее. Где же это дерево с зарубкой? Где отметки Сергея?.. И, в конце концов, он даже был благодарен густым кустарникам, затруднявшим движение: все-таки его неуверенность хоть чем-то оправдывалась.

Наконец он остановился. Сердце стучало, как в

горячке. Владимиру показалось, что люди, остановившиеся тоже за его спиной, могут услышать этот предательский стук. Он поспешно запахнул телогрейку и застегнул ее на все пуговицы.

— Ну, что же? — спросил Кротов.

— Я… я сбился с дороги…

Они снова вернулись на поляну, откуда начали поиски. Владимир внимательно огляделся и выбрал новое направление. Но ему и его спутникам пришлось еще несколько раз возвращаться, пока, наконец, он не сообразил, что надо делать. В том месте, откуда он сквозь травинки видел Сергея, делавшего зарубки на дереве, Владимир быстро присел, потом лег на траву и стал озираться вокруг лежа. И отсюда, снизу, он увидел знакомое дерево.

Торопливо вскочив, он бросился вперед, раскинув руки, словно хотел обнять прямой высокий клен с глубоким, еще свежим поперечным надрезом на коре.

— Вот оно! Вот!..

Все приободрились. Владимир теперь был уверен, что вещи, зарытые сообщником, скоро будут найдены. Однако найти их оказалось не так-то просто. Заметка Сергея только облегчала ориентировку, но не указывала место тайника.

Тщетно прободрив вокруг клена с полчаса, Владимир беспомощно взглянул на Кротова. Тот зорко огляделся по сторонам.

— Давайте-ка вернемся к ориентиру.

Возвратились к клену. Здесь Кротов снова осмотрелся. Его внимание привлекли надломленные ветки. Он тщательно стал их изучать. Они были надломлены почти через равные промежутки, на одинаковой высоте и обращены верхушками в одну сторону. Листья сломленных веток засохли и пожелтели. Если приглядеться, то по ним можно было проследить линию, тянувшуюся вдоль едва заметной тропинки, вьющейся среди кустов. «Это не случайно», — подумал капитан и сказал Владимиру:

— Ну-ка, посмотрите!.. Видите желтую полосу?

— Вижу, — кивнул Владимир. — Да это же заметки Сергея! Сломанные ветки. Он всегда так делал на практических занятиях в лесу!..

Желтая линия привела искателей к небольшому, густо заросшему овражку. Все гуськом спустились в него, и Кротов внимательно осмотрел кустарник. Надломленных веток больше не было. Не нашли их чекисты и на другой стороне оврага.

— Очевидно, где-то здесь, — сказал Кротов.

Стали лазить по кустам, разгребая руками сырые листья, забираясь в самую гущу колючих кустарников.

Взбираясь по откосу, Кротов обратил внимание на какие-то тонкие темные волоски, прилипшие к ветке ольхи. Он достал из кармана лупу и стал их разглядывать. Это были текстильные волокна.

— Какого цвета был костюм на Сергее? — спросил он Владимира.

— Темно-синий костюм. В полоску... — Владимир не понял, почему капитан спросил его об этом.

— Прекрасно, — кивнул Кротов. — А ну-ка, товарищ Дергачев, дайте щуп.

Длинный тонкий стержень, мягко шурша, глубоко ушел во влажную землю. Еще и еще настойчиво прощупывал почву капитан. В одном месте щуп шел особенно легко и вскоре на что-то наткнулся.

— Тут что-то есть, — сказал капитан. — Копайте, товарищ Дергачев.

Лопата вонзилась в землю. Пласт за пластом подавалась рыхлая, пропитанная дождем земля.

— Стоп! — скомандовал Кротов.

Он наклонился над ямой, подергал и вытащил

перевязанный крест-накрест парашютной стропой сверток.

— Моя рация! — закричал Владимир. — Вот он куда ее запрятал.

Кротов снова нагнулся, откинул в сторону две-три пригоршни земли и стал вынимать из ямы другой сверток. Вдруг что-то зашипело, сверкнула желтая вспышка, раздался глухой взрыв.

Никто не понял, что же произошло. И, только увидев Кротова лежащим на траве с запрокинутой головой, все бросились к нему.

Широко раскрытые глаза капитана смотрели на вершины деревьев. Изо рта струйкой стекала кровь.

— Товарищ капитан! — срывающимся тонким голосом воскликнул Дергачев. — Товарищ…

Капитан Кротов был мертв.

Глава двадцатая
НЕ УСПЕЛИ

Смерть Кротова потрясла всех. В управлении тягостная тишина. Сотрудники, проходя по коридорам, даже ступали как-то очень тихо. Полковник Телегин заметно осунулся, стал неразговорчив, часто задумывался. Капитан был его любимым учеником. Из всех работников управления полковник считал Кротова и Васильева самыми способными, настоящими прирожденными чекистами.

Как глупо, как нелепо обрывается человеческая жизнь! Как отвратительна смерть, даже если эта жизнь отдана во имя счастья и спокойствия Родины!..

Но надо было работать, действовать. И полковник, подавляя в себе горечь, работал, работал. Он готовился к предстоящей встрече Сергея и Владимира.

Чекисты заранее изучили место этой встречи, наметили, где будут расставлены секретные посты наблюдения. Все было рассчитано на то, чтобы каждый мог поддержать товарища, если шпион окажет вооруженное сопротивление, не

допустить жертв.

После трагической гибели Кротова следствие по делу №93 полковник Телегин поручил вести майору Васильеву. Он же должен был руководить предстоящей операцией.

С группой оперативных сотрудников майор укрылся в засаде в скверике у рыночной площади. Дергачев с товарищами дежурил на перроне. Этой группе было поручено сопровождать шпиона от вокзала до рынка, предупредить засаду и присоединиться к оперативникам Васильева, чтобы общими силами захватить врага. Если же Сергей, приехав в Южнокаменск, по какой-то причине не пойдет на рынок, а вздумает повернуть назад, скрыться, — сотрудники, находящиеся на вокзале, должны были захватить его.

И вот запыхавшийся паровоз темной горячей громадой прополз мимо платформы, обдавая жарким дыханием людей на перроне. Он остановился, и пассажиры сразу заполнили небольшую платформу. Раздались первые радостные восклицания, первые поцелуи…

Среди шумящего, толкающегося водоворота расхаживали по платформе одетые в штатское оперативные сотрудники с букетами в руках. В конце перрона, ближе к выходу в город, волнуясь,

стояла Екатерина Павловна. Она должна была опознать шпиона, помочь сотрудникам, никогда не видевшим того, кого им надо было задержать.

Шумным потоком публика двинулась к выходу. Но, как ни зорки были оперативники, того, кто был им нужен, они не видели.

И вдруг, перешагнув через большой узел, на площадке вагона показался пассажир. Дергачев замер. «Он!» Незаметно для посторонних он кивком головы указал на него своему товарищу и подал условный сигнал другим сотрудникам, чтобы те предупредили Екатерину Павловну.

Около выхода в город еще был затор. Толпа двигалась медленно. Но пассажир, высокий розоволицый парень, бесцеремонно расталкивал всех, стараясь поскорее выбраться в город.

Екатерина Павловна, затертая толпой, замешкалась и увидела парня, когда тот уже вышел на площадь.

— Это он, — шепнула она Дергачеву.

Васильев был немедленно извещен. Люди в сквере приготовились.

А тем временем Дергачев и Екатерина Павловна продолжали следить за пассажиром. Дежурившая на площади оперативная машина, двинувшись, как бы случайно преградила ему

дорогу. Он остановился и оглянулся.

Екатерина Павловна, увидев наконец его лицо, сразу замедлила шаг, побледнела и тревожно взглянула на младшего лейтенанта.

— Не тот… — упавшим голосом произнесла она. — Я ошиблась…

— Как — не тот? — остановившись, спросил пораженный Дергачев.

— Не он… Другой…

— Вот обида! — Младший лейтенант резко махнул рукой. — Ездят тут всякие!..

Они вернулись на перрон. Там уже никого не было.

…— Что же вы, гражданин! Живете без прописки, на частной квартире… Для приезжих в городе есть гостиница.

Участковый уполномоченный, старший лейтенант милиции, встретив Сергея во дворе, бегло просмотрел его паспорт и продолжал сурово отчитывать:

— Если прибыли в командировку, все равно надо прописаться. Даже если в гостинице и нет мест. А так — что же получается? Непорядок, гражданин…

Сергей терпеливо выслушал нотацию, кивая головой.

— Я… я пропишусь, непременно пропишусь. Сегодня же перееду в гостиницу. Мне обещали место… Знаете, дела, всё дела…

Участковый уполномоченный ушел, еще раз строго предупредив, что прописаться необходимо.

Не успел Сергей, сильно обеспокоенный этим разговором, войти в дом, как прибежал Леонид.

— Все в порядке, — объявил он. — Целую пленку нащелкал. Мост во всех видах. Чтобы для чертежей удобнее. — Он посмотрел на Сергея с тревогой. — Вы думаете, ваш инженер даст деньги?

— Еще бы! Конечно, даст! И вот вам, Лёнечка, в виде аванса.

Сергей старался казаться веселым и беспечным. Но из головы у него не выходила встреча с участковым уполномоченным. «Почему милиционер остановил именно меня, а не какого-нибудь другого прохожего? Вероятно, я примелькался… А может быть, дворник донес?»

Сергей вспомнил, что дворник несколько раз видел его вместе с Леонидом.

«Ну, ясно, дворник… А может быть, слежка? Нет, надо удирать. Пора, пора…»

Словно сквозь ватные тампоны, заложенные

в уши, он слышал болтовню Леонида. Да, надо уезжать. А жаль. Сообщник попался глупый, но исполнительный. Он во многом мог бы помочь…

«Пора, пора, — с настойчивостью часового маятника стучало в висках у Сергея. — Надо известить шефов, что Владимир не явился на встречу…»

На очередную обусловленную явку Сергей не ездил — боялся попасть в засаду. Но у тайника, где закопаны его вещи и рация Владимира, засады быть не могло. Ведь место тайника Владимиру неизвестно. А раскопать тайник Сергею было необходимо. Там деньги. А их у него оставалось уже мало. Да, надо ехать. Но сначала нужно дать радиограмму. Пусть скажут, что делать…

К вечеру решение созрело твердо. Сергей запер-ся в своей комнате, развернул карту и определил по ней место, откуда удобнее и безопаснее всего можно было вести передачу. В Южнокаменск он поедет на велосипеде. А по пути выкопает свою рацию. На велосипеде к ней не подъехать. «Спрячу его в кустах у железнодорожной насыпи, место там подходящее».

Дождавшись темноты, Сергей вышел из дому, дошел до бензоколонки, взял там велосипед и покатил по ровной дороге на запад, к Южнокаменску.

После смерти капитана Кротова Владимир совсем пал духом. Теперь-то, уж конечно, никто не поверит ни одному его слову. Могут даже подумать, будто он нарочно не сказал, что в тайнике Сергея лежит граната. Единственное, что могло его спасти, — это арест Сергея. Он страстно желал сейчас, чтобы Сергей был пойман. «Поймают, конечно, поймают, — успокаивал он себя. — Ведь число, и час, и место встречи им известны…»

Он считал дни. И вот наступил день встречи.

В условный час Владимир так волновался, что не притронулся к обеду, который принесли ему в камеру. Он угрюмо ходил из угла в угол, с надеждой прислушиваясь, не раздадутся ли у двери шаги, не вызовут ли его к следователю. К следователю!.. Это, конечно, будет новый следователь. Может быть, опять тот, который допрашивал его первый раз. И снова он вспоминал капитана Кротова, в ушах его звучал ободряющий спокойный голос. Капитан был единственным человеком, кто верил ему, кто мог бы защитить его, замолвить словечко, если приговорят к расстрелу…

К расстрелу!.. Волосы шевелились на голове у арестованного, когда он думал о близкой смерти.

День склонился к вечеру. За маленьким решетчатым окошечком стало темно. «Взяли или не

взяли?» — неотвязно сверлило в мозгу.

В коридоре за дверью не слышалось никаких шагов. А Владимир все ходил из угла в угол, стараясь ступать как можно тише.

— Товарищ полковник, вчера мы получили сообщение из Серебрянска. У одной женщины на частной квартире поселился гражданин. Живет без прописки. По документам — командировочный. Нам удалось достать его фотографию. Вот видите — это он. Стои́т среди болельщиков дворового футбола. И с ним его новый приятель — Леонид Кропальский. Человек без определенных занятий. Взгляните. По-моему, кое в чем этот командировочный похож по приметам на того, третьего…

Майор Васильев стоял перед начальником управления, как всегда подтянутый, сосредоточенный, и только чуточку был взволнован.

— Эту фотографию надо немедленно показать Марии Федоровне Синельниковой, Зайцеву и Владимиру, — приказал полковник, разглядывая изображение плотного плечистого парня с чубом светлых волос. — Не забудьте также показать ее товарищу Боярышникову. Кстати, как его здоровье?

— Поправляется. Но… Товарищ полковник,

ведь Иван Боярышников не знает, кто напал на него в лесу.

— А вот, может быть, нам и удастся это узнать. Непременно покажите ему карточку.

Мария Федоровна, приглашенная в управление в тот же день, без труда узнала в белокуром парне своего постояльца-«студента».

— Да, это он, Виктор…

Узнала парня и Екатерина Павловна. Она подтвердила, что изображенный на карточке человек был среди тех троих клиентов, которые ночевали в гостинице без прописки.

— Это Сергей, — сказал Владимир, когда Васильев показал фотографию ему.

В больницу к Ивану Боярышникову майор послал Соколова.

— Взгляните, товарищ Боярышников, вам незнаком этот человек? — сказал Соколов, присев возле койки больного.

— Да, знаком, — кивнул головой Иван. — Валерием его звать. Мы с ним в закусочной познакомились.

Сомнений больше не оставалось. «Сергей», «Валерий» и «Виктор» был тем самым третьим шпионом, которого разыскивали сейчас органы безопасности.

Как только Соколов вернулся из больницы, Васильев немедленно вызвал оперативную машину.

— Едем в Серебрянск, — сказал он Соколову. — Сообщите младшему лейтенанту Дергачеву, он поедет с нами.

Железнодорожный обходчик Игнат Степанович Гайтыня, обходя ночью свой участок, нашел в кустах недалеко от поста «27-й километр» спрятанный в кустах зеленый велосипед. О находке из железнодорожного отделения милиции по телефону немедленно сообщили Телегину.

— Велосипед необходимо возвратить на то место, где он был найден, — сказал полковник. — Пусть так и лежит. И организуйте охрану. Мы скоро приедем.

— Будет исполнено! — заверил в трубке басовитый голос.

Поднявшись из ложбин, по лесу полз туман, цеплялся за ветки, за колючий кустарник.

Пожилой сторож постукал себя ладонями по бедрам; чтобы согреться, поплотнее запахнул тяжелый бараний тулуп.

Вдруг с дороги кто-то прыгнул в кусты и сейчас же зашуршали торопливые шаги. Неожиданно перед сторожем выросла фигура человека в

светлом непромокаемом плаще, в кепке, с туго набитым портфелем. Не успел старик сообразить, в чем дело, как незнакомец быстро нагнулся к велосипеду.

— Эй, эй, парень! Не трожь, не озоруй! — закричал сторож. — Не велено брать!..

Незнакомец присел, испуганно оглянулся, схватил велосипед и так шарахнулся в сторону, что затрещали кусты.

Еле нащупав трясущимися пальцами свисток, сторож наконец вытащил его и изо всех сил засвистел. Послышался хруст веток. К нему бежали милиционеры, возглавляемые Дергачевым.

Когда младший лейтенант узнал, в чем дело, он чуть не набросился на сторожа с кулаками.

— Ты почему же не преследовал?

— Да что ж по ушлому-то гоняться? По ушлому не гонят, — твердил сторож, трясясь, как в ознобе.

— Опять не успели, — покусывая губы, выдавил Дергачев. — Теперь уж засада не нужна. — И он осветил фонарем кусты, в которых раньше лежал велосипед.

Только утром, когда начался рабочий день, удалось выяснить, что велосипед с номерным знаком «1683» принадлежит жителю Серебрян-

ска Вадиму Николаевичу Хворостову. Еще позже стало известно, что этот Вадим Николаевич — попросту Вадик Хворостов, ученик седьмого класса «А» 2-й средней школы города Серебрянска.

В комнату ввели вихрастого паренька в школьной форме. Он мял в руках фуражку и недоверчиво косился на старшего лейтенанта Соколова.

— Скажи, пожалуйста, Вадик, где твой велосипед?

— А я знаю? — буркнул паренек.

— Может быть, у тебя его украли?

Хворостов испуганно замигал:

— Не, не украли…

— А где же он?

Школьник уныло опустил голову:

— Я его продал…

— Ах, продал! Вот видишь. А мы чуть не обвинили человека в десяти смертных грехах. Думали, что он у тебя велосипед-то… того… увел.

— Что вы! Я ему продал. Честно! За деньги… Мне… мне на радиоприемник надо было…

— На какой приемник?

— «Минск». Чтобы все станции ловил.

— Ты что же, радио любишь слушать?

— Ага! Люблю… Весь мир слушать люблю…

— А что — это тот, кому ты велосипед продал,

посоветовал тебе приемник купить?

— Не! Я уж давно хотел. А этого дядьку я только в магазине и увидал. Он велосипед выбирал. «Дайте, говорит, зеленый». А зеленых нет. Ну я и говорю — давайте, мол, продам. И продал. Ух, и жила он! На сотню обманул. А велосипед почти что новый.

— Ну, а приемник ты купил?

— Нет еще. Двухсот рублей не хватает.

— Что же ты еще продашь?

— Ничего не продам. Накоплю.

Соколов достал из кармана фотокарточку.

— Посмотри-ка, Вадик. Может, узнаешь своего покупателя?

Паренек с любопытством взглянул.

— Вот этот! — без ошибки ткнул он пальцем в изображение чубатого рослого парня. — Этот и есть.

Старший лейтенант милиции, участковый уполномоченный, поздоровался с Ниной Григорьевной преувеличенно шумно и оживленно.

— Ну, как ваш жилец? Я пришел узнать насчет прописочки.

— Вы знаете, а ведь его нет, — сказала хозяйка.

— Как — нет?

— Уехал.

— В гостиницу переехал?

— Право, не могу вам сказать. Уехал вчера. Не попрощался даже.

— Вот как? — Старший лейтенант заволновался. — Да вы, может быть, знаете? Нельзя же так… Уехал!.. Может, все же накануне предупредил?..

— Нет, нет. Уехал без всякого предупреждения. — Нина Григорьевна вдруг встревожилась. — А что? Может быть, что-нибудь случилось?

— Да что вы! Я просто так, проверить пришел. Ну, уехал и уехал. Ничего не поделаешь. Видно, командировка кончилась.

На улице участковый уполномоченный огляделся и быстро шагнул в узкий проулок, где его ждали Соколов, Дергачев и Васильев.

— Нету, — растерянно и огорченно произнес он. — Удрал.

— Не успели… — выдавил сквозь зубы Соколов.

…— Говорю же вам… Не знаю я его совсем… Никогда раньше не видел…

Голос Леонида звучал жалобно. Он трусливо и заискивающе заглядывал в глаза участковому уполномоченному и время от времени бросал тревожные взгляды на высокого человека в штатском, который сидел в сторонке на стуле, молча слушая. Его пугал именно этот человек, а не стар-

ший лейтенант милиции. Кто он? Для чего сидит здесь и молчит?..

— На какие средства вы живете? — спросил работник милиции.

— У меня… у меня есть сбережения… Я… устраиваюсь на работу…

— А этот ваш приятель, командировочный, никаких денег вам не давал?

— Что вы! Какие деньги? Я ничего не знаю!..

И тут впервые заговорил человек в штатском:

— Скажите нам правду, гражданин Кропальский. Получали ли вы от этого человека какие-нибудь деньги? — Голос незнакомца звучал сурово. — Нам известно, что последнее время вы всегда бывали вместе. Нам известно, что вы вдвоем часто посещали рестораны. На какие средства? На ваши сбережения?

Леонид был так ошарашен, что сказал правду против воли:

— На его деньги…

Он вспомнил, что однажды, когда они возвращались из ресторана, их видел дворник, дядя Вася. И вдруг страшная догадка мелькнула в голове: этот командировочный — крупный вор, преступник… Он попался со своими махинациями… И его, Леонида, арестуют как соучастника…

Надо признаться во всем, надо признаться!.. Это облегчит его участь…

— Он давал мне деньги!.. — взвизгнул Леонид. — Давал!.. Но я не взял… Он хотел, чтобы я фотографировал мосты…

— Для чего?

— Он говорил, что за чертежи ему дадут много денег.

— Кто даст?

— Инженер, который строит новый мост… — Захлебываясь, сбиваясь и путаясь, растирая по лицу слезы, Леонид говорил: — Он сказал, что покажет чертежи инженеру… Он сделает вид, что инженер украл у него идею… И получит деньги… Чтобы молчал…

— И вы сделали снимки?

— Одну пленку… Только одну пленку…

— Где она?

— У него… Я ему отдал…

— Сколько он вам за это заплатил?

— Двести рублей… Только двести рублей… Они у меня. Я вам отдам…

Васильев взглянул на Леонида с омерзением и отвернулся.

— Произвести обыск.

Глава двадцать первая
ТРЕТИЙ

Перепрыгивая с кочки на кочку, Сергей протискивался сквозь цепкие заросли. В сумрачном сыром воздухе пахло прелью, грибами, сырыми опавшими листьями. Под ногами с хрустом ломался валежник, чавкала густая ржавая жижа. Набухшие грязные сапоги были тяжелыми, как чугунные гири. Небольшой сверток с батареями и портфель, в котором была портативная рация, казались чрезмерно тяжелыми.

Посреди болота торчал одинокий островок, поросший кустами и соснами. Здесь можно было остановиться. Сергей огляделся вокруг. Да, место хорошее. По болоту — не по дороге: бесшумно не подойдешь, не подкрадешься.

Шпион натаскал сухого валежника, положил на него сверток, присел, посмотрел на часы. Скоро можно начинать. Он достал из кармана аккуратно смотанный клубок мягкой проволоки, развесил по сучьям, распаковал рацию. Один конец проволоки воткнул в гнездо для антенны. Готово. Прислушался еще раз. Тихо. Одному работать опасно. Наденешь наушники — ничего

вокруг не слышно. Он вспомнил, как они с Николаем охраняли Владимира, когда тот передавал первое сообщение о благополучном прибытии. А тут попробуй-ка — в одиночку!..

Сергей еще раз взглянул на часы. Пора. Повернул выключатель. Раздался негромкий щелчок, и в трубках наушников сразу же засвистело. На какую-то секунду его охватил страх. До сих пор он пользовался только односторонней связью. Сейчас наступила пора самому выйти в эфир. Это было необходимо. Пропал Николай. Может быть, взят и Владимир. Он один. У него пленка, заснятая Леонидом, пропуск на секретный завод. Что делать с ними? Передать надо было много. А что, если во время передачи запеленгуют? «Сообщу обо всем...» — решил Сергей.

Сотни тысяч разных звуков, сигналов, позывных заполняли эфир. Но Сергей вскоре сквозь свист, треск и шипение уловил свои позывные. Рука дробно застучала по ключу. Точки и тире цепочкой помчались в пространство. Позывные прекратились. Его услышали и перешли на прием. Сергей начал передавать радиограмму. Но от волнения руки плохо повиновались. Его часто перебивали, требовали повторить. Он нервно шарил глазами по тексту, искал нужную группу

цифр и повторял.

Дверь в кабинет полковника Телегина резко, без стука распахнулась. На пороге стоял майор Васильев. Он был взволнован.

— Разрешите, товарищ полковник? — И не дожидаясь ответа, майор поспешно доложил: — В эфире запеленгована рация. Действует в квадрате четырнадцать.

Телегин быстро повернулся к карте. Тупой конец карандаша пополз по ней и остановился.

— Глухое выбрал место — сказал Васильев, подходя и глядя на карту. — Я этот район знаю. Кругом — первобытный лес, болото, непролазный кустарник…

— Непролазный, говорите? — Полковник рывком выдвинул ящик стола, достал пистолет, сунул его в карман. — Пролезем. Медлить нельзя. Машины. Оперативную группу. Собаку.

Работающая рация была обнаружена не случайно. С тех пор как иностранным самолетом была нарушена граница, за эфиром велось непрерывное наблюдение.

Машины мчались с предельной скоростью. Ведь если радист кончит передачу, его не найти в таком лесу — проскользнет, как гадюка. На ходу, из машины начальник управления поддерживал

связь по радиотелефону с пеленгаторным пунктом. Рация продолжала работать.

— Скорее, скорее! — торопил Телегин шофера, хотя тот и так выжимал полный газ. — Дорога́ каждая секунда, скорее!..

Доро́га становилась все хуже. Глубокие колеи, колдобины, провалы, вязкая торфяная грязь, вылезшие из земли уродливые корни — все мешало, задерживало, отнимало время...

— Скорее! Скорее!..

И вдруг с пеленгаторного пункта сообщили:

«Рация прекратила работу».

— Стоп!

Шофер резко затормозил. Задние колеса занесло по грязи. Следовавшие позади машины тоже остановились.

— Положение осложняется, товарищи, — сказал Телегин. — Главный ориентир исчез. Рация больше не работает. Шпион сейчас не сидит на месте. Он торопится уйти. Чтобы не выпустить его из леса, надо блокировать вот этот участок. — Полковник очертил на карте небольшой кружок, где предположительно мог находиться вражеский лазутчик. — Возьмите группу людей, товарищ Васильев, и сейчас же приступайте к операции.

«Жаль, что нет Кротова», — с горечью подумал он и чуть было не произнес это вслух. Впрочем, тотчас же овладев собой и нахмурившись, он закончил:

— Остальные поедут со мной.

Чекисты, возглавляемые Васильевым, рассыпались по кустам. Осторожно сжимая кольцо, они пробирались к центру оцепленного участка, не теряя из виду друг друга, готовые в любой миг прийти на помощь товарищу.

Группа, которую возглавил полковник Телегин, на машинах двинулась в объезд, чтобы перехватить шпиона на дороге, если ему удастся выскользнуть из окружения.

Сжимавшееся кольцо становилось все плотнее. Шпион должен быть где-то рядом. Продвигаться стали медленнее, осторожнее. В каждое мгновение из-за любого куста, из-за любого дерева мог грянуть выстрел.

Перед людьми, пробиравшимися по зарослям, неожиданно открылся небольшой сухой островок, поросший кустами и соснами. Мокрые свежие следы вели к его центру, туда, где кучей был настлан бурый валежник: Шпион был здесь. Совсем недавно. Может быть — только что…

— Собаку сюда! Собаку скорее! — передали по

цепочке распоряжение майора, и проводник с огромной овчаркой на поводке заспешил к обнаруженным следам.

Задыхаясь, хрипя от давившего ошейника, овчарка неистово рвалась вперед. Шпион был где-то очень близко. Проводник ослабил петлю на руке, удлиняя поводок. Проваливаясь в болото, оперативные работники бежали вслед за собакой.

Вскоре погоня вырвалась на открытое место. Около широко разросшегося придорожного куста следы обрывались. На влажном грунте дороги отчетливо была видна свежая рисунчатая бороздка — велосипедный след.

Собака беспокойно металась вокруг куста. Помятые, сломанные свежие ветки свидетельствовали о том, что велосипед был спрятан там, и шпион только что уехал на нем.

Машина, в которой ехал Телегин, а за ней и другая остановились у развилки. Шофер вопросительно взглянул на начальника. Полковник сосредоточенно изучал карту и молчал, соображая, какую дорогу избрать. Обе вели к нужному квадрату. Одна была короче, но грязна и запутанна. Та, которая длиннее, — получше.

«Вряд ли шпион изберет первую, — подумал Телегин. — Ему сейчас невыгодно задерживаться

в лесу». И он приказал шоферу ехать по второму проселку.

Далеко впереди показался человек на велосипеде.

— Надо проверить, — сказал полковник, кивком головы указывая на велосипедиста. — Он едет как раз оттуда, где действовала рация.

Чтобы отрезать путь к отступлению, решили «зажать» велосипедиста между двумя машинами. Первая, встретив его, не остановилась. Седок чуть повернул голову, взглянув на нее. Телегин успел заметить прикрепленный к раме туго набитый портфель, а на багажнике — сверток, похожий на буханку формового хлеба. Но главное, что приковало внимание полковника, — это был цвет велосипеда. Зеленый. И мелькнувшее за стеклом румяное лицо здоровяка велосипедиста тотчас же стало знакомым. Он, чубатый парень с фотографии!..

Телегин выскочил из машины и побежал за велосипедистом.

А тем временем Сергей юркнул за поворот и на всякий случай увеличил скорость. Вдруг перед ним выросла вторая машина. Она занимала всю ширину дороги и медленно двигалась навстречу, шурша по кустам кузовом.

На мгновение шпион опешил. Он резко затормозил. Но тут грязь занесла задние колеса машины в сторону. Между ней и кустами образовалась узкая полоса. Он снова нажал на педали. Но распахнувшаяся внезапно дверка загородила проезд. Плечистый мужчина встал на пути, предостерегающе подняв руку. Сергей оглянулся. Сзади бежали люди.

Ловушка! Сердце застучало звонко и часто. Сергей сделал вид, будто намерен остановиться, снял одну ногу с педали и, волоча носком сапога по земле, поехал на замедленном ходу. Приблизившись к машине, он прямо с велосипеда выстрелил в упор.

Раскатистое эхо прокатилось по лесу. Шофер за рулем обмяк и ткнулся лицом в баранку.

Крики, выстрелы заполнили молчаливый лес. Оставив велосипед, Сергей прыжками кинулся в чащу. Но наперерез ему уже бежали люди. Тогда, словно затравленный хищник, присев в кустах, он стал стрелять яростно, почти не целясь. Вдруг

он ощутил легкий толчок в плечо, словно крупный жук ударился с разлету. Сейчас же в том месте сильно стало жечь и вытянутая вперед рука безжизненно упала. «Ранен», — понял шпион, и ему стало страшно. Он попытался перехватить пистолет другой рукой, но расслабленные пальцы не повиновались. Пистолет тяжело шлепнулся в траву. Сильные руки схватили Сергея сзади, зажали, словно тисками, придавили к земле. Каблуком он ударил наугад, попал во что-то мягкое. На миг тиски ослабли. Сергей рванулся. Выхватил из-за пояса второй пистолет. В то же мгновение он получил удар под локоть. Пистолет вылетел из руки и сверкнул в воздухе серебряной рыбкой.

К борющемуся со шпионом оперативному сотруднику спешили на помощь чекисты из первой машины. Впереди полковник Телегин. На него-то и кинулся Сергей с финским ножом. Но полковнику не раз приходилось вступать в схватку с врагом — один на один, безоружному с вооруженным. Кисть руки шпиона с ножом была сдавлена сильной рукой полковника, а другой рукой Телегин ударил врага по шее. Сергей, как подкошенный, грузно повалился в куст, с треском ломая сучья.

Подбежавший лейтенант наступил на распла-

станную по земле руку. Пальцы разжались. Нож упал в траву. Теперь этот нож ни для кого не был опасен.

Глава двадцать вторая
ЗА ПЛОТНЫМИ ШТОРАМИ

Полковник Шилл не любил солнечного света. Ярким лучам солнца он предпочитал мягкое электрическое освещение. В его особняке на одной из тихих улиц города окна были всегда занавешены плотными шторами. Полковник называл это «мейк зе найт» — «делать ночь». Картины, висевшие по стенам в рабочем кабинете полковника, были заказаны художникам специально с таким расчетом, чтобы их краски оживали при искусственном освещении. Когда прислуга производила в кабинете уборку и шторы распахивались, картины выглядели неестественно ярко и крикливо.

К особняку с зашторенными окнами подкатила закрытая машина, и два человека, торопливо выскочив из нее, быстро вошли в дверь подъезда.

Двери комнат на хорошо смазанных петлях неслышно распахивались перед ними — полковник Шилл не терпел шума. Вот и последняя дверь, массивная, дубовая, украшенная резными завитушками.

Полковник поднялся из-за стола:

— Я жду вас, господа.

Круглоголовый лысый Веттер и худой, прямой, как жердь, представитель американской разведки в Западной Германии Лестер почтительно поклонились.

— Сергей наконец-то вышел в эфир, — сказал Лестер. — Вот текст его радиограммы. Только что получена.

Полковник нетерпеливо протянул руку, грузно опустился в кресло, принялся читать. Лестер и Беттер замерли, глядя на его редкие седые волосы.

Сколько раз уже полковник Шилл в нервном нетерпении тревожил их, торопил, требовал от агентов конкретных действий. И в особенности его бесило то, что ни Сергей, ни Владимир, ни Николай не выходят в эфир. От Сергея за все это время пришло только две открытки, а от Владимира и Николая вообще не было известий.

«Господин полковник, но ведь они действуют, — осторожно возражал Лестер. — Не так-то это легко — действовать в Советской России. Открытки от Сергея…»

«Открытки! — фыркнул полковник. — У них есть рации! И они должны этими рациями пользоваться. А что, если их уже схватили?»

«Эти люди надежны, — отвечал Лестер. — У них большие возможности легализоваться в России. А тогда они смогут действовать успешно…»

«Да поймите вы, Лестер! Мы не можем ждать! В современной обстановке верх возьмет тот, кто будет точно знать, что делается в лагере противника. Нам надо знать обо всем, что происходит в мире. А в особенности — за стенами Кремля. О том, что наши агенты будут пойманы и расстреляны, мы знаем заранее. Это нас не волнует. Наша задача — получить от них максимум сведений за то время, пока они на свободе. Даже если каждый выброшенный нами в России человек будет сообщать нам сведения в течение двух-трех месяцев, можно считать, что материальные затраты на их обучение, снаряжение и транспортировку окупились…»

«Я думаю, что они выжидают», — все-таки осмелился возразить тогда Лестер.

И вот наконец!.. Сергей откликнулся. Лестер оказался прав. Он действительно выжидал, прятался, пользовался односторонней связью… Жаль, что шефа не хватил тогда удар. Жаль, очень жаль. Поработал бы, как работает он, Лестер. Сколько труда положено, чтобы обучить таких вот болванов, как эти Николай, Сергей и Владимир!

Шилл дочитал радиограмму до конца и вопросительно взглянул на своих подчиненных.

— Ну и что? Есть фотопленки, есть пропуск на секретный завод… Но это все пока еще не в наших руках. Надо переправить все это сюда.

— Мы обдумываем это, господин полковник, — смиренно ответил Лестер. — Будем ждать новых сообщений. Наладим постоянную связь. Возможно, есть смысл одного из троих вернуть на время сюда с добытыми материалами.

— Чепуха! — Полковник энергично махнул рукой. — Нам слишком дорого стоило переправить их на ту сторону. Мы рисковали самолетом, лучшими нашими летчиками — Вильфредом и Миллером! Нет, нет. Пусть остаются там. Надо найти другой способ.

— Хорошо, мы найдем другой, — немедленно ответил Лестер.

— Ну, а что вы думаете по поводу исчезновения Николая? — спросил Шилл. — О том, что пропал Владимир, Сергей сообщает не очень уверенно. Но Николай-то исчез.

— Разрешите, господин полковник, — проговорил Беттер. — Я уверен, что Николай — надежный человек. Живым он в руки не дастся. Если даже он взят, то взят мертвым — это несомненно. Кста-

ти, срок, который прошел со дня его внезапного исчезновения, говорит сам за себя.

— Я тоже думаю, что с этой стороны опасность не угрожает, — подтвердил Лестер. — Возможны два варианта. Николай и Владимир действуют. Так же как и Сергей… — Американец не мог отказать себе в удовольствии напомнить полковнику о его неправоте. — Я убежден, что скоро мы получим сообщения и от них. Но даже если они захвачены советской контрразведкой, — тут я согласен с господином Веттером, — они не дались в руки живыми. Вспомните, сэр! Мы получили сообщение, что Сергей и Владимир в условленный день встречи долго прождали Николая. Если бы Николай был схвачен живым, это не прошло бы для них безнаказанно. Все трое надежные парни. Я в них уверен. Но скорее всего — они живы. Живы и действуют.

Доводы Лестера показались Шиллу логичными. Он встал, несколько раз нервно прошелся по кабинету, затем резко остановился перед Лестером и, сунув руки в карманы, уперся в него жестким взглядом:

— Хорошо. Будем считать, что все это так… Но предупредите все-таки Сергея, чтобы он был максимально осторожен.

— Все будет сделано, господин полковник.

Глава двадцать третья
ОТВЕТНЫЙ УДАР

В угрюмом одиночестве Владимир ждал сурового приговора. Дни проходили в томительном ожидании. Это ожидание было угнетающим. И вот однажды за дверью раздались шаги. Звякнули ключи. У арестованного дрогнуло сердце. «Конец!..» — тупо промелькнуло в голове.

Шагая впереди конвойного, точно в полусне подчиняясь негромким властным командам: «Прямо, направо… Налево…» — он поднялся на третий этаж и вошел в дверь кабинета. Из-за стола пытливо взглянул на него человек с погонами майора.

— Садитесь, — сказал майор.

Голос прозвучал так мягко, что у Владимира отлегло от сердца.

— Мне поручено продолжать следствие, начатое капитаном Кротовым, — сказал майор. — Моя фамилия Васильев.

— Я… я не виноват… — глухо пробормотал Владимир. — Капитан погиб не по моей вине…

— Разве вас кто-нибудь обвиняет в этом? Вы знали, что в тайнике находится граната?

— Нет, я не знал. Но могли подумать…

Майор внимательно посмотрел на него.

— Если бы я знал, что там граната, я бы обязательно предупредил!.. — закричал Владимир с такой горячностью, что Васильев тотчас же уверился в его искренности.

— Я верю вам, — сказал он.

— Верите? Правда?

Майор кивнул.

— Я сделаю все, что вы прикажете… — забормотал Владимир. — На все вопросы отвечу…

— Да? — спросил майор, наливая в стакан воду из графина и ставя стакан перед арестованным.

— Я готов… я выполню все… — повторил Владимир и жадными большими глотками стал пить. Зубы его стучали о стекло. — Поручите мне любое дело… — сказал он, ставя стакан на стол. — Самое тяжелое. Я выполню. Не подведу… Поверьте…

— Мы верим вам, Алексей.

Арестованный вздрогнул, услышав свое настоящее имя. Васильев видел, что он понемногу успокаивается. Голова его опускалась все ниже, руки устало лежали на коленях. Какого невероятного напряжения стоили Алексею эти дни раздумий и тревог!..

— Простите меня, — глухо произнес он. — Я не

все сказал капитану… Он так хорошо относился ко мне… А я… Я обманул его…

— В чем же?

— Я не сказал, что зарыл часть денег… Отдельно… Думал помочь матери…

Васильев задумался. Хотел спросить, почему Алексей так долго молчал об этом, но сдержался: вопрос мог напугать арестованного. Он встал, подошел к Алексею и положил руку ему на плечо.

— Ничего, Алексей. Ничего, все поправимо. Если человек раскаялся, для него всегда открыт путь к честной жизни.

«К жизни!..» Алексей чуть приподнял голову. Не ослышался ли? Перед ним, как в тумане, светилось улыбкой мягкое, доброжелательное лицо. Нет, нет, он не ослышался, не обманулся… К жизни!.. Значит, его могут простить. И новый прилив чувств захлестнул Алексея.

— Мне… мне так тяжело… Ведь я думал… Мне говорили там, в Западной Германии, что, если попадусь, будут пытать, измучают, убьют! А на самом деле… на самом деле всё не так… Меня обманывали… И Веттер, и Джон, и Майк…

— Да, вас обманывали. На вашу родину клеветали. Хотели вытравить из вас все советское, наше, настоящее, хорошее… — Майор снова сел за

стол. — А у нас не так. Зачем же пытать и мучить? Бывает, что человек ступил на скользкую дорогу, с изломами, с ямами. Что же — убивать такого человека, если он раскаивается, честно признает свою вину? Мы так не поступаем…

Майор помолчал, глядя на лицо арестованного, озаренное надеждой.

— Надо проучить тех, кто пользуется тяжелым положением людей, попавших в беду, — продолжал Васильев. — Калечит их жизнь, уродует судьбы, старается сделать их предателями родины. Согласны ли вы помочь нам в этом?

— Да, я согласен, — быстро ответил Алексей, хотя еще и не представлял, чем и как он может помочь. Но он и правда был согласен на все, лишь бы снова обрести родину, быть ей полезным. — Да, я согласен, — повторил он твердо. — Я хочу искупить свою вину.

Острым пальцем Лестер то и дело тыкал в спину флегматичного шофера-немца:

— Что ты плетешься как черепаха? Скорее!..

Машина ныряла в каждый просвет, образовывавшийся между рядами бешено мчащихся автомобилей, шарахалась в сторону, с визгом тормозила и рывком с места снова бросалась вперед.

Лестер и Беттер торопились, как никогда. Удача! Вот это — настоящая удача! Откликнулся Владимир. От него получено письмо. Он нашел удобную квартиру. Рация надежно спрятана. В эфир пока выходить он боится. Будет посылать сообщения письмами. С Сергеем он не встретился во время последней явки. Николай все еще не подает о себе никаких, вестей…

Вот и знакомая тихая улица, усаженная старыми кленами. Вот и особняк с окнами, занавешенными тяжелыми шторами.

Машина резко остановилась. Одновременно раскрылись дверцы с обеих сторон. Лестер — первым, а за ним — Беттер поспешно взбежали по ступеням.

Рослая фигура телохранителя выросла на пороге. Но, узнав Лестера, телохранитель отступил. Лестер приехал без предупреждения. Ему хотелось сообщить полковнику новость сюрпризом.

— Полковник у себя?

Телохранитель молча кивнул.

Лестер и Беттер, словно две большие крысы, оба сразу шмыгнули мимо него и скрылись за высокой массивной дверью.

Шеф разговаривал по телефону, сидя в своем полутемном кабинете. В трубку, словно камни,

падали односложные слова: «Да, так… Так… Да, да…» На вошедших он взглянул мельком, чуть повернувшись в их сторону, а затем снова уткнулся в трубку, опершись локтем о пухлый справочник «Who is who».

Лестер и Беттер стоя дожидались, когда он кончит.

Наконец трубка звякнула о рычаг, и полковник грузно повернулся в кресле.

— Что у вас? — спросил он.

Вместо ответа торжествующий Лестер положил перед ним конверт с письмом и на отдельном листке — расшифрованный тайнописный текст сообщения Владимира.

— О! Вольдемар! — с удивлением воскликнул полковник, взглянув на подпись.

— Читайте, читайте, шеф!

Полковник прочитал сначала письмо, затем — тайнописный текст. Потом поднял глаза и уставился в пространство. На скулах Шилла нервно двигались желваки.

«Владимир пишет, что Сергея и Николая он потерял, — мысленно рассуждал Шилл. — Сергей сообщил, что Владимир на встречу не явился. Это совпадает. Но почему Владимир так долго молчал?»

— Почему они не встретились? — спросил он Лестера.

— Я думаю — из-за неаккуратности, — ответил американец. — Не явился Николай. Сорвал встречу. А теперь оба боятся, опасаются друг друга…

Шилл искоса посмотрел на него:

— Из-за неаккуратности, говорите? А почему Владимир так долго молчал? Это настораживает. Ведь Сергей сообщил, что именно Вольдемар не явился на встречу.

— Но, господин полковник, Вольдемар напуган исчезновением Николая. Он выжидает. И он прав. Ведь место и время встречи были известны Николаю.

— А Сергей все-таки ждал Вольдемара на условленном месте.

— И Николая, — подсказал Лестер. — И Вольдемар совершенно прав, выжидая. Место встречи известно Николаю, — повторил он, как бы развивая логику своих доводов. — Если Вольдемар придет туда вместе с Сергеем, а Николай уже схвачен, их тоже могут схватить. Уж лучше переждать. Я бы на его месте поступил так же. Но, как видите, Сергея не арестовали. Значит, наши предположения, что Николай не на свободе, к счастью, неверны. Он безусловно свободен или

же… мертв.

Рассуждения Лестера были убедительны. Они поколебали сомнения Шилла, но он не хотел сдаваться.

— Слишком уж долго молчал Вольдемар, — проворчал Шилл. — А теперь, видите ли, подыскал удобную квартиру. Ждет указаний. Не морочат ли нам голову советские контрразведчики?

— Не думаю..Это почерк Владимира, — ответил Лестер.

Шилл долго молчал, что-то обдумывая.

— Поздравлять нас все-таки рано, — наконец произнес он. — Вы разработали план получения документов, которые находятся в руках Сергея?

— Этот план разрабатывается, шеф.

— Вот что. — Тяжелая ладонь полковника легла на зеленое сукно письменного стола. — Надо быть осторожнее. Поставьте Владимиру контрольные вопросы. Запросите Сергея. Хорошенько сличите почерки. Пусть все передачи принимает лично Ганс. Мы должны убедиться, свободен ли Вольдемар в своих действиях.

В перехваченной чекистами радиограмме, переданной «вслепую» для Сергея, шпиону предлагалось сообщить все, что ему известно о Владимире. Это была проверка. Если Сергей был

бы на свободе, он должен ответить. Положение осложнилось. Не обращаться же за помощью к Сергею! Возможно, американцы рассчитывают на то, что, если Сергей арестован и будет действовать подневольно, он условным знаком сообщит об этом, когда его заставят написать письмо или посадят за передатчик. И тогда весь план, разработанный Телегиным и Васильевым, будет сорван. В то же время если не ответить на вопрос, молчание Сергея, вполне естественно, вызовет у его шефов подозрение.

— Положение, однако, еще не безвыходное, — сказал Телегин, когда Васильев доложил ему о полученной радиограмме. — Ведь у нас есть два письма, написанные собственноручно Сергеем: то, что принес в управление Саженцев, и то, что принесла Мария Федоровна. — Телегин подошел к сейфу и достал голубой конверт с наклейкой «международное». — Письмо мы отправим по назначению, — продолжал он свою мысль, — но предварительно графологи несколько изменят в нем тайнописный текст. Оно рассеет опасения и укрепит в глазах американцев положение Владимира.

В тот же день письмо было отправлено. После того как над ним поработали графологи в

научно-техническом отделе управления, зашифрованный текст выглядел так:

> «От Николая все еще нет никаких вестей. Рацию Владимира перепрятали. Договорились пока не встречаться. Обстоятельства складываются хорошо. Продолжаю действовать. В квадрате №11 обнаружил неиспользуемый аэродром военного времени».

— Клёв на уду! — пожелал удачи Васильев, опуская письмо в почтовый ящик.

Через несколько дней у себя в кабинете вместе с Алексеем он уже читал отпечатанный на машинке расшифрованный текст радиограммы, принятой радистом управления. Радиограмма адресовалась Владимиру:

> «Почему не используете рацию? Почему в условленное время не приходили на встречу с Сергеем? Ждем объяснений. Слушайте нас по расписанию. Сообщите, какое сегодня число».

— Что, у них календаря, что ли, нет? — удивился Васильев.

— Это условный знак. Если я отвечу правильно, значит, не на свободе, — объяснил Алексей. — Понимаете? Надо ответить, что сегодня — двадцать второе.

— Но сегодня только девятнадцатое, — засмеялся майор. — Уж лучше ответить, что двадцать девятое.

— Нет, по инструкции я должен сообщать числа только на три дня вперед.

— М-да… — задумчиво протянул Васильев. — Жаль, что приходится отвечать по почте.

Ему очень хотелось выпустить Алексея в эфир. События сразу же начали бы развертываться с предельной быстротой. Но он считал, что для этого еще не наступило подходящее время. Телеграммы пока еще подписывают Лестер и Беттер. Это не те люди, которые нужны. Надо убедить бывших хозяев Алексея в том, что он действует свободно. Тогда в игру вступит большое начальство. Именно этого дожидались Васильев и Телегин.

В дверь роскошного номера одного из лучших отелей города постучались. Лестер вынул изо рта трубку:

— Войдите!

Вошел Беттер.

— Есть что-нибудь новое?

Немец кивнул:

— Да, шеф. Владимир слышал нас. От него получено еще одно письмо.

— Опять письмо? Почему он не пользуется рацией? За такие задержки Шилл нас не похвалит. Да к тому же письма могут быть написаны кем угодно. Вы что же, думаете, что у советской контрразведки нет людей, которые могут подделывать почерк?

— Это верно, шеф, — терпеливо согласился Беттер. — Но зато письма гарантируют безопасность. У советской контрразведки есть и хорошие пеленгаторы. Ведь в России-то он, а не мы.

Лестер поспешил переменить разговор.

— Ну-ка, давайте сюда письмо. Что Вольдемар ответил на контрольные вопросы?

— У него все в порядке. Ответил правильно.

Лестер снова сунул в рот трубку.

— Кстати, Беттер, не хотите ли отправиться в Россию?

Немец побледнел.

— Я?

— Да, вы. Не тряситесь, Беттер. Не навсегда. На какие-нибудь десять минут.

— Я вас… не совсем понимаю.

— Шилл ждет от нас плана. Где этот план? Не можем же мы водить его за нос до бесконечности. Что, если наши парни Вольдемар и Сергей выберут удобное место для посадки самолета? Понимаете? — Американец пристально поглядел на Беттера, щелкнул пальцами. — Место для посадки. Сесть, взять небольшую посылку и… Понятно? — Лестер засмеялся, встал и дружески похлопал Беттера по спине. — Ничего, старина, мы это еще обсудим. По-моему, план неплох.

Глава двадцать четвертая
В НАСТУПЛЕНИЕ

Алексей пристрастился к чтению. В удобную, чистую, солнечную комнату, где его поселили, переведя из камеры, ему приносили книги, газеты, журналы. С особенной жадностью он набрасывался на газеты. Алексей прочитывал их от первой строчки до последней, все — и центральные, и местные районные многотиражки. Его интересовало решительно все: и скупые короткие строчки сообщений из-за рубежа, и обширные, иногда с продолжением в следующем номере очерки о знатных людях — строителях, колхозниках, зимовщиках в Антарктике, и фотоклише. Но с необычайным вниманием он читал те статьи и заметки, под которыми чуть пониже фамилии автора мелким шрифтом было набрано:

«Смоленская область».

Великая страна кипела и бурлила. И вместе со всей страной выполняла величавые задачи, строила, собирала урожаи, создавала новые колхозы его родная Смоленщина.

За ровными строчками газетных колонок, словно за туманной дымкой, подернувшей ясную чистую даль, виделся ему крутой откос, бревенчатые домики над рекой, серебристые ивы, склонившиеся к тихой воде, и родное, в морщинках, лицо матери. О, как дорого было ему это лицо, эти глаза, смотревшие на него вопросительно и печально.

«Мама, мама! Когда же я увижу тебя теперь?!»

С каждым днем все больше и больше убеждался Алексей в том, что Беттер и инструкторы в «школе» обманывали его.

Он чувствовал, что ненавидит их, и с нетерпением ждал тех минут, когда вместе с майором составлял текст очередного послания шефам. В одном из писем он сообщил о том, что перевез рацию в дом к Эльвире, указал ее адрес, пообещал в ближайший сеанс выйти в эфир. Упомянул и о том, что выполнил кое-какие задания: сфотографировал несколько важных объектов, достал подлинный советский паспорт.

— Зовут! Зовут!.. — Алексей резко повернул голову и обрадованно посмотрел на Васильева, поправив наушники.

— Хорошо, Алексей, записывайте быстрее. — Майор поощрительно похлопал его по плечу.

Алексей склонился над листком бумаги, остро отточенный карандаш замелькал в его руке. Писклявые сигналы морзянки частой дробью сыпались в уши, тонкой цепочкой цифр, точек, тире…

Внезапно писк умолк. Алексей снял наушники и взглянул на майора.

— Они требуют, чтобы я ответил немедленно, не отходя от аппарата. Что делать?

— Хотят поймать врасплох, — ответил Васильев. — А что спрашивают?

— «Срочно. Где вы сейчас находитесь? Сколько лет Сергею?» — прочитал Алексей текст радиограммы.

— Опять контрольные вопросы.

— Я долго молчал, не писал, — ответил Алексей. — Сомневаются, проверяют.

Майор задумался всего на несколько секунд. Он знал, что сейчас там, далеко, за рубежами его родины, у приемника рации люди тоже считают секунды.

— Ну, Алексей, — произнес он наконец. — Вот и настало время переходить в наступление. Передавайте: «Я нахожусь по адресу, указанному в предыдущем письме. Сергей — мой ровесник». Передавайте быстрее. Пусть они догадаются, что

вы торопитесь, боитесь, как бы вас не запеленговали.

Владимир застучал ключом, и радиограмма понеслась в эфир.

— Приняли, — с облегчением сказал Алексей, выключая рацию.

— Погодите, Алексей, — сказал Васильев. — Придет время, и мы им подсунем такую телеграмму, что они сразу перестанут задавать контрольные вопросы.

…Дежурный радист перехватил радиограмму, посланную Сергею.

— Все время зовут, — сказал Телегин Васильеву, вызвав его к себе. — Передают приказы. Запрашивают, где он находится, снова хотят выяснить, что ему известно о Владимире.

— Сомневаются все-таки.

— А я и не надеялся, товарищ майор, что они сразу нам поверят. Впрочем, вот текст радиограммы. В конце они все-таки советуют ему быть в дальнейшем более аккуратным.

— Значит, верят.

— Верят-то верят, — произнес полковник. — Но и и нам, нам с вами следует быть осмотрительными. Не переборщить бы.

— Мы с Алексеем действуем так, чтобы там по-

верили еще больше. В эфир он пока выходить не будет. Достаточно той торопливой радиограммы, которая была послана вчера. А то, что молчит Сергей… Думаю, что это их не смутит. Они знают — он не любит пользоваться передатчиком. Делает это только в особых случаях.

— Пошлите-ка еще одно письмо от Владимира. Сообщите, что он встретился с Сергеем. Пусть Алексей напишет, что его сообщник упал с велосипеда и повредил себе руку.

Радиограммы и письма Алексея делали свое дело. Они медленно, но верно укрепляли у шефов веру в то, что их агент свободен. А когда удалось наконец убедиться, что шефы в этом уверены, была отправлена радиограмма с просьбой прислать денег.

Переслать деньги агенту из-за границы — штука сложная. Это была проверка. Если деньги будут высланы, значит, шефы окончательно убеждены, что Владимир свободен в своих действиях.

— Этот кретин требует денег. Что он с ними делает там, в России? Уж не думает ли он, что мы их здесь печатаем? — гремел Шилл, потрясая текстом расшифрованного послания, которое принес ему Лестер.

Стоя перед полковником навытяжку, Лестер

ждал, когда утихнет эта буря.

— Вот, полюбуйтесь-ка! — И полковник прочитал вслух текст радиограммы, уже известный Лестеру. — «Отсутствие денег ставит меня в затруднительное положение. Ценности реализовать опасаюсь. Задолжал хозяйке за квартиру...» Нет, это черт знает что такое! Может быть, он думает, что послать деньги в Советскую Россию — это то же, что переслать их из Афин в Гамбург? Снова просить разрешения на полет?..

— У нас есть другие способы, — осторожно сказал Лестер. — Для передачи ему денег не надо посылать в Россию ни самолет, ни людей. Деньги он получит по почте.

— Вот как?

Раздраженно сопя, Шилл барабанил по столу толстыми пальцами. Наконец вскочив, он тяжело стал расхаживать по кабинету. Лестер не сводил с него глаз, поворачивая голову то вправо, то влево, словно следил за качанием маятника.

Неожиданно полковник остановился:

— А что, если деньги все-таки попадут в руки советских контрразведчиков?

— Не думаю, сэр.

Шилл снова заходил по комнате:

— Что вы предлагаете, Лестер?

— Послать деньги, — немедленно ответил американец. — Это необходимо в интересах дела.

— Значит, вы убеждены, что деньги попадут по назначению?

— Несомненно. Вольдемар зарекомендовал себя положительно. Он хорошо там обосновался и уже выполнил некоторые наши поручения. На все контрольные вопросы он ответил по инструкции…

— Хорошо. — Полковник вернулся к столу и опустился в кресло. — Хорошо. Пошлите ему деньги. Но пусть будет экономен. Вы объясните ему, что мы всегда испытываем трудности в пересылке денег. Чтобы он не думал, будто американская разведка отказывается платить. Одним словом, сами сообразите, что можно придумать.

— Есть, шеф. Я соображу.

— Между прочим! Вы разработали план получения документов и пленок, добытых Сергеем?

— Все готово, господин полковник.

— Ну-ка, ну-ка, это интересно. — Шилл поудобнее устроился в кресле. — Рассказывайте. Да садитесь, Лестер, что вы стоите, в самом деле!

— Клюнуло, товарищ полковник! — Васильев, возбужденный и радостный, сообщил это прямо с порога кабинета. — Вот радиограмма для

Владимира.

«Деньги переведены на ваше имя, —

читал Телегин. —

Получите их по документам №1 в почтовом отделении на станции «С-к» и по документам №2 в пункте «Р». Будьте осмотрительны. Помните инструкции: не сорить деньгами — это привлекает внимание. Условленных мест встреч с Николаем и Сергеем не посещайте».

— Деньги получены? — спросил полковник, дочитав письмо.

— Да, вот они. — Майор положил на стол пачку денег.

— Кто их послал?

— Переводы из Москвы. Адреса и фамилии отправителей вымышленны. Мы проверяли.

Полковник задумался, потирая ладонью подбородок.

— Мне кажется, товарищ Васильев, что первый шаг удачен, наступило время сообщить им кое-какие «интересные» сведения, — сказал он. — Там, пожалуй, их с нетерпением ждут. Подго-

товьте Алексея. — Телегин помолчал и добавил: — Не работайте с одного пункта, перевозите рацию с места на место, подальше от дома Эльвиры. Там, конечно, пеленгуют ее. Пусть будут уверены, что Алексей свободен. Пусть думают, что он из предосторожности меняет пункты своих передач. И чередуйте способы связи. Наиболее важное передавайте по радио, менее серьезные сведения посылайте по почте.

Кафе «Олимп» пользовалось в городе дурной славой. Люди, собиравшиеся там, именовали себя звучно — «Общество ветеранов войны». Однако членами этого «общества» были не те ветераны, кто в кровавых битвах на Восточном фронте пережил все ужасы, которые только может принести война; не те, кто, вернувшись в родные края из русского плена, стал верным борцом за мир. Нет, в кафе «Олимп» собирались профессиональные убийцы, грабители, маньяки, распущенная банда человеческих подонков, зачастую не нюхавших еще пороха и потому мечтающих о новых походах на Восток. И нередко, проходя мимо ярко освещенных дверей, из-за которых раздавались квакающие голоса молодчиков, кричащих о новых битвах за великую Германию, из-за которых слышались дикие звуки гитлеровского гимна

«Хорст Вессель», старые немцы, знающие, что такое война, с горечью покачивали головой. Среди прохожих было немало таких, кто на войне стал инвалидом. Поспешнее звучал стук костыля по тротуару у дверей «Олимпа», торопливей становился шаг слепого, осторожно нащупывающего дорогу тростью. Они помнили, они хорошо помнили снежные пустынные поля под Москвой, мертвые поля 1941 года. Они помнили оглушающий свист «Катюш», они еще не забыли страшных дней битвы на Волге. Они знали, что такое война…

А в маленькой комнатке, куда сквозь плотно прикрытую дверь едва доносились звуки разнузданной музыки и крики пьяных «ветеранов», заключались кровавые сделки. Здесь собирались главари «общества». Отсюда, из этой комнатки, нити вели в особняк с окнами, занавешенными шторами, за которыми, как паук в ожидании жертвы, притаился полковник Шилл. Эта комнатка для многих была последним рубежом, перешагнув который люди прощались с честной жизнью, становились шпионами, диверсантами, убийцами…

Найти Лестера в кафе Веттеру не представляло никакой трудности. Американец был завсегда-

таем «Олимпа». Застал его немец и на этот раз. Лестер ужинал.

— Новость, господин Лестер, — присаживаясь, сообщил вербовщик. — Радиограмма от Владимира.

— Наконец-то! — Лестер выдернул из-за ворота белоснежную салфетку. — Я умираю от ожидания. Давайте сюда. — Он выхватил из пальцев Веттера листок бумаги и впился глазами в текст. — Так… Деньги получил… Все благополучно… — Американец торжествующе взглянул на Веттера. — Ну, что я говорил? Нет, старина, Лестер бывалый волк! Он никогда не ошибается в людях!

Глава двадцать пятая
СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

— Черт возьми! Пока все идет превосходно! — Шилл сияя ходил по кабинету.

Лестер следил за ним со снисходительной усмешкой. Но вот полковник резко остановился, и усмешка на лице американца мигом сменилась выражением подобострастия и собачьей преданности.

— Ну, Лестер, наступило время вас поздравить. Я считаю, что эта радиограмма стоящая.

— Это уже третья, — напомнил Лестер.

— Да, третья. И это говорит само за себя. Значит, положение Вольдемара становится все прочнее. — Полковник подошел к столу и взял листок с текстом радиограммы. — Интересно, от кого он получил эти важные данные?

— За деньги можно купить многое, — ответил Лестер, сделав многозначительное ударение на слове «деньги»: ведь это он настоял на том, чтобы они были посланы Владимиру.

Однако Шилл сделал вид, что не заметил этой многозначительности.

— А парень-то оказался дельным, — сказал он.

— Что вы думаете, Лестер?

— Совершенно верно, мистер Шилл. Я недаром рекомендовал его вам.

— Но Беттер в вашем оркестре — тоже не последняя скрипка, — заметил полковник, довольный тем, что с Лестера можно сбить немного спеси.

— Все люди, которых находит этот немец, прошли через мои руки, — возразил американец. — И я не всех рекомендовал вам.

— Уж будто бы, Лестер! Я знаю — вы с Веттером стараетесь завербовать любого бродягу. Но в этом я сразу разглядел талантливого человека. И, как видите, не ошибся. Ну, одним словом, не будем спорить, — решительно объявил полковник, опускаясь в кресло. Он задумался, барабаня пальцами по столу. — Вот что, Лестер, у меня к вам вопрос.

— Я слушаю, сэр!

— Как вы думаете — можно ли пойти на риск и поручить Владимиру одно весьма деликатное задание?

— Какое?

— Я имею в виду просьбу нашего агента «Пингвина». Он ведь давно ждет от нас посылку.

— Думаю, что можно, — кивнул Лестер. — Владимир выполнит это задание, как никто другой.

— Что-то они слишком много сегодня настукали, — сказал Алексей, сидя вместе с майором Васильевым над расшифровкой полученной радиограммы.

— Ничего, ничего, Алеша. Стоит потрудиться, — подбодрил его майор. — Тут говорится о каком-то задании. Должно быть, это важно. Кажется, они окончательно доверились тебе.

Тщательно проверяя каждую цифру радиограммы, внимательно отыскивая для нее соответствующее место в постепенно проясняющемся тексте, Алексей наконец составил полный текст.

> «Часть имеющейся у вас взрывчатки упакуйте в водонепроницаемую обертку, —

прочитал Васильев. —

> Найдите в лесу надежное место, организуйте тайник и положите сверток туда. Координаты тайника сообщите срочно. Ш.».

— Кто этот «Ш»? — спросил майор.

— Полковник Шилл. Наш главный шеф, — ответил Алексей.

— Понятно! — воскликнул Васильев. — На нашей территории действует еще один их агент.

Майор несколько раз внимательно перечитал текст. Да, радиограмма была подписана самим Шиллом. Значит, задание очень важное. Шилл наконец-то вступил в игру.

Несколько дней от Владимира не было никакого ответа. Беттер нервничал. Но в то же время он втайне надеялся, что ответа больше и не будет. Ах, как страстно он желал, чтобы с его, Беттера, агентом стряслась какая-нибудь беда. Нет, не с одним, с обоими вместе!.. Да, он хотел этого, надеялся на это. Лестер придумал дьявольский план. Послать его, Беттера, на самолете в Россию за пленками и добытыми документами. Чертовщина! Только этого не хватало! Но лететь-то придется. Придется… Если, конечно, советская контрразведка не накроет хотя бы одного. Тогда — дудки. Тогда и лететь будет незачем.

И вдруг — открытка. По почте. Беттер жадно вчитывался в строчки. Приветы родным, знакомым, пустое перечисление имен… И вот… главное:

«7 июня, в свой день рождения, я сфотографировался в лесу на большом камне

среди живописных сосен. Шагах в двадцати от меня стояла громадная сухая береза. Вечернее солнце окрашивало дерево в розовый цвет и придавало всему окружающему радостный, веселый вид».

Все… Дальше читать не стоило. Это было самое важное. Немец достал карту, расстелил ее на столе. «7 июня. 7/VI. 76-й квадрат. Вот он». Беттер представил себе, как может выглядеть, незнакомый пейзаж. Камень, сосны, береза… Все это приметы места. А слова «вечернее солнце» означают, что «посылка» зарыта у камня с его западной стороны.

«Неплохое выбрал место», — подумал Беттер. Он взял карандаш и медленно обвел квадрат 76 красным кружком.

Долго в мрачном молчании смотрел он на этот кружок. «А лететь все-таки придется!..»

Еле различая друг друга в темноте, Соколов, Дергачев и проводник со служебной собакой пробирались по лесу. Их шагов почти не было слышно. И каждому казалось, что рядом с ним бесшумно движется неясная серая тень.

Вот и замшелый камень, вросший в землю, напоминающий могильный памятник. Рядом

одинокая сухая береза. Здесь будет засада.

Всю ночь они рыли яму, в которой могли бы поместиться три человека и собака. Работа была не из легких. В темноте можно было не рассчитать и задеть лотком лопаты соседа. К тому же копать надо было как можно бесшумнее.

Изредка собака замирала. Не было слышно ее учащенного дыхания. И тогда, настораживаясь, замирали люди. Кто знает — то ли пробежал мимо осторожный лесной зверек, то ли бродит вокруг затаившийся враг, тот, кто должен прийти «за посылкой», зарытой ими у камня.

Еще не наступил рассвет, а чекисты уже лежали в яме, замаскировавшись ворохом сухого валежника. Камень был виден хорошо — он резко выделялся на фоне светлеющего неба.

И потянулись долгие, томительные часы ожидания. Медленно шли они, складываясь в сутки.

Почти каждый день кто-нибудь появлялся около камня — мужчина или женщина, а то и двое-трое сразу, и всякий из них вызывал острое чувство подозрения. Больших усилий стоило работникам Комитета государственной безопасности сдержать себя, чтобы не выскочить из укрытия.

У них была рация — единственная возможность

связаться с внешним миром. Частенько загорался зеленый глазок, и Соколов тихо сообщал, касаясь губами холодной сетки микрофона, о замеченных возле камня людях. Он рассказывал о том, что делали они в лесу: то собирали грибы и орехи, то приходили за хворостом.

И вот однажды около камня появился еще один незнакомец. Он был уже немолод. Седина серебрила его виски. Был он одет в короткий, не по росту, плащ и ходил прихрамывая.

Чекистам этот хромой показался особенно подозрительным. Правда, он тоже, как и другие, проходил мимо камня, собирая грибы. Однако грибники пересекали полянку торопливо, потому что на открытом месте грибов быть не могло. Мельком оглядев полянку, они углублялись в лесную чащу. Человек же в коротком плаще оставался на поляне довольно долго. Прихрамывая, он подошел к камню и присел на него, потом осторожно огляделся, снял сапог и медленно перемотал портянку. Затем опять обулся и, слегка прихрамывая, заковылял в лес.

— Не для разведки ли приходил? — шепотом спросил Дергачев.

— Чш-ш-ш… — зашипел Соколов.

Хромой опять возвратился. Подошел к камню,

снова огляделся и опять перемотал портянку. Потом надел сапог и скрылся в лесу.

Об этом посещении полковник Телегин был по радио немедленно поставлен в известность.

Чекисты не знали, кого они ждут. Мужчина это или женщина? Молодым или старым будет тот, кому адресована «посылка»? Когда он появится — днем или ночью? Но враг мог прийти в любую минуту. Каждый миг надо было быть настороже.

Так проходили дни и ночи. Моросил дождь, опускался туман, ветер жалобно стонал в ветвях, скрипели и шумели деревья…

— Может, он приходил уже, да заметил нас, а теперь не покажет сюда и носа… — проговорил как-то утомившийся от длительного безрезультатного ожидания Дергачев.

— Видимо, не очень нужна ему посылка, раз не торопится, — шепнул старший лейтенант, не оборачиваясь на голос товарища. — Помнишь, прошлый раз почти до снега сидели. Никто уже не думал, что придет…

Вдруг Соколов умолк, приложил к губам палец. Заволновалась собака. Дергачев замер и стал напряженно вглядываться в щели между насыпанным сверху валежником.

Неожиданно по стволу высокой сосны скольз-

нул солнечный зайчик, и на поляну выехал велосипедист. У камня он слез с машины и, прислонив ее к сосне, огляделся.

— Смотри, — проговорил Дергачев, прижавшись губами к самому уху старшего лейтенанта. — Тот, хромой. Видно, ему тут понравилось…

Люди в засаде замерли. Не отрываясь следили они за хромым. Куча сухого хвороста, прикрывавшая людей в засаде, не привлекла его внимания. Она выглядела естественно, не вызывала подозрений, и самый придирчивый глаз не мог заметить здесь следов пребывания человека.

Хромой ходил по поляне, нагибался, что-то поднимал с земли. Из траншеи не было видно, что он собирает.

Собака тревожно шевелила ушами, нетерпеливо посматривала на проводника, словно ожидала приказания броситься вперед. Но крепкие руки проводника сжимали ей челюсти и туго натягивали ошейник.

Хромой прошел совсем близко от кучи валежника, и Соколов увидел, что он собирает шишки, сосновые шишки, валявшиеся кругом. Он опускал их в мешок, подвешенный к поясу. То ли случайно, то ли с умыслом, но держался он все время рядом с камнем, кружил возле него, обходя

то справа, то слева.

С напряжением следили за ним чекисты. Несколько раз казалось им, что хромой хочет присесть у камня, чтобы начать выкапывать из земли «посылку». И только громадным усилием воли сдерживали они себя, чтобы не выскочить из засады.

Но вот неизвестный поставил туго набитый мешок на землю у западной стороны каменной глыбы, еще раз осмотрелся и присел на корточки. Рук его не было видно. Мешок загораживал их.

— Выкапывает… — прошептал младший лейтенант.

— Тихо, Коля, тихо… — успокоил его Соколов, не отрывая взгляда от хромого.

И в эту минуту хромой поднялся. В руках у него был всего лишь тонкий запутанный шнурок. Размотав его, человек поднял свой мешок с земли, связал его, затем прикрепил к багажнику велосипеда, неуклюже взобрался в седло и уехал.

— Вот видишь, — сказал Соколов. — Ни в чем не виновный человек.

Вечерний лес затихал. Темнота выползала из овражков и словно размытой тушью заливала кустики, деревья, черные завалы бурелома. Зябко ежась, проводник обнял собаку за шею и спрятал

лицо в ее густой шерсти.

— Жалко — костра нельзя развести, — глухо донесся его голос. — Холодно…

Словно в ответ, жалобно завыл и пронесся по верхушкам деревьев осенний ветер. Начал накрапывать дождь.

— Сегодня суббота, — сказал Дергачев, устраиваясь поудобнее. — В клубе у нас вечер танцев… Оркестр играет… Лампы горят… Хорошо…

Ему никто не ответил.

Дождь шел все сильнее. Вдруг овчарка заволновалась и резко повернулась к щели в набросанных сухих ветках.

— Джимка, тихо… — шепотом скомандовал проводник, натянув потуже кожаный ошейник. Другой рукой он стиснул собаке пасть.

Все насторожились. Хрустнула ветка. Зашуршали кусты. Старший лейтенант приподнялся на локтях и стал напряженно вглядываться в темноту. В просвете между кустами мелькнула неясная тень. Потом все стихло.

— Наверно, какой-нибудь зверь… — едва слышно произнес Дергачев.

Но вот от кустов отделился темный силуэт. Человек. Соколову показалось, что сейчас сердце его выпрыгнет из груди. В горле пересохло. Засту-

чало в висках.

В нескольких шагах от кучи валежника, сильно хромая, торопливо шел мужчина, приезжавший днем за шишками. Он дышал часто и хрипло.

— Смотри-ка, вернулся… — Дергачев не договорил. Руки товарищей стиснули его с двух сторон, словно клещами.

Хромой шел к камню. Он ничего не опасался и не оглядывался, как днем. Луч фонарика скользнул по обомшелой глыбе. Чекисты увидели в его руке маленькую лопатку с короткой ручкой. Став на колени, хромой начал копать. Он копал быстро: мокрая земля поддавалась легко.

Так вот он какой, тот, которого ждали!..

Казалось, наступил момент действовать, но Соколов не подавал команды и, весь напружившись, слегка придерживал своих товарищей. Он знал, что теперь уже ошибки не будет, но надо поймать шпиона с поличным.

— Пора, товарищ старший лейтенант, пора… — шептал Дергачев.

Волнение людей передалось и собаке. Она дрожала от нетерпения. Проводник едва сдерживал ее:

— Тихо, Джимка, тихо…

Хромой отложил лопату, порылся руками в

земле и извлек сверток, туго перевязанный парашютной стропой.

— Теперь пора, — сказал Соколов.

Освободившись от маскировки, чекисты поднялись во весь рост. Проводник отстегнул поводок, и собака сильным прыжком рванулась вперед.

Неизвестный был ошеломлен, когда на него что-то ринулось из темноты. Приподняв руку, чтобы защитить лицо, голову, он услышал рычание и жаркое дыхание собаки. И в его руку, выше кисти, впились острые зубы. Но тот, на кого кинулась собака, был не новичком. Он понимал, что попал в засаду. Сейчас ему необходимо было избавиться от свертка, который мог его изобличить. Сильным рывком он отшвырнул собаку, размахнулся, чтобы закинуть сверток в кусты. Собака снова бросилась на него. Опять вцепилась в руку.

Подоспевшие чекисты схватили врага и быстро связали. В воздух взлетела зеленая ракета — сигнал окончания операции. Крутясь и шипя, она яркой змейкой взвилась в ночное небо и осветила поляну. Лежавший на траве шпион морщился от света.

В небольшой гостиной в квартире полковника Телегина, расположившись в глубоких креслах возле низкого круглого столика, начальник управления и майор Васильев негромко беседовали. Еще с утра полковник почувствовал недомогание. Пошаливало сердце. Напряжение последних дней давало себя знать. Но надо было работать, работать, работать… И сегодня, в воскресенье, Телегин пригласил к себе всех участников операции. Ждали Соколова и Дергачева.

— А ведь «Пингвин» — наш старый знакомый, — говорил Васильев. — Помните, Коротичу было поручено проверить подозрительного человека в шалаше, которого видели девочка Таня и ее мать? Это был он. Давно окопался в наших местах. Хитрый враг.

— Недопустимо небрежно тогда поступил Коротич, — нахмурившись, сказал полковник. — Не по плечу ему оперативная работа… Капитан Кротов так бы не сделал, — с грустью добавил он.

Они помолчали. В окна барабанил унылый осенний дождик. Тикали часы на стене. Словно стряхивая с себя грустное настроение, Телегин встал и несколько раз прошелся по гостиной из угла в угол.

— Наша борьба вступила сейчас в самую ответственную фазу, — сказал он. — Противника надо держать в постоянном напряжении, разжигать его аппетиты. Нужно создавать впечатление, что Алексей здесь крепко обосновался, располагает хорошими возможностями. И… кажется, что уже пора слегка намекнуть, что Эльвира Леоновна тоже может быть полезна. Уж если Сергей решил убить Ивана Боярышникова только ради того, чтобы завладеть его пропуском на завод, значит, этот объект сильно интересует американскую разведку… — Он сосредоточенно помолчал. — Придется «удовлетворить» их любопытство… Как раз сегодня мы все это и обсудим.

В прихожей раздался звонок.

— А вот и остальные! — воскликнул Телегин

Глава двадцать шестая
ПРИМАНКА

Лестер был доволен. Операция «Ночной визит», как в документах разведки называлась заброска в Советскую Россию Николая, Владимира и Сергея, идет более чем успешно. Вот только Николай… Однако Лестер был настроен до того оптимистически, что исчезновение Николая не тревожило его. Николай живым не дастся — в этом Лестер себя уверил.

А события с каждым днем разворачивались все стремительнее. Шифрованным письмом Владимир сообщил, что Эльвира Леоновна, по счастливому совпадению работавшая чертежницей на объекте в квадрате №8, может, вероятно, выполнить одно из ответственных заданий. Но он пока воздерживается давать ей поручения. Так что же он медлит, этот Владимир? Чертежи, чертежи — вот что сейчас интересует американцев. Какое секретное оборудование изготавливается на объекте? Еще «Пингвин» сообщал, что, судя по глухому гулу, иногда повисающему над лесом, в квадрате №8, там собирают реактивные двигатели. Так пусть поторопится!

— Пусть он поторопится! — твердил полковник Шилл. — Нечего ему церемониться с Эльвирой. Пусть напомнит ей о ее связях с немцами… Действовать напористее! Так и передайте Вольдемару!

— Товарищ полковник, наше сообщение об Эльвире попало в точку, — докладывал Васильев. — Они требуют, чтобы Владимир действовал активнее. Даже не предупреждают, как обычно, чтобы был осторожнее.

— Что вы приготовили?

— Вот радиограмма.

> «Эльвира согласилась сфотографировать чертежи нового двигателя «турбо-380». Жду инструкций», —

прочитал Телегин. Он взял карандаш и добавил: —

> «Необходимы деньги».

— Товарищ полковник, может быть, рано просить денег? — возразил майор. — Недавно ведь переводили.

— Нет, нет, обязательно передайте, — сказал

полковник. — Будет казаться естественным, что Эльвира согласилась пойти на это преступление только ради большой суммы.

Беттер буквально забомбардировал Алексея радиограммами. И Алексей, и майор Васильев, и полковник Телегин не сомневались: Беттера торопит Лестер, а Лестера — Шилл. Беттер, Лестер и Шилл — вот кто мог бы дать точнейшую информацию об агентурной сети.

И Алексей, и Сергей, и даже матерый разведчик «Пингвин» были мелкими сошками. Они не могли сообщить Телегину те сведения, которые сейчас больше всего интересовали его. И, хотя Сергей да и «Пингвин» тоже дали ценные показания, все-таки это было не главное. А будет ли главное? Полковник верил, что будет.

«Торопите Эльвиру… Торопите Эльвиру… Торопите Эльвиру…» Эти два слова беспрестанно повторялись в каждой радиограмме. Но полковник Телегин не спешил с ответом. Нельзя было создавать впечатление, будто Владимиру все дается легко. Прошло больше недели, когда наконец он сказал майору Васильеву:

— Пора.

И незримые волны понесли точки и тире шифрованного ответа:

«Эльвира выполнила задание. Пленка проявлена. Изыщите способ переправить».

Глава двадцать седьмая
ЛОВУШКА

Полковник Телегин ждал, что ответ на такую радиограмму последует немедленно. Но ответа не было. День, другой, третий… Что случилось? Отчего так медлят шефы? Может быть, заподозрили неладное?

Полковник снова и снова перебирал в памяти все искусные ходы «радиоигры». Нет, нигде не было допущено ни одной ошибки. В чем же дело?

Радисты чутко искали в хаосе звуков позывные Сергея и Владимира. И вот, на четвертый день, в час условленной связи с Сергеем, в наушниках сначала защелкали кодированные позывные Сергея, а затем последовал текст телеграммы:

> «Вблизи обследованной вами площадки, в квадрате №11, подыщите место для тайника. Положите туда добытые вами пленки и документы. Точные координаты тайника сообщите. Будьте осторожны. Л.».

— Для чего им тайник понадобился? — недо-

умевал Васильев. — Ведь они ждут посылки от Алексея!

— Верно, верно, — ответил Телегин. — Чертежи двигателя им куда нужнее, чем фотографии мостов и пропуск на секретный завод. Они хотят, я полагаю, чтобы Алексей выкопал «посылку» Сергея и объединил ее со своей. Очевидно, за документами и пленками кого-нибудь пришлют. Напишите письмо от Сергея. Сообщите, что задание выполнено, укажите точные координаты тайника. — Полковник вздохнул. — Что поделаешь! Придется еще немного потерпеть. Но иначе нельзя. От имени Сергея мы можем посылать только письма. Используем для этого его письмо, принесенное нам филателистом Саженцевым.

Вскоре письмо было составлено и послано. И снова потянулись томительные дни ожидания. Снова бессменно дежурили у приемников радисты, дожидаясь на заданной волне приказов для Владимира или Сергея.

Наконец была получена радиограмма для Владимира:

«В квадрате №11 есть неиспользуемый аэродром военного времени. Обследуйте его. Пригоден ли он в настоящее время

для посадки самолета? По возможности сделайте это срочно. Будьте предельно осторожны…»

Далее сообщались координаты, где Владимир может найти посылку от Сергея, снова — предупреждение об осторожности и подпись:

«Ш».

— Ну вот, — сказал с облегчением Телегин, прочитав расшифрованный текст. — Надеюсь, в скором времени мы встретим гостей.

— Вы заставляете себя ждать, Лестер, — раздраженно заметил Шилл. — Я хочу, чтобы мои распоряжения выполнялись немедленно. Пентагон торопит. Там интересуются, в каком состоянии сейчас та площадка для посадки самолета. Я им уже сообщил, что получены данные. А где они?

— Прошу прощения, сэр! Меня задержала расшифровка радиограммы. Вольдемар сообщает, что площадка находится в глухом лесу. Удобна.

— Удобна… — задумчиво повторил Шилл. — А где доказательства?

— Я уверен, что сообщение Владимира правдиво, — заверил Лестер. — Надо полагать, что

площадка хорошая. Ведь в свое время она привлекла внимание Сергея. Их сообщения сходятся. А ведь Владимир не знает, что Сергей сообщил нам об этом аэродроме.

Сомнении не было — американцы собирались прислать за чертежами, пленками и документами самолет. Чекисты не теряли времени. Они готовились захватить вражескую машину во время посадки. Вокруг бывшего аэродрома в лесу были искусно замаскированы пулеметы, сложены костры, расставлены посты. Васильев не знал покоя. Он каждый день проверял, все ли предусмотрено, все ли исправно.

Прошла неделя, а от шефов не было никакого сообщения. Они молчали. Тогда полковник Телегин решил осторожно прощупать их. Чертежи были им нужны. Но промедление не входило в планы полковника. Надо было дать понять иностранной разведке, что чертежи могут не попасть к ним в руки.

Во время очередного сеанса связи Алексей передал коротенькую радиограмму:

> «Эльвира нервничает. Причины не говорит. Думаю, что это связано с выполненным ею моим заданием».

— Вот так положение!.. — Шилл озабоченно ходил по кабинету. — Боюсь, что эта проклятая волокита с разрешением послать самолет сорвет все наши планы.

Он взглянул на стоящего Лестера, словно спрашивая у него совета.

— Я думаю, самолет нам разрешат послать, — сказал американец. — Вильфред и Миллер уже готовы лететь. Не впервой им такое дело. А пока, чтобы успокоить Вольдемара, надо послать ему радиограмму... — Лестер подумал. — Пусть он успокоит Эльвиру, пусть даст ей еще денег. Пусть намекнет, что нервозность может навлечь на нее подозрение...

— Это не спасет, — махнул рукой Шилл. — Если Эльвиру заподозрили, то Вольдемар тоже не гарантирован от ареста.

— Верно, сэр. Но если Эльвира будет вести себя правильно, это отодвинет на какое-то время развязку. А мы тем временем успеем получить и чертежи, и пленку, и все прочее.

— Хорошо, посылайте радиограмму, — сказал Шилл после длительной паузы.

— Что-то, видно, застопорилось у них с самолетом, — сказал Васильев полковнику Телегину, когда была расшифрована радиограмма. — А что,

если не прилетят?

— Прилетят, товарищ майор, обязательно прилетят. Ради чертежей в пекло пошлют самолет. А мы поторопим их.

В тот же день Алексей отстучал в эфир:

> «Эльвира сообщила, что она находится под подозрением. Ей кажется, за ней следят. Мое положение отчаянное. Пленки и документы закопал. Сообщите, что делать дальше. Вольдемар».

Почти тотчас же был получен ответ:

> «Эльвира — реальная угроза вашей безопасности. Отравите ее. Сами уходите в лес — на нелегальное положение. Самолет ждите в ближайшие дни. Материалы храните в таком месте, чтобы в любой момент по нашему указанию вы могли иметь их на руках. Ш.».

— Отравить велят, — угрюмо промолвил Алексей, расшифровав текст.

— Другого ответа от них и ждать было нельзя, — ответил Васильев. — Как только агент попадает в беду, перестает быть нужным и полезным,

они сразу стараются от него избавиться. Решают просто. Чужой жизни не жалко.

Васильев обнял радиста:

— Подожди, Алексей. Отольются кошке мышкины слезки.

И опять потянулись дни, полные напряженного ожидания. Любой из них мог принести и радость удачи и горечь разочарования. Все могло зависеть от любой случайности, от малейшей неосторожности, даже от настроения того или другого человека, участвующего в этой сложной «игре».

Полковник Шилл бушевал. Лестер впервые видел его таким.

— Черт бы побрал вашего Вольдемара, вашу Эльвиру, вас самого, Лестер! — орал Шилл, брызгая слюной. — Это вы, вы заставили меня поторопиться и сообщить Пентагону о чертежах! Это вы придумали план с посадкой. И вот вам, пожалуйста. Пентагон разрешает послать самолет, но без посадки. Что же делать? А! Вы молчите! Молчите! Хороший же вы разведчик, если не можете придумать сразу несколько планов!

— Может быть, все-таки можно дать задание летчикам посадить самолет? — несмело спросил Лестер. — Мало ли что не разрешил Пентагон.

Если мы добудем чертежи… Ведь победителей не судят. Кроме того, мы обещали Владимиру, если он выполнит задание, вернуть его сюда.

Шилл побагровел:

— Дорогой Лестер, победителей действительно не судят, но судят побежденных! Если среди нас не будет Владимира, это никак не отразится на нашем благополучии. А если не вернется самолет, нам с вами не сидеть больше в этом седле. — И Шилл постучал пухлой ладонью по подлокотнику кресла. — Наша задача — не спасение Владимира, а получение нужных Пентагону чертежей.

В дверь постучали. Вошел верзила-телохранитель. Тотчас же из-за его плеча показалось бледное лицо радиста Ганса.

— Извините, сэр! Я прямо к вам. Спешная радиограмма.

Лестер шагнул, схватил листок. Но полковник вырвал его из рук американца.

> «Эльвира не пришла с работы домой. Полагаю, она арестована. Нахожусь возле площадки в квадрате Т1. Уходить отсюда опасаюсь. Продолжаю слушать вас по расписанию».

— И черт меня дернул сообщить Пентагону об

этих чертежах! — сказал Шилл, внезапно утихомириваясь. — Ну, Лестер, что делать?

— Я уже придумал, — сказал американец. — Можно послать самолет без посадки.

Низко склонившись над планшетом, Алексей расшифровывал текст радиограммы.

— Ну что, что там? — нетерпеливо спрашивал майор Васильев.

— Сейчас, сейчас… Вот. Готово.

> «На поле в квадрате №2 в трехстах метрах от опушки зажгите два костра на расстоянии пятнадцати-двадцати метров один от другого. Около костров воткните в землю два шеста повыше, между ними натяните прочный шнурок. К нему привяжите материалы в упаковке. Ждите послезавтра ночью. Л.»

(Подписано Лестером).

— Значит, они не хотят садиться, — проговорил Васильев, перечитав текст. — Хотят крюком на ходу подцепить. И место переменили. Вот это плохо. Ну да ничего. Из рук теперь мы их уже не выпустим. Будем настаивать на своем. Материалы-то им во́ как нужны! — Он провел себе ребром

ладони по горлу. — А пока чертежи и пленки у нас, американцы вынуждены считаться с нами.

На другой день Алексей отстукал радиограмму:

> «В квадрате №2 ведутся лесные разработки. Вокруг много народу. Принять самолет на указанном поле нет возможности. Вольдемар».

> «Подготовьте шесты и костры в квадратах №5 или 3. Сообщите, которое из этих мест более подходит для этой цели, —

гласил текст радиограммы, принятой Алексеем на другой день. —

> О вылете сообщим дополнительно».

Шилл, очевидно, категорически не хотел воспользоваться заброшенным аэродромом в одиннадцатом квадрате. Это путало планы Телегина и Васильева.

— А что, товарищ полковник! — говорил майор начальнику управления. — Не все ли нам равно, где они пролетят? Постараемся всюду встретить как полагается.

Телегин не ответил. Он внимательно изучал карту.

— Посмотрите-ка, товарищ Васильев, — сказал он. — Вам не кажется странным, что и аэродром в одиннадцатом квадрате, и площадки в квадратах номер два, три и пять находятся на одной прямой линии?

— Очевидно, противник собирается сообщить о месте приема «посылки» в последнюю минуту, — сказал Васильев.

Полковник задумчиво покачал головой:

— А мне кажется, что они собираются сделать сразу два дела. Однако и ваша версия верна, но, чтобы гарантировать себя от всяких неожиданностей, будем ждать их во всех трех пунктах. Пошлите Соколова с группой к аэродрому в квадрат номер одиннадцать, а вы с Дергачевым приготовьтесь к встрече гостей в квадратах номер пять и три.

В особнячке, отделанном по фасаду белым мрамором, на одной из узких улочек большого греческого города перед полковником Шиллом, прилетевшим из Западной Германии рано утром, стояли летчики — американец Вильфред и немец Миллер. Они с почтением глядели на полковника, который склонился над картой, разостланной

на столе.

— Вам ясно задание? — спросил полковник.

— Так точно, — ответил Вильфред.

— Крюк опустите вот здесь. — Шилл поставил карандашом на карте четкую точку. — С вами полетит Беттер... — Он помедлил. — И еще один пассажир.

— Есть, сэр!

Полковник улыбнулся:

— Вы опытные ребята. Не раз летали в Советскую Россию. Проведете машину где угодно. На какой угодно высоте. Устройство надежное. Только щелк — и подцепит. Понятно?

— Понятно, сэр, — отчеканил Вильфред.

— Счастливого пути! — сказал полковник.

Выйдя из особнячка, летчики некоторое время шли молча. Да, им не раз приходилось летать в Советскую Россию с заданиями американской разведки. Вильфреду случалось бывать там и во время войны, когда в Виннице размещалась база союзников, с которой американские самолеты шли на бомбежки. Это были так называемые «челночные операции». Из Англии самолеты летели в Винницу, по пути сбрасывая бомбы над гитлеровской Германией. В Виннице, заправившись горючим и забрав новый груз бомб, они

возвращались назад, на английские аэродромы.

По натуре Вильфред был человеком равнодушным. С равнодушием он относился ко всему, что не касалось его благополучия. Никакие сложные проблемы, никакие трудные задачи — ничто не могло взволновать его. Личное благополучие и здоровье он считал важнейшими элементами человеческого существования и умел, кроме этого, ни о чем больше не думать.

— Значит, летим, — сказал он, искоса взглянув на Миллера.

Тот кивнул.

Перед каждым полетом в Россию Миллер испытывал страх. Он был суеверен. И накануне полета старался даже не читать газет, чтобы не наткнуться на какое-нибудь сообщение об авиационной, железнодорожной или автомобильной катастрофе.

Он шел, угрюмо глядя себе под ноги. Вспоминалась родная деревня, детство, школьные товарищи, офицерское училище, портреты генералов, парад в присутствии фюрера. Затем война, служба в гитлеровской армии, знакомство и встречи с офицером службы безопасности, военный угар, одурманивший всех близкой, как тогда казалось, победой. Будущее тогда представлялось

Миллеру легким и радужным… И вдруг совершенно неожиданно — наступление русских, крах надежд, горечь разгрома, скитания…

После войны Миллер поступил на службу к американцам и теперь тайно, словно ночной вор, летал над чужими территориями, забрасывая шпионов и диверсантов в мирные страны.

— Да, летим, — мрачно пробормотал он.

Вильфред дал газ, продувая моторы — сначала левый, потом правый. Машина дрожала, словно готовая сорваться с тормозов. Через плечо Вильфред искоса поглядел назад, в кабину для пассажиров. Там сидело двое — Беттер и еще какой-то человек, угрюмый и сутулый. Он приехал на аэродром в закрытой машине за две минуты до старта.

— Слушай, Рихард, кто это, как ты думаешь? — шепнул Вильфред Миллеру.

— Черт его знает! Судя по роже — бандит с большой дороги.

«Готово?» — раздался в наушниках голос радиста.

— Готово, — ответил Миллер.

Впереди замелькал зеленый огонек. Вильфред отпустил ручку тормоза, дал газ, и машина плавно покатила к стартовой дорожке.

«Погасите огни!» — приказал радист.

— Есть! — ответил Миллер.

Когда самолет уже отрывался от земли, из мастерской возле ангара высунулся механик, смуглолицый, перепачканный машинным маслом.

— Эй, Алексис, — тихо сказал он, обернувшись. — Опять в воздухе этот черный дьявол без огней и опознавательных знаков!

— Чтоб ему перевернуться, — недобро отозвался из темноты молодей голос. — Не унимаются, пакостят миру.

Рассеивая фарами темноту, машина стремительно мчалась по шоссе. Когда огни оставшегося позади города, словно притиснутые к земле, слились на горизонте в тусклую полоску, она, чуть притормозив, свернула в лес.

Вот и облюбованная американцами поляна. Громадное поле, распаханное под картофель. Из-за куста вышел человек, поднял руку. Машина остановилась, из нее вышел полковник Телегин. Рука часового опустилась к козырьку фуражки.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— Здравствуйте. — Телегин наклонился к дверце. — Погасите фары, Гриша, — сказал он шоферу.

Откуда-то из тьмы вынырнул Соколов.

— Все в порядке? — спросил полковник.

— Все в порядке. Ждем.

Они вместе прошли по полю, проверили посты и вернулись к машине. Телегин посмотрел на часы. Взглянул на небо. Оно было усеяно яркими осенними звездами.

— Погодка лётная, — сказал старший лейтенант, тоже посмотрев на небо.

— Будьте внимательны, — сказал Телегин, нащупывая в темноте ручку дверцы автомашины. — Я еду к Васильеву. Там будет жарко. Желаю успеха.

— И вам успеха, товарищ полковник! — крикнул старший лейтенант в темноту, вслед уходящей машине.

Соколов некоторое время стоял, слушая, как замирает вдали шум мотора. Потом пошел к кустам, где молча притаились у пулеметов солдаты.

Время шло медленно. Людям порой казалось, что оно совсем остановилось. Они прислушивались, то и дело поглядывали вверх. Разговор не ладился, прерывался долгими паузами. Внимание привлекал даже самый незначительный звук.

И вдруг далеко в небе послышался рокот.

— Летят… — шепнул кто-то над самым ухом Соколова, словно звуком голоса боялся вспугнуть приближающийся самолет.

— По местам! — отрывисто приказал Соколов.

Рокот нарастал. Напряженному слуху могло показаться, что самолет то приближается к полю, то удаляется от него. Но что это? Звук моторов стал явно утихать.

«Значит, решили все-таки здесь не садиться», — подумал Соколов.

И в тот же миг он увидел в ночном небе светлый купол парашюта. Чуть сносимый легким ветром, он медленно опускался к краю поля. Прячась за кустами, люди побежали туда.

Едва ноги парашютиста коснулись земли, как обрамлявшие лужайку кусты упали, зеленые бугры и кочки приподнялись, и из-за деревьев, из замаскированных траншей и канавок выскочили люди.

— Руки вверх! — скомандовал Соколов, направляя в лицо парашютиста острый и яркий луч фонаря.

Человек с угрюмым и злобным лицом поднялся с земли и растерянно вскинул руки.

— Загорится? — Полковник Телегин потрогал носком сапога хрустнувший хворост, сложенный

в высокую пирамиду.

— Как спички! — весело заверил Дергачев. — Мы еще бензинчику подольем. Устроим им настоящую иллюминацию!..

— Тш-ш-ш! — Васильев поднял палец и насторожился.

Далеко в небе, точно сверля ночную темноту, тоненькой струйкой просачивался невнятный шум.

— Он! — сказал полковник.

— Зажигай! — крикнул Дергачев и лихо плеснул в кучу хвороста бензин из большого бидона.

Два громадных костра запылали, словно невиданные факелы. Отбросив пустой бидон, младший лейтенант юркнул в темноту. Поляна казалась совершенно пустой. Только между кострами высилась прочная конструкция в виде буквы «П». Долго ставила и укрепляла здесь группа Дергачева водопроводные трубы, надежно привернув к ним сверху толстый стальной стержень.

Из-за вершин деревьев вырвался на поляну резкий свистящий гул. В воздухе мелькнула большая тень. В зареве костров пронесся над кустами трос с якорем на конце. Рассекая воздух, трос с размаху налетел на стальную поперечину, якорь

подскочил вверх, шаркнул по железу и прочно зацепился между стойками. Самолет, словно споткнувшись, клюнул в воздухе носом, дернул трос, точно попавшаяся на крючок огромная рыба лесу, и, тотчас, натруженно взревев, пытался взмыть, но зацепился хвостом за деревья и рухнул на землю. Сильный взрыв потряс ночной воздух…

В тот же миг над поляной появились два истребителя. Они стояли наготове и поднялись с ближнего аэродрома, как только с границы по радио сообщили о том, что вражеский самолет пересек рубеж. Они пронеслись низко над землей, и летчики увидели, что им уже некого преследовать — «ловушка» сработала отлично.

Подбежавшие чекисты вытащили из-под горящих обломков троих людей. К пылающему самолету спешили санитары с носилками. Один из задержанных в штатском получил ожоги, двое других в комбинезонах и шлемах пилотов отделались ушибами. Это были Вильфред и Миллер. Пока их обыскивали, доктор склонился над обожженным.

— Как вы думаете, останется в живых? — с тревогой спросил Васильев.

— Постараемся, — сказал врач. — Мы, кажется, подоспели вовремя.

— Кто этот третий? — обратился Телегин по-английски к Вильфреду. — Тоже летчик?

Вильфред пренебрежительно дернул плечом:

— Нет. Это немец. Беттер.

Эпилог

Алексей взбежал на пригорок и остановился. Узкая тропинка вилась вниз, к реке, к парому. А за рекой на откосе раскинулось село. Его родное село!..

В воздухе кружился первый снежок. Алексей засмеялся, запрокинув голову, и поймал ртом снежинку. Снег, снег! Родной снег! Пусть он кружится, пусть падает, чистой белизной устилая землю. Ту землю, по которой теперь можно ступать смело и открыто, ступать твердыми шагами, не страшась чужих наблюдающих глаз, не прячась и не таясь!.. Ту землю, которая всегда, всегда была для него любимой и желанной, землю его родины!..

Он вздохнул глубоко и свободно, всей грудью. Позади были страшные годы одиночества и скитаний. Позади были тяжкие дни дикой боязни за свою жизнь — те дни, когда он ходил и ездил по советской земле как враг. Ему вспомнился Сергей. Тот был уверен, что ему везет. Нет, не повезло. И не могло повезти. И никому не сможет повезти, кто вздумает тайно пробраться на эту землю, чтобы вершить черные дела. За то время, пока

Алексей помогал чекистам завершить операцию, он убедился в этом. Да, все страшное позади. А впереди — новая жизнь, светлая и радостная!..

— Мама! — крикнул Алексей во всю силу легких. — Мама! Я иду! Я вернулся навсегда, мама!..

Эхо родных лесов многократно повторило этот возглас — радостный возглас, вырвавшийся из самого сердца.

Н. А. Киселев

Николай Алексеевич Киселев родился в 1908 году в Москве, в семье рабочего. После окончания семилетки он работал на московских предприятиях. В 1929 году, как лучший производственник фабрики «Красная Роза» и активист комсомольской организации, Николай Алексеевич был выдвинут на пост председателя общества туризма при Хамовническом райкоме ВЛКСМ, а через год — на должность инспектора Моссовета.

В 1932 году Н. А. Киселев поступил в Московский авиационный институт, но закончить его не смог, так как с третьего курса был мобилизован на службу в Главное управление милиции СССР.

В 1936 году партийные органы направили Н. А. Киселева на работу в советскую контрразведку, и он четверть века отдал делу обеспечения безопасности нашей социалистической Родины.

Принципиальный, высоко требовательный к себе и другим, Николай Алексеевич был чутким товарищем, внимательным собеседником и всегда оставался, говоря словами Феликса Эдмундовича Дзержинского, «человеком с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

В годы Великой Отечественной войны Н. А. Киселев выполнял ответственные специальные задания командования. Советское правительство высоко оценило боевые заслуги и трудовое отличие Н. А. Киселева, наградив его орденом Красного Знамени, четырьмя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны второй степени и шестью медалями. Н. А. Киселеву присвоено почетное звание «Заслуженный работник НКВД».

Свою литературную деятельность Н. А. Киселев начал с активного участия в стенной печати. Многие годы он писал заметки, статьи, фельетоны, эпиграммы.

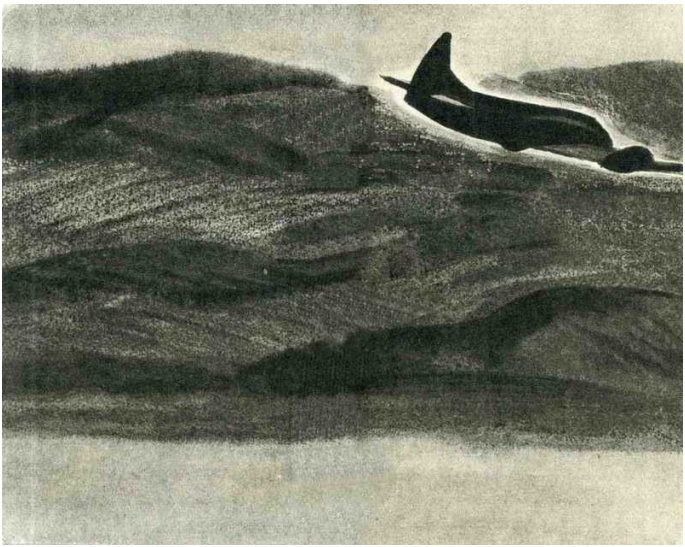
С годами у Н. А. Киселева один за другим рождались планы задуманных книг, он делал наброски, отдельные записи. Но времени на литературную работу не хватало, и, только уйдя на пенсию, он весь отдался практическому осуществлению своих творческих замыслов.

Приступив к работе над повестью «Ночной визит», Н. А. Киселев одним из первых поднял вопрос о создании при Центральном клубе имени Дзержинского литературного объединения. А когда оно возникло, в течение шести лет был самым деятельным его членом. Работая над совершен-

ствованием своего литературного мастерства, он терпеливо, вдумчиво, не считаясь со временем, помогал и своим товарищам — членам литобъединения. И если кто из них начинал входить в литературу — немалая заслуга была в этом Николая Алексеевича.

Закончив повесть «Ночной визит», Н. А. Киселев приступил к работе над новым произведением из истории партийного подполья. Но тяжелая болезнь оборвала творческие планы и жизнь коммуниста-чекиста.

Ив. Золотарь,
Мих. Прудников —
члены литературного объединения
клуба имени Ф. Э. Дзержинского



52 коп.